

Том 10, № 1
2013

Учредитель

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

В.М. Розин

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

Т.Н. Ушакова

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Ю.В. Брисева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

Е.Н. Осина

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес редакции:

109316, г. Москва,

Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© НИУ ВШЭ, 2013 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.М. Розин. Методология, мышление,
коммуникация3

Специальная тема выпуска:

Новые методы психологической диагностики

Е.Н. Осин. Вступительное слово22

Г.М. Бреслав. Разработка частотного индекса
сексуальной удовлетворенности (ЧИСУ)
в диагностике супружеских
взаимоотношений25

Е.А. Орёл, Т.Е. Хавенсон. Отношение
к статистике у студентов, изучающих
социальные науки: операционализация
понятия и его измерение37

Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев.
Дифференциальный опросник переживания
одиночества: структура и свойства55

Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин.
Копинг-стратегии в структуре деятельности и
саморегуляции: психометрические
характеристики и возможности применения
методики COPE82

Психология образования

А.О. Карпов. Социокогнитивные основы
и модель исследовательского обучения119

Персонология

А.Н. Исаева. «Принцип оппозиций»
в персонологическом познании135

Интердисциплинарные исследования

А.Б. Орлов, Н.А. Орлова. Критическая
психология в действии: социетальная
перспектива150

Обзоры и рецензии

Р. Линн, Т. Ванханен. Интеллект: связующий
конструкт для социальных наук.
Рецензия С. Каназавы177

Резюме выпуска на европейских языках179

Vol. 10, № 1
2013

Publisher

National Research University
«Higher School of Economics»

Editor

V.A. Petrovsky

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanshikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

T.N. Ushakova

S.R. Yagolkovsky (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova,*

N.S. Sambu

Translation into English

E.N. Osin

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316,

Moscow, Russia.

E-mail: sychology.hse@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© NRU HSE, 2013

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Methodology, Thinking, Communication3

Special Theme of the Issue.

New methods of psychological assessment

E.N. Osin. Editorial22

G.M. Breslav. Elaboration of Frequency Index of Sexual Satisfaction (FISS) in Marital Relationships Assessment25

E.A. Orel, T.E. Khavenson. Attitudes towards Statistics in Social Science Students: Operationalization and Measurement37

E.N. Osin, D.A. Leontiev. Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: Structure and Properties55

E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva, E.N. Osin. Coping Strategies in the Structure of Activity and Self-Regulation: Psychometric Properties and Applications of the COPE Inventory82

Educational Psychology

A.O. Karpov. Sociocognitive Foundations and a Model of Research Learning119

Personology

A.N. Isaeva. The «Opposition Principle» in Personological Cognition135

Interdisciplinary Research

A.B. Orlov, N.A. Orlova. Critical Psychology in Action: A Societal Perspective150

Reviews

R. Lynn, T. Vanhanen. Intelligence: A Unifying Explanatory Construct for the Social Sciences. Reviewed by *S. Kanazawa*177

Summary of the Issue179

Философско-методологические проблемы

МЕТОДОЛОГИЯ, МЫШЛЕНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 500 научных публикаций, в том числе 50 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@gmail.com

Резюме

В статье автор отвечает на критику современной методологии. Он старается показать, что альтернативы ей не существует, а потребность в методологии постоянно возрастает. Рассматривается ряд особенностей современной методологии: установка на перестройку неудовлетворительных форм и способов мышления и создание новых способов, контроль за самим методологическим мышлением, опора на техники мышления и знание природы мышления, тесная связь с философией, разделение методологии на общую и частную. В связи с кризисом современной коммуникации обсуждаются критерии правильности методологической работы и мышления.

Ключевые слова: методология, мышление, коммуникация, правильность, эффективность, концепции, осознание, программа.

Одни философы обвиняют методологию как подход в претензиях на нормативизм и всеобщую экспансию,

другие — в технологизме, третьи (феноменологи) утверждают, что методология в силу приверженности

к априорности и методам не в состоянии осмыслить изучаемое явление в его *уникальности и своеобразии*. В.С. Швырев пишет следующее: «Вместе с тем провал программы разработки универсальной нормативной методологии науки на основе так называемой стандартной концепции науки, сформулированной логическими позитивистами, стимулировал радикальный отказ от самой идеи методологии (характерен подзаголовок работы П. Фейерабенда — “Против метода”). Эта же “антиметодологическая” идеология активно развивается в настоящее время и в русле постмодернизма. Преодолевая соблазны методологического нормативизма, самосознание науки вместе с тем не должно отказываться от всякой методологической регулируемости» (Швырев, 2001, с. 554). Что здесь В.С. Швырев имеет в виду, говоря о соблазне методологического нормативизма? Разве методология по своему замыслу не должна быть нормативной? Может быть, он подразумевает глобалистские претензии методологии, причем любых направлений методологии, а вполне определенных?

Например, действительно, создатель самой крупной современной школы методологии (ММК) Г.П. Щедровицкий никогда не отказывался от экспансии методологии на практически все области человеческой деятельности. В 1983 г. он пишет достаточно ясно: «Методология — это не просто учение о методе и средствах нашего мышления и деятельности, а форма организации и в этом смысле “рамка” всей мыследеятельности и жизнедеятельности людей...» (Щедровицкий, 1995, с. 118). И в

конце своей жизни он не отказывается от этой мысли, утверждая, что методологическое мышление является «универсальной формой мышления», рефлексивно «охватывающей все другие формы и типы мышления» (там же, с. 152).

Нельзя ли в связи с этими высказываниями позицию Г.П. Щедровицкого квалифицировать как «панметодологическую»? А.П. Огурцов, обсуждая историю методологии, показывает, что первоначально и отчасти в дальнейшем она мыслится как учение о методах мышления (Г.В. Лейбниц, Х. Вольф, Д.С. Милль, В. Вунд и др.), но затем и параллельно она рассматривается как часть логики и наукоучения (И. Кант), как эвристика (Б. Больцано), как часть метафизики (И.Ф. Герbart), как техническая дисциплина, использующая логические формы и нормы в методах различных наук (В. Виндельбанд). «Для неокантианцев вообще, — замечает А. Огурцов, — характерен панметодологизм, то есть превращение методологии в универсальное философское учение, определяющее и форму, и содержание, и предмет научного познания и вообще своеобразии тех или иных научных дисциплин» (Огурцов, 2001, с. 556). А вот технологическое истолкование методологии.

Методологическая работа, пишет Г.П. Щедровицкий, предполагает не только исследование, но, прежде всего, *создание* новых видов деятельности и мышления, «и этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями» (Щедровицкий, 1995, с. 95).

Инженерное истолкование методологии смыкается у Г.П. Щедровицкого с оргуправленческим. Методология стала складываться тогда, говорит он, когда стала «развертываться полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации и насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после Первой мировой войны стала господствующей» (там же, с. 149).

Теперь спор феноменологов с методологами. Последние считают методологию альтернативой феноменологии. Ну, какая же это альтернатива! — скажет феноменолог. Методолог не может и шагу ступить без своих костылей — методов, схем, рефлексии, науки, проектирования, в то время как феноменолог весь этот сложный арсенал инструментов с успехом заменяет своим собственным сознанием и его работой. Феноменолог так устанавливается, приводит себя в такое «основонастроение», превращает себя в такое «событие», что интересующий мыслителя «предмет сам является».

«Всякое сущностное мышление, — пишет М. Хайдеггер, — требует, чтобы мысль и положения каждый раз заново как металл выплавлялись из основонастроения. Если основонастроение отсутствует, то все есть лишь принужденный звон понятий и словесных оболочек <...> Мышления бытия как событие — это изначальное мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое <...> Событие: надежный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутрен-

ней нужды исторического человека» (Хайдеггер, 2009, с. 69–70, 77).

Более того, продолжит феноменолог, методология в своем желании все контролировать, делать ясным и операциональным, просчитываемым и управляемым невольно выплескивает вместе с «ошибочными способами мышления» самого ребенка: с одной стороны, *уникальный феномен*, который никогда не может быть вычислен и прояснен до дна, а часто именно этим прояснением затемняется, с другой — саму мысль, суть которой в том, чтобы готовить следующую, новую мысль. Хотя методология, продолжит свою критику феноменолог, претендует на то, чтобы развивать мышление, она, вынужденная опираться на свои костыли, невольно смыкается с мировоззрением и метафизикой, которые в принципе не могут себя обосновать.

«Философия — это всегда начало, и она требует преодоления самой себя. Мировоззрение должно отказывать себе в новых возможностях, чтобы оставаться самим собой <...> *Тотальное мировоззрение закрывается от открытия своего основания и исследования основания империи своего “созидания”*: т.е. его созидание ни в коей мере не может прийти в свою сущность и стать сверх-себя-созиданием, потому что тотальному мировоззрению пришлось бы в таком случае поставить себя самое под вопрос. Отсюда следствие: созидание заранее заменяется *производством* <...>

“Мировоззрению” может быть противопоставленным лишь вопрошание и решимость к тому, что стоит вопрошания. Всякая попытка опосредования (т.е. использование методов,

концептов, схем и прочих средств методологии. — В.Р.) — с какой бы стороны она ни предпринималась — ослабляет позиции и устраняет поле для возможности подлинной борьбы» (там же, с. 81, 84).

«Способ рассмотрения этого вопроса (о смысле бытия. — В.Р.) является феноменологическим. Тем самым это исследование не предполагает ни определенной “точки зрения”, ни определенного “направления”, потому что феноменология не есть и не может стать ни тем, ни другим, пока она понимается правильно» (Heidegger, 1960, S. 27).

Но не являются ли сами эти размышления М. Хайдеггера методологией? Ну, да, методологией, озабоченной преодолением завалов, созданных мировоззрениями и «натуралистическими» концепциями, описывающими реальность как таковую. Методологией, ставящей своей целью удержать уникальность явления, очистить его от существующих односторонних точек зрения (опосредований и редукций), взять его, так сказать, неповрежденным. Но реалистичен ли такой проект, не будет ли неповрежденный феномен — кантианской «вещью для себя», которую мы можем помыслить, но ничего конкретного о ней сказать не в состоянии?

Но стоит согласиться, что здесь М. Хайдеггер касается болевой точки, реальной проблемы, которую часто рассматривают как слабость методологии, а именно как *неясность, непрозрачность ее оснований*. Обратим внимание на то, что в методологии большую роль играют методологические программы. Спрашивается почему? Не потому ли, что всегда

может быть задан вопрос: с какой это стати методолог предписывает другим специалистам, как им мыслить, почему он думает, что сам мыслит правильно? Что из того, что методолог изучает и конституирует мышление, если не ясны основания его подхода, вряд ли стоит не раздумывая идти за ним. Интуитивно понимая это, методолог и предъявляет методологическую программу, где указывает функции методологии и отношения методолога с другими специалистами, рассказывает, как он понимает, изучает и конституирует мышление.

Например, Г.П. Щедровицкий выставил несколько аргументов в разъяснение оснований методологии. Первый таков: методология строится (должна строиться) на основе наиболее современного научного понимания мышления и деятельности. Но как быть, если оппоненты сомневаются, что создатель ММК реализует наиболее современное и эффективное научное мышление? Тогда предлагается второй аргумент — методология в лице Г.П. Щедровицкого вошла в прямой контакт с мышлением. В одном из последних интервью Г.П. Щедровицкого мы читаем:

«Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент — мне было тогда лет двадцать — я

ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть <...> Все наше поведение — это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра — играет, а мышление — мыслит» (Щедровицкий Л.П., 1997, с. 9, 12).

Стоит обратить внимание на то, что «сесть на человека» мышление может лишь при определенных условиях, и Г.П. Щедровицкий их четко фиксирует: это деятельность, в значительной степени марксистская концепция формирования человека, предполагающая усвоение им средств, выработанных культурой и социумом. В этом случае человек, присвоивший себе в ходе образования часть социокультурных форм, именно своей активностью и деятельностью может продолжить их жизнь и даже создавать новые социокультурные формы. В этом ключе можно, например, понять двоякую трактовку Г.П. Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия — это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой — это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новой организованности.

Тем не менее упрямый оппонент может продолжать сомневаться и не поверить, что Г.П. Щедровицкий избран мышлением в качестве мессии, знаменующего приход нового мышления. Тогда появляется третий аргумент, который можно назвать социологическим: Г.П. Щедровиц-

кий постоянно подчеркивал, что за ним стоит школа (ММК), что его исследования опираются на работы участников этой школы (Н.Г. Алексеева, И.С. Ладенко, В.А. Лефевра, Б.В. Сазонова, О.И. Генисаретского, В.Я. Дубровского, В.М. Розина, А.С. Москаевой, Н.И. Непомнящей, Н.С. Пантиной, А.А. Пископеля, А.Г. Раппапорта, Б.Г. Юдина и др.).

Ну, да, школа, подобно отдельной личности, не может заблуждаться, но она вполне может развивать идеи, лежащие в стороне от мейнстрима. Создание организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые рассматривались как полноценная методологическая практика, поскольку в ней методологи получали в свое распоряжение, правда, только на период игры, специалистов-предметников и могли им предписывать, как мыслить и действовать, можно считать еще одним добавочным аргументом при обосновании методологических построений (Щедровицкий, 1995). Г.П. Щедровицкий, настаивая на эффективности ОДИ, как бы хочет сказать: «Смотрите, летает!» (подобно тому, как в конце концов самолет или ракета, созданные на основе законов физики, полетели). Но летает или нет, это не так-то просто понять. Дело в том, что участники игр Г.П. Щедровицкого, вроде бы успешно «перекованные» во время игры, выходя из нее и попадая на свои рабочие «места», оказывались или бессильны реализовать полученные принципы методологии, или вовсе не способны продолжать свою прежнюю работу (некоторые даже меняли профессию).

Несмотря на «круговую оборону», все эти аргументы практически

не воспринимаются философским сообществом. Может быть, в частности, потому что специалисты (ученые, инженеры, менеджеры и пр.), к которым методолог обращается, не являются методологами и поэтому не читают методологические программы; кроме того, в силу особенностей современной научной коммуникации, охваченной кризисом, они вообще не хотят слушать методологов. Не секрет, что современные коммуникации в сфере философии и науки становятся все более локальными и глухими друг к другу. Сообщества специалистов, хорошо понимающих друг друга, сужаются до нескольких человек, а в пределе до отдельного индивида. Робкие попытки установить нормы мышления даже в отдельной аудитории или семинаре встречаются в штыки и воспринимаются иронически. Конечно, есть отдельные области знаний, например, математика, где положение дел с коммуникацией не столь катастрофично, но это только подтверждает правило. Впрочем, стоит уточнить. Подобная оценка — взгляд со стороны, сами участники той или иной аудитории или семинара, как правило, уверены, что понимают друг друга, хотя если их спросить, что и как они поняли, то выявляется полная разногласия и противоположность суждений.

Ну и что, скажет наш оппонент, подобное положение дел отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления к согласию и порядку — акцентирование различий, раз-

ногласия, противостояния, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего, искусства, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные», *реальности*.

Г.С. Померанец пишет, что в постмодернизме велика роль описательного плана, т.е. характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. «Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в «виртуальной» действительности, как в «Диснейленде». Карта предшествует территории и создает «территорию», телевизор формирует общество» (Померанец, 2001, с. 297).

Нужно заметить, что распадение мышления на отдельные области в обычной практике и отсутствие критериев правильности философской мысли в настоящее время достигли критического уровня. Приведу один пример. Несколько лет тому назад меня попросили написать вступление для сборника, в котором собраны доклады философов и ученых МГУ и Ульяновского государственного технического университета, обсуждавших на своем семинаре в течение двух лет (2001–2002) особенности современной философии и ее методологические основания. Прочел. Все доклады сами по себе достаточно

интересные, конечно, есть и слабые, но два-три очень сильные. Поражает другое: каждый философ или ученый обсуждаемые темы видит и понимает по-своему. Хотя все доброжелательны, друг друга не слышат; понимают формально, переинтерпретируя в своей системе непонятные положения докладчика; какого-то общего подхода к обсуждению и решению заявленной темы не просматривается. В результате все выговорились, а ответа на вопрос, что же такое современная философия и ее методологические основания, — нет. Правда, постмодернисты сказали бы, что получено столько ответов, сколько на этом семинаре присутствовало участников. Но ведь ответы разные, нередко взаимоисключающие!

Опять же социолог или психолог на это ответил бы так: от прошедшего семинара огромная польза, все высказались, поспорили, заявили и реализовали себя, подтвердили свой статус в качестве философов и ученых и как специалисты, которым не зря платят деньги и присваивают звания. При этом я вовсе не иронизирую, а просто констатирую обычную практику нашей научной и философской жизни. Пришло и осознание подобного состояния дел, причем не только в постмодернизме. Например, в книге А. Сосланда читаем: «Школы в психотерапии создаются как полемические плацдармы, и поэтому структура метода, как уже не раз говорилось, формируется не столько под влиянием опыта, обусловленного ситуацией терапевт — клиент, сколько опыта, вытекающего из полемики между терапевтами... мы исходим из вполне очевидного соображения, что в конечном итоге

все — полемика и политика» (Сосланд, 1999, с. 12–13, 35, 361).

Нельзя ли и в отношении участников семинара МГУ и УГТУ, а также многих других научных собраний утверждать нечто подобное? Что не столь уж важно содержание и решение проблем, куда важнее полемика и научная политика, еще важнее реализовать себя, продемонстрировать свое видение, подтвердить свой статус в качестве ученого или философа, наконец, действительно, сегодня очень трудно отделить содержание рассуждения и спора от личности рассуждающего.

С критикой методологии отчасти можно согласиться. Но недостатки методологии не снижают ее значения и необходимости. На мой взгляд, альтернативы методологии нет. В настоящее время, по сути, каждая серьезная интеллектуальная задача для своего решения предполагает методологическую работу: проблематизацию, выбор средств и стратегий решения, методологический контроль и рефлекссию, обсуждение неудач и проблем, возникающих при реализации методологических предложений, и пр. Наблюдения показывают, что значение методологии в течение всего XX в. постоянно возрастало. Все больше усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или

иной познавательной, более широкой мыслительной стратегии.

Если, например, в XIX в. естественнонаучные метод и подход считались главными, то в настоящее время наряду с ними широко используются гуманитарные и социальные мыслительные стратегии (дискурсы). Часто исследователь должен сам выработать стратегию и план мышления, по сути, совершенно новые. Помимо чисто рациональных дискурсов, на «поле мышления» вышли и заявляют о своих эпистемологических претензиях паранаучные и эзотерические направления мысли. Но и внутри отдельных подходов (естественнонаучного, гуманитарного, социального, эзотерического) существуют различные направления и стратегии мыслительной работы. Кроме того, известно, что в самой философии много разных школ и направлений. Приступая к решению определенной мыслительной проблемы или задачи, философ или ученый должны ориентироваться в этом настоящем море существующих в нынешнее время подходов и дискурсов, и здесь без методологии не обойтись.

Укажем теперь основные особенности методологического подхода. В «Великом восстановлении наук» Ф. Бэкон утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само мышление предвзвременно должно быть подвергнуто сомнению и «новому суду» (Бэкон, 1971, с. 76, 293). По сути, похожая установка лежит и в основании современной методологии. Она видит свое назначение, с одной стороны, в *перестройке и реформировании неудовлетворительных форм и способов*

мышления, с другой — в *построении способов мышления*, позволяющих решать принципиально *новые* проблемы и задачи. При этом, несмотря на различие трактовок мышления в разных направлениях методологии, думаю, я не очень ошибусь, утверждая, что мышление в методологии понимается, во-первых, как *дискурсивная мыслительная практика* (рассуждения, доказательства, построение схем, понятий, идеальных объектов и пр.), во-вторых, как *правильные* способы дискурсии, не приводящие к противоречиям и другим затруднениям, позволяющие эффективно решать мыслительные проблемы и задачи, в-третьих, как *осознание (концепции)* мышления; последний момент осознается значительно меньше. Проиллюстрирую это положение конкретно для философии и науки.

Дискурсивные практики представляют собой *характерные для индивида и нормированные* способы получения знаний. В античной культуре — это рассуждения, способы решения задач и проблем, математические доказательства, опирающиеся на рассуждения процедуры познания сложных явлений (например, *любви* в «Пире» Платона или *движения* в «Физике» Аристотеля). Важно, что источником знаний, полученных в этих мыслительных практиках, является деятельность индивида, которая направляется правилами и категориями, сформулированными Аристотелем в «Аналитиках» и «Метафизике». Говоря о *правильных* способах получения знаний, я имею в виду именно эти правила и категории. В следующих культурах были созданы и другие мыслительные

практики, например, в средние века теологические и алхимические рассуждения, в Новое время естественнаучные способы получения знаний с использованием математики и эксперимента и пр. Но для них характерны широко понимаемый контроль и сопровождение (правильно направлять мысль могут признанные образцы, собственно правила логики, методологические соображения и др.), а также то, что мыслит (получает знания) индивид¹.

Примеры концептуализаций (концепций) мышления такие: аристотелевская трактовка мышления в работе «О душе», представления о мышлении Ф. Бэкона и Р. Декарта, феноменологическое понимание мышления в работах Ж. Делеза и М. Хайдеггера, первая методологическая программа (построения теории мышления) Московского методологического кружка, концепция мышления Вюрцбургской школы, а также гештальтистские представления о мышлении.

Разделение дискурсивных мыслительных практик и концепций мышления — прием чисто аналитический. Мыслительные практики образуют своего рода «тело мышления», если можно ввести такое представление, «сознанием» которого выступают концепции мышления. В живом орга-

низме — а мышление, на наш взгляд, напоминает такой организм жизни — сознание и телесность сосуществуют в единстве. Целое — не отдельно мыслительные практики и концепции мышления, а именно мышление, причем *эволюционирующее*. Наши исследования показывают, что эволюция мышления состоит из циклов, обусловленных сменой культур и/или вызовами времени, причем каждый цикл, в свою очередь, включает два основных этапа: *становление* мышления и его *функционирование* (и *развитие*). Можно говорить и о *порче* (коррупции) мышления. Состав самого первого цикла такой: становление античного мышления в работах Платона и Аристотеля, функционирование и развитие мышления в античной философии, науке, юриспруденции и политике. Порчу античного мышления можно увидеть (реконструировать) в «творчестве» многих античных политиков и юристов. По меньшей мере три цикла мышления приходится на Новое время. Первый новоевропейский цикл мышления вполне можно назвать по соответствующим двум концепциям — «бэконовско-декартовским», второй — «психологическим», третий — «постклассическим» (он задан методологической и феноменологической концепциями мышления).

¹ Подчеркивая роль в мышлении деятельности индивида, я противопоставляю мыслительные способы получения знаний тем, которые практиковались до античной культуры. В архаической культуре и культуре древних царств новые знания создавал, если вообще так можно говорить, не индивид, хотя он, безусловно, участвовал в процессе, а культура. На формирование новых знаний уходили десятилетия, а иногда и столетия, в этом участвовали разные поколения людей, знания «проверялись» в опыте, получение новых знаний как особая реальность не осознавалось. В этом плане процесс становления новых знаний лучше понимать как естественно-исторический, безличный.

С опорой на эту концепцию можно указать более конкретные задачи, которые решает методология, например, в плане перестройки и реформирования мышления в науке:

- оценка состояния в некоторой области научного мышления и знания как неудовлетворительных;

- «методологический поворот», т.е. переход от предметной, научной позиции к методологической, от изучения объекта данной науки к анализу «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, идеалов науки, типов знаний, основных дискурсов и способов мышления и пр.);

- перестройка рефлексивных содержаний на основе определенных стратегий (деятельностной, системно-структурной, гуманитарной и др.);

- возвращение в научный предмет («дисциплинарный поворот»), что предполагает создание первых образцов новых понятий и способов познания.

Вторая важнейшая характеристика методологии — контроль за правильностью самой методологической мысли, предполагающий, с одной стороны, ее *рефлексию, анализ и оценку*, с другой — *определенное изменение* (перестройку). Многолетняя полемика с известным психологом и методологом А. Пузыреем заставила меня продумать саму стратегию методологического мышления. Я уяснил, что, хотя наши «глаза» уперты в действительность (явление, объект), по сути, построенные, которые мы создаем, больше зависят от наших собственных задач и проблем, наших установок и способов работы. В связи с этим нужно научиться видеть это обстоятельство

и, главное, стараться так мыслить, чтобы контролировать эти детерминанты, сознательно их выбирать и формировать.

В качестве иллюстрации могу привести собственное гуманитарное исследование жизни А.С. Пушкина. Читая однажды письма великого поэта, я поймал себя на мысли, что мне совершенно не понятны ни поступки, ни высказывания А.С. Пушкина, особенно по отношению к женщинам, кутежам и карточной игре. В то же время и игнорировать свое непонимание я не мог, слишком велико в моей душе было значение Александра Сергеевича; следуя за Мариной Цветаевой, я вполне мог сказать — «Мой Пушкин». Я не мог жить с таким пониманием, точнее, непониманием, и отмахнуться от возникшей проблемы. Читая письма, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покою и Петру Чаадаеву. Не правда ли, удивительно: Чаадаев пишет, что А.С. Пушкин «мешает ему идти вперед», спрашивается, при чем здесь А.С. Пушкин: иди вперед, если хочешь. Но в том-то и дело: если А.С. Пушкин мой, во мне, часть моего Я, то я не могу отмахнуться, если не понимаю или не одобряю его поступки.

В результате я вынужден был начать сложную работу. Вспомнив совет М. Бахтина, который писал, что «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться, думать о них — значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной», я предоставил голос

самому А.С. Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого я искал в его письмах ответы на мои вопросы, пытался встать в позицию А.С. Пушкина, увидеть мир его глазами, сам и с помощью Ю.М. Лотмана реконструировал его время, нравы, обычаи и т.д. и т.п. Например, я понял, что А.С. Пушкин был романтиком, что карточная игра в его время имела совершенно другой смысл, чем в наше (это была форма преодоления несвободы), что отношение А.С. Пушкина к женщинам отчасти было обусловлено тем, что он был помещиком, что на него большое влияние оказывали его друзья, порицавшие его образ жизни, наконец, и сам Александр Сергеевич все больше осознавал несоответствие своего образа жизни с ролью национального поэта России.

Опираясь на все это, т.е. на сконструированный мной образ А.С. Пушкина (идеальный объект), я смог показать, что на рубеже 1830-х гг. с А.С. Пушкиным происходит духовный переворот. Он пересматривает свою жизнь, отказывается от прежних ценностей, принимает на себя ряд задач, направленных на служение России. Я анализировал поступки А.С. Пушкина и старался понять их мотивы, короче, делал все, чтобы А.С. Пушкин действительно стал моим, чтобы А.С. Пушкин, как писал П.Я. Чаадаев, позволил мне идти своим путем, чтобы я смог жить вместе с А.С. Пушкиным.

Если взглянуть на проведенное исследование с точки зрения методологии, то приходится признать, что практически все шаги моей мысли были обусловлены задачами, которые я решал как методолог. Так, я

хотел понять особенности гуманитарного научного познания и сознательно выстраивал свое исследование как удовлетворяющий меня образец гуманитарного мышления. При этом я не менее сознательно реализовал ряд методологических представлений: понимание гуманитарной науки и научного исследования, полученные в предыдущих исследованиях, культурологический и методологический подходы, значение схематизации и др. Итог исследования — не только знания о жизни А.С. Пушкина и разрешение мучавшей меня экзистенциальной ситуации, но и существенное уточнение методологических представлений о специфике и особенностях гуманитарной науки и познания (Розин, 2009, с. 108–135).

Здесь, естественно, встает поставленный выше сакраментальный вопрос: почему решение методологических проблем должно определять способы изменения других форм мышления, где гарантии того, что методологи сами правильно мыслят? Ну, во-первых, в культуре никаких гарантий нет, точнее, нет такого субъекта, который эти гарантии может дать. Во-вторых, если методолог перестраивает мышление, *учитывая его природу, следит за строгостью собственной мысли, рефлектирует ее и выставляет на обсуждение заинтересованным субъектам* (ученым, инженерам, искусствоведам и др.), *если он готов учесть их критику* (что не означает обязательно с ней согласиться), а также *готов, если это необходимо, изменить собственные представления и способы работы*, то в этом случае методолог может считать свое мышление продвинутым и

совершенным. Другое дело, что подобная оценка эффективности собственного мышления в дальнейшем может оказаться неверной, однако с этим ничего поделать нельзя. Методолог — пионер, прокладывающий новые пути в мышлении, он делает все, чтобы открывать новые «дороги» мысли, но поскольку чаще всего неизвестно, куда они выведут, постольку и методология может завести нас в тупик. Тем не менее, как правило, она все же выполняет свое назначение, способствуя дальнейшему становлению и развитию мышления. А издержки и ошибки есть во всяком деле, тем более столь сложном.

Третья основная характеристика — опора в решении методологических проблем и задач, с одной стороны, *на современные интеллектуальные технологии*, с другой — *на научное изучение мышления*². Действительно, методолог в качестве своих средств (стратегий) использует, с одной стороны, техники ведения диалога и критики, техники проектирования, программирования, научного исследования и т.д., с другой — знания, полученные в ходе исследования становления и функционирования мышления. В отличие от философии методология специали-

зируется именно на технологической стороне мышления; методолога в первую очередь интересует *как*, а не *что*, даже объект или реальность он понимает как форму существования мыслительной деятельности. А исследование мышления методологу необходимо для того, чтобы, переосмысливая последнее, быть уверенным, что это делается правильно, что технологии, которые он применяет, не разрушают мышление, а способствуют его дальнейшему развитию. Дело в том, что мышление — это не только конструкция методолога, но и органическое образование, на становление и функционирование которого оказывают влияние различные и часто мало контролируемые факторы: вызовы времени, изобретения, установки мыслящей личности, условия коммуникации (понимание и непонимание, установки на согласие и сотрудничество, состав участников и др.), способы использования знаний и ряд других еще не изученных моментов.

Органическая, в том числе культурно-историческая природа мышления, на мой взгляд, делает невозможной реализацию панметодологической программы Г.П. Щедровицкого. Методология конституирует только рациональную составляющую

² В начале 1960-х гг. Г.П. Щедровицкий, критикуя традиционную логику и противопоставляя ей содержательную логику как программу исследования мышления, пишет: «Естественным и вполне закономерным итогом разработки логики в этом направлении явилась формула: логика исследует не мышление, а правила формального выведения, логика — не наука о мышлении, а синтаксис (и семантика) языка... Одной из важнейших особенностей содержательной логики является то, что она выступает как эмпирическая наука, направленная на исследование мышления как составной части человеческой деятельности» (Щедровицкий, 1995). Но еще раньше в работе «Языковое мышление и его анализ» (1957) он обсуждал методы исследования мышления.

мышления, безусловно, важную составляющую, но не единственную. Чтобы взять методологическое построение, его еще нужно понять и убедиться, что оно на самом деле работает, как обещано. А это зависит уже не от методолога, а от многих объективных и субъективных обстоятельств. Кроме того, реформирование больших областей и сфер деятельности не под силу современной, даже самой продвинутой технологии. Не все, например, можно спроектировать и в силу сложности проектируемого явления, и в связи с его органичностью. Мышление – не здание и не механизм, оно меняется, в том числе поскольку мы его изучаем и перестраиваем, поскольку вклад в мышление делают другие люди и разные не всегда осознаваемые обстоятельства. Да, в идее методологии заложена установка на организацию и нормирование мышления, но реализуется она только частично. Еще один момент – невозможность перестраивать существующее мышление и строить новое в смысле социально-инженерного (социотехнического) подхода. Дело в том, что исследование мышления позволяет получить не законы, напоминающие естественнонаучные, а схемы и представления, фиксирующие сложившиеся на данный момент (или раньше) структуры и процессы мышления, а также условия, их определяющие. Эти схемы и представления, конечно, можно использовать при конституировании новых структур и типов мышления (и они используются), но только как знания гипотетические, для разработки сценариев развития мышления, анализа границ и пр.

Четвертая характеристика методологии – разделение ее на две

сферы: *частную* и *общую*. Задачи частной методологии – перестройка способов мышления в той или иной *конкретной дисциплине* (определенном направлении философии, конкретной науке, конкретном типе проектирования, определенном виде искусства и т.д.). Основная задача общей методологии – исследования и разработки, позволяющие создавать *средства для частных методологов*. Например, для рефлексивного поворота нужно обсуждать, что такое рефлексия и какие виды рефлексии существуют. Для перестройки или создания новых рефлексивных содержаний (понятий, схем, идеальных объектов, процедур, знаний и пр.), соответственно, необходимы знания об их природе. Так вот все эти исследования (мышления, деятельности, понятий, схем и т.д.) – предмет общей методологии. Скажем, как частный методолог я обсуждаю в психологии программы ее реформирования (К. Левин, Л.С. Выготский и др.), основные стратегии психологического исследования, особенности психологических понятий, критерии истинности психологических знаний, эффективность психологической практики и др. (Розин, 2006). В общей методологии я для решения этих задач изучаю соотношение естественнонаучного и гуманитарного подходов, природу и типы эксперимента, формирование психологии как науки, становление новоевропейской личности и много других тем, которые позволяют получить знания, используемые в частной методологии.

Особенностью частной методологии является не только неприятие установок панметодологии, но и другое

понимание правильности методологических построений. Частный методолог идентифицирует себя как действующего в *кооперации с предметником* (философом, ученым, педагогом, проектировщиком и т.д.). Хотя он и дает рекомендации ему, как мыслить и действовать, но не потому, что знает подлинную реальность, а в качестве специалиста, изучающего и конституирующего мышление, такова его роль в разделении труда. Кроме того, он апеллирует к *опыту и природе мышления*: мышление становится более эффективным, если осуществляются критика и рефлексия, используются знания о мышлении, если методолог вместе с предметником конституирует мышление. Частный методолог использует весь арсенал методологических средств и методов, понимая свою работу как *обслуживание специалистов-предметников*, т.е. он не только говорит им, как мыслить и действовать в ситуациях кризиса, но и ориентируется на их запросы, в той или иной степени учитывает их видение реальности и проблем, ведет с ними равноправный диалог³.

Пожалуй, пятая характеристика методологии — ее *связь с философией*. Акцентируя технологическую сторону дела, сосредоточиваясь на мышлении и его реформировании, методология нуждается в более широком взгляде, учитывающем

личность мыслящего и само бытие (время), его вызовы и сущность. Конечно, можно считать, подобно Г.П. Щедровицкому, что все это должно учитываться в самой методологии, но я так не думаю. Вряд ли методология, претендующая на ассимиляцию философии и других наук, будет жизнеспособным и культуросообразным социальным организмом. Теперь о критике со стороны феноменологии.

Реальный феноменологический анализ представляет собой не столько реализацию представлений, соответствующих «феноменологической концептуализации», сколько особую методологию и мыслительную работу, позволяющую увидеть новое, конституировать новую предметность и реальность. При этом могут быть использованы самые разные средства и методы, важно лишь, чтобы в результате это новое проявилось и появилось.

В этом отношении феноменологическая работа принципиально двухслойна: в одном слое феноменолог использует обычные инструменты и способы работы, в другом он отслеживает свое сознание на предмет становления нового, выявления новой предметности и реальности. Иначе говоря, я утверждаю, что феноменологическая работа не образует целого; она входит как необходимая составляющая в более сложное

³ Например, в России в 1980-х гг. сложилась полноценная методологическая дисциплина в биологии, представители которой (С. Мейн, Р. Карпинская, А. Любищев, А. Алешин, В. Борзенков, К. Хайлов, Г. Хон, Ю. Шрейдер, И. Лисеев, В. Розин и ряд других) активно обсуждают кризис биологической науки и мышления, анализируют основные парадигмы этой науки, намечают пути преодоления кризиса, предлагают новые идеи и понятия, необходимые для развития биологии.

образование творчества-познания. Эта составляющая концептуализируется через работу сознания, что, возможно, так привлекает психологов, если вспомнить, что сознание, а не психика выступало первым предметом психологии.

Кроме того, феноменологи в полемике с односторонними подходами к изучению явлений, которые блокировали творчество, а часто и саму возможность правильно понимать явление, как раз и выплеснули с критикой самого ребенка — *идеализацию как совершенно необходимое условие всякого познания*. Действительно, и философское, и научное познание предполагает построение «идеальных объектов», которые позволяют приписывать явлению определенные характеристики и удерживать эти характеристики в ходе дальнейшего изучения. Причем такая работа, наоборот, впервые дает возможность, как говорят феноменологи, явлению появиться. Именно потому, что Платон, давая определения, приписывает любви в «Пире» определен-

ные характеристики (любовь — это гармония, разлитая в космосе, это поиск своей половины и стремление к целостности, это вынашивание духовных плодов, это не бог, а гений), платоническая любовь появляется для читателей «Пира».

Здесь принципиальный вопрос: можно ли, как говорят феноменологи, правильно установиться, не осуществляя проблематизацию, не используя современных представлений, полученных в гуманитарных и социальных науках, не формулируя исследовательских программ и гипотез, не строя идеальных объектов и т.д., что входит в арсенал современной методологической работы. Во всяком случае, как я показываю в своих исследованиях, М. Хайдеггер без методологии и гуманитарных исследований обойтись не мог (Розин, 2008).

Стоит отметить, что многие методологические формы работы, по сути, эквивалентны феноменологическим, но в отличие от последних не многозначны и не косвенны⁴. Например,

⁴ Разъясняя смысл косвенности феноменологического метода, В. Бибихин в своей последней статье пишет: «Сущее, уверяет метафизика, существует, т.е. оно некоторым образом готово. Наоборот, Бытие всегда только осуществляется. Оно сбывается в событии, которое всегда мгновенно, и, вспыхивая, создает места, *Stätte*, где проходит и снова ускользает Бог. Если ищут про света тайны не чтобы разоблачить, а чтобы открыть ее таинственность, то возможна ли опора на сущее? ...Как могут участвовать в событии люди, вросшие корнями в землю? Не уходя от своей ситуации и принимая ее всю... События не устроишь мыслью, или, вернее, так: мысль вся, начиная с ее собственной возможности, отдала ответственность за себя безопорному посредине» (Бибихин, 2009, с. 110–111).

Как указание «куда не надо ходить», «как не надо мыслить» это еще можно понять: ну да, сущее — это не бытие и не жизнь, а схватить в мысли нужно «суть бытия», т.е. так помыслить, чтобы бытие сохранялось и являлось. Но как это сделать конкретно, вот в чем вопрос? Я не могу считать ответом на этот вопрос красивые кружева из метафор, которые плетут М. Хайдеггер и В. Бибихин. А реальный анализ работ М. Хайдеггера, например, его исследований техники, показывает, что к «суги бытия» он приближается во всеоружии современной методологии.

я показываю, что проблематизация позволяет выявлять уникальность изучаемого явления, а также преодолевать односторонность исследовательского подхода. Гуманитарные установки методологической работы и методы культурно-исторической реконструкции — брать явление в связи с бытием (жизнью). Коллективные формы методологического мышления способствуют тому, что методологическая мысль строится так, чтобы готовить условия для следующей новой мысли.

А.А. Пузырей вслед за М. Хайдеггером, Ж. Делезом, М. Фуко и М. Мамардашвили жестко противопоставляет способы мышления, всего лишь воспроизводящие на разном материале одни и те же мыслительные стратегии и структуры (А.А. Пузырей называет это «пересчетом»), живым способам мышления, где мысль — это всегда негарантированное событие, всегда новая мысль, преодолевающая старые формы. Согласившись с этой оппозицией, я развел, во-первых, ситуации *функционирования сложившегося мышления* и ситуации *становления нового мышления*. Для функционирования мышления характерен интеллектуальный пересчет, для становления — новая негарантированная мысль и совершенно другой контекст использования, например, не для получения знаний о действительности, а, скажем, общения, диалога, встречи.

Я утверждал, что периодически в развитии мысли и способах построения знания возникают ситуации, требующие «остановки мысли», создания «машин мышления» (одна из последних принадлежит И. Канту). Как правило, это ситуации, в кото-

рых возникают противоречия и другие заторы в мышлении, например, складываются принципиально новые способы построения знаний, критикуются как неэффективные старые способы и т.п.; создание машин мышления необходимо и для массового распространения в культуре новых способов получения знаний (Розин, 2000, 2001). Одно из важных следствий построения машин мышления — перевоссоздание существующей действительности; самим мыслителем эта работа понимается как адекватное познание (открытие) существующего мира, в современной методологической реконструкции это конституирование на основе схем новой реальности.

Но, помимо «машин мышления», вводилось представление о «мышлении-встрече», «мышлении-событии». Мышление как событие и встреча — это определенная форма жизни личности, осуществляемая с помощью рассуждений и размышлений, создающая условия для встречи данной личности с другими. Одновременно это может быть и форма социальной жизни, реализуемая через творчество личности и размышления (Розин, 2001). Например, реализуя себя в мышлении, Сократ и Галилей порождают персональную реальность, которая, однако, дальше воспринимается обществом как точка роста социальной реальности. В ситуациях становления новой культуры и новой действительности мышление и жизнь личности совпадают, через них осуществляется и само становление.

Если машина мышления строится именно так, чтобы возможно было мыслить в некотором смысле, не думая, то мышление как встреча и

событие — это всегда уникальное негарантированное действие; состоит оно или нет, зависит не от законов мышления, а от того, как «здесь и сейчас» сойдутся различные элементы и обстоятельства. Тем не менее, после того как мышление состоялось, событие случилось (почему как раз здесь и на этом человеке — это всегда тайна), становится возможным отразиться структуру мысли, попытаться понять, что ее обусловило и предопределило. Понятно, что полученные при этом знания могут быть использованы при осуществлении, разворачивании новых действий и порывов мысли, но в качестве чего? Не законов мышления, а всего лишь для сценирования и конституирования новой мысли, при понимании того, что, помимо этих «знаний о состоявшемся мышлении», действуют и другие не менее существенные и обычно слабо осознаваемые факторы.

На мой взгляд, методология играет большую роль как в построении «машин мышления», так и в создании условий для «мышления-события». Правда, в последнем случае, считает С.С. Неретина, методология обнаруживает свой предел, ведь мышление как «событие-встреча» не может быть предугадано. Действительно, если признать, что на мышление действует ряд слабо контролируемых и осознаваемых нами факторов, то ставится под вопрос и идея методологии. В ответ я бы мог сказать, что современное истолкование мышления и его практика базируются на реализации одновременно двух типов работ — методологического программирования и *уяснения границ методологического подхода*.

В этом смысле с замечанием С.С. Неретиной можно согласиться; в данном случае идея методологии формулируется заново.

Помимо Г.П. Щедровицкого (это мой учитель) и А.А. Пузыря, определенное влияние на меня оказал С. Попов. Его критика социотехнического подхода, как мы его раньше понимали в ММК (а именно в чисто инженерном зале), и социальных наук, идея общественной инженерии, противопоставление социальных знаний схемам, а познания — конструированию заставили меня продвинуться сразу в нескольких направлениях. Я более четко сформулировал свой идеал социального действия: необходимость выслушивать реальность (т.е. не только исследовать реальность, но и вживаться в нее, осознавать ее напряженности и вызовы); действовать с учетом природы этой реальности, понимая одновременно, что аспектом социальной реальности являются наша деятельность, усилия, направленные на изменения; контролировать и протекание самого действия, и объективные последствия наших усилий; наконец, постоянно обращать социальное действие на самого себя, настраивая себя на реальность и социальное действие, приводя себя в соответствие со своими намерениями и возможностями. Именно под влиянием С. Попова я начал исследование схем и вскоре понял, что они позволяют решить многие проблемы, казавшиеся прежде неразрешимыми. Прежде всего, проблему конституирования (обнаружения) новой реальности и новых разных миров. В этом плане разработка учения о схемах позволяет связать методологию с

современной философией, всегда в той или иной степени завязанной на онтологическую проблематику, на принципы видения и понимания реальности. Именно С. Попов сделал для меня понятной важность методологического освоения социальной проблематики, я понял, что сегодня именно продвижение в этой области позволит сделать методологию современной интеллектуальной дисциплиной.

Кажется, где-то начиная с середины 1970-х гг. Г.П. Щедровицкий стал говорить о методологической школе, имея в виду семинар 1960-х гг. и те способы работы и представления, которые он старался удерживать и развивать. По сути, когда я говорю, что в начале 1970-х вышел из ММК, то подразумеваю не методологическую школу, а тот тип организации (методологической работы и жизни), которые были неотъемлемы от личности Г.П. Щедровицкого (в этом смысле когда он говорил: «Школа — это я», — то отчасти был прав). Если же иметь в виду характер мышления и мироощущение, противопоставленные другим формам мышления и

мироощущению, которые сложились в культуре, например, чисто научным или традиционно философским, а также иметь в виду формы мышления и мироощущения, воспроизводимые в моей работе и работе других методологов, то в этом смысле я никогда не выходил из методологической школы. Сегодня это становится очевидным: методология существует как в форме разных семинаров и направлений методологической работы, включая вполне социализированные, так и в творчестве отдельных методологов, но всегда в оппозиции к другим формам мышления и мироощущения. И организационно методология поддерживается не только лидерами методологического движения, но и методологическими «площадками» социализированной работы (например, обслуживающими власть или какие-то институты), и методологическими семинарами, и сайтом «Методология в России», и различными публикациями в научных и философских журналах и книгах. Я уже не говорю о других школах методологии, перечисленных А.П. Огурцовым в НФЭ.

Литература

Бибихин В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Герменей: Журнал философских переводов. 2009. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://germeneia.ru/zhurnal-1-1-2009> (дата обращения: 21.08.2012).

Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 1.

Огурцов А.П. Методология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.

Померанец Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3.

Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: Либроком, 2000.

Розин В.М. Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. М., 2001. № 5.

Розин В.М. Психология: наука и практика. М.: Омега-Л, 2006.

Розин В.М. Феноменология глазами методолога // Вопросы философии. 2008. № 8.

Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: URSS, 2009.

Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.

Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события // Герменей: Журнал

философских переводов. 2009. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://germeneia.ru/zhurnal-1-1-2009> (дата обращения: 21.08.2012).

Швырев В.С. Методология. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.

Щедровицкий Г.П. Избр. труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

Щедровицкий Л.П. А был ли ММК? // Вопросы методологии. 1997. № 1–2.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1960.

Специальная тема выпуска:
Новые методы психологической диагностики

Приглашенный редактор — Е.Н. Осин

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Судьба количественной психологической диагностики — психометрики — в нашей стране была непростой. Эта область психологии начала бурно развиваться в России в то же время, что и во всем мире, но в 1936 г. была фактически запрещена печально известным постановлением ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (см.: Батурин, 2010). Когда на Западе разрабатывались тесты, ставшие впоследствии классическими, такие как Миннесотский многофакторный личностный опросник ММРІ (1939), 16-факторный тест Р. Кэттелла (1946), тесты интеллекта Векслера для детей (WISC, 1946) и взрослых (WAIS, 1955), отечественным психологам приходилось довольствоваться крайне скудным психодиагностическим инструментарием. Лишь в конце 1960-х гг. начали появляться первые советские тесты, но позже интенсивное развитие отечественной психодиагностики, начавшееся в 1980-е гг., было заторможено эконо-

мическими реформами в начале 1990-х гг., что затруднило быстрое преодоление 40-летнего отставания в этой области.

Неудивительно, что многие тесты, разработанные в прошлом веке и по-прежнему занимающие первые места по популярности в арсенале российских психологов, не соответствуют современным мировым стандартам. В силу организационных проблем, с которыми столкнулась российская наука, лишь немногие отечественные психодиагностические методики прошли полный цикл адаптации и стандартизации. Отсутствие работающих механизмов обеспечения авторских прав и распространенность пиратства делают невыгодной коммерческую разработку методик, поэтому на русском языке зачастую представлены устаревшие версии наиболее популярных в мире психометрических инструментов, таких, например, как упомянутые выше тест Векслера или ММРІ. До недавнего времени на русском языке отсутствовали достаточно

подробные публикации, посвященные современным математическим методам психометрики, таким как неклассическая тестовая теория (Item response theory, IRT) и моделирование линейными структурными уравнениями (Structural equation modeling, SEM), поэтому подавляющее большинство русскоязычных методик продолжает разрабатываться с использованием методов 1960-х гг., таких как корреляционный анализ, эксплораторный факторный анализ и альфа-коэффициент Кронбаха, опирающийся на классическую тестовую теорию. До недавнего времени ситуацию усугубляло отсутствие единых стандартов разработки, публикации, применения и распространения психодиагностических методик, однако в последние годы благодаря активности профессионального сообщества эта ситуация исправляется.

Преодоление описанных вызовов стоит на повестке дня российской психометрики. Первой и главной задачей выглядит подготовка ответственных разработчиков тестовых методик, не только владеющих современным психометрическим инструментарием, но и интегрированных в мировое профессиональное сообщество. В современной ситуации, когда новые и потенциально наиболее эффективные подходы к постановке и решению типичных задач появляются буквально каждый месяц, работа на мировом уровне невозможна без постоянного знакомства с новыми исследованиями, информацию о которых публикуют ведущие журналы (такие как *Psychological Methods*, *Psychological Assessment*, *European Journal of*

Psychological Assessment, *Structural Equation Modelling* и др.), без использования свежих версий специального программного обеспечения. Только подготовка критической массы грамотных специалистов создаст возможности для русскоязычной адаптации современных версий западных методик и разработки принципиально новых оригинальных инструментов и подходов, которые могут представлять интерес для мирового научного сообщества.

Одним из шагов в этом направлении стало открытие в НИУ ВШЭ в 2010 г. первой в России магистерской программы по психометрике «Измерения в психологии и образовании» в сотрудничестве с Центром оценки качества образования Масачусетского университета (*Center for Educational Assessment, University of Massachusetts*). Некоторые преподаватели этой программы являются авторами статей, представленных в настоящем выпуске. Из недавних событий, свидетельствующих о развитии психодиагностики, стоит отметить также появление Ежегодника профессиональных рецензий на психологические тесты (Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров, 2012), создание системы добровольной сертификации психодиагностических инструментов и их пользователей, появление русскоязычных версий коммерческих методик.

Статьи, представленные в настоящем выпуске, описывают ряд новых русскоязычных исследовательских инструментов, которые разрабатываются в соответствии с современными стандартами психометрики. В статье Г.М. Бреслава описаны первые

результаты разработки новой шкалы, измеряющей сексуальную удовлетворенность. Это короткий и надежный инструмент, способный пополнить инструментарий как исследователей, так и практических психологов. Е.А. Орёл и Т.Е. Хавенсон представляют методику для диагностики шести параметров отношения к статистике у студентов как до, так и после изучения соответствующих курсов. Исследования с использованием этой методики могут пролить свет на причины трудностей, с которыми сталкиваются российские студенты-психологи при освоении математических методов анализа данных. Статья Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева описывает оригинальную методику «Дифференциальный опросник переживания одиночества», измеряющую, помимо собственно пережива-

ния одиночества, два аспекта отношения к нему: негативный (зависимость от общения) и позитивный (позитивное одиночество). Этот инструмент позволяет исследовать одиночество в его сложности, отказавшись от его рассмотрения как однозначно негативного феномена. В статье Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина описаны результаты русскоязычной адаптации методики СОРЕ, одного из популярных западных инструментов для диагностики копинг-стратегий. Эта версия методики представляет собой ее несколько усовершенствованный вариант по сравнению с другими русскоязычными адаптациями.

Е.Н. Осин

Литература

Батурина Н.А. Современная психодиагностика России: Преодоление кризиса и решение новых проблем // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 40. С. 4–12.

Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / Под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012.

РАЗРАБОТКА ЧАСТОТНОГО ИНДЕКСА СЕКСУАЛЬНОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ (ЧИСУ) В ДИАГНОСТИКЕ СУПРУЖЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Г.М. БРЕСЛАВ

Бреслав Гершон Моисеевич — ассоциированный профессор Балтийского института психологии и менеджмента (Рига), доктор психологических наук, хабилированный доктор Латвии.

Автор более 100 работ, в т.ч. монографий: «Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонение» (1990), «Терпимы ли мы?» (2008, на латышском), «Пол и образование» (1996, в соавт.), учебников «Психология эмоций» (2004, 2006, 2007), «Основы психологического исследования» (2010).

Сфера научных интересов: психология эмоций, психология развития, история психологии, методы исследования личности, психометрика, социальная психология.

Контакты: g_bresl@latnet.lv

Резюме

Несмотря на первостепенное значение в партнерских (супружеских) взаимоотношениях, сексуальная удовлетворенность относится к явлениям, мало изученным в психологии. Используемые в исследовательской и психотерапевтической практике шкалы или подшкалы основаны лишь на описании нарушений в сексуальной сфере. Данная работа посвящена построению новой шкалы сексуальной удовлетворенности, основанной на представлении о нормальных и постоянных партнерских (супружеских) взаимоотношениях. В отличие от предшествующих клинических и сексологических шкал и подшкал, данная методика направлена не столько на выявление проблем в сексуальной сфере, сколько на выявление полноценности реальных сексуальных взаимоотношений.

В результате многоэтапного процесса проверки уже используемых 126 утверждений о характеристиках сексуальных взаимоотношений было отобрано и модифицировано 16 положительных утверждений, снабженных непрерывной оценочной частотной шкалой «Всегда — Никогда». Первые исследования, проведенные с использованием этой шкалы, указывают на достаточную конструктивную валидность и высокую надежность по внутренней согласованности.

Ключевые слова: *сексуальная удовлетворенность, сексуальное взаимодействие, сексуальные взаимоотношения, партнерские (супружеские) взаимоотношения, удовольствие, шкала оценки переживаний, частота сексуальных переживаний.*

Вряд ли нуждается в развернутой аргументации тезис о важнейшей роли сексуальной близости в длительных партнерских (супружеских) взаимоотношениях далеко за пределами репродуктивной функции. Особую роль в благополучии этих взаимоотношений занимает сексуальная удовлетворенность (Holmberg et al., 2010; Hooghe, 2012). В долгосрочном развитии у женщин только сексуальная удовлетворенность позволяет предсказывать удовлетворенность партнерскими (супружескими) взаимоотношениями, в то время как у мужчин таким предсказывающим показателем, кроме сексуальной удовлетворенности, являются также здоровье и физическая интимность (Heiman et al., 2011). Более высокий уровень сексуальной удовлетворенности связан с более низким уровнем депрессии и тревожности у женщин (Frohlich, Meston, 2002; Tower, Krasner, 2006), так же как и с лучшим физическим здоровьем по субъективным отчетам (Lauermann et al., 2006; Whipple et al., 2007). Удовольствие, получаемое в постели, может в известной степени компенсировать наличие между партнерами неизбежных разногласий по самым разным вопросам (Litzinger, Gordon, 2005). Тем самым трудно переоценить вклад сексуальной составляющей в общую удовлетворенность партнерскими (супружескими) взаимоотношениями.

В то же время психологическая важность этого показателя резко контрастирует со степенью методической разработанности конструкта сексуальной удовлетворенности в семейной, возрастной и клинической психологии. Нельзя сказать, что сек-

суальная сфера была обойдена вниманием в XX в. Однако психоанализ, который претендовал на ведущую роль в понимании этой сферы, в основном избегал традиционного научного изучения и никак не способствовал разработке специальных измерительных инструментов. В то же время в результате сексуальной революции 1950–60-х гг. в Америке и Европе вакуум методических инструментов стал быстро заполняться социальными работниками, сексологами и другими клиницистами. Именно клиницисты сталкивались с огромным количеством случаев сексуальных нарушений и проблем, как в начале партнерских взаимоотношений, так и на протяжении многих лет совместной жизни.

Уже в 1966 г. появился Сексуальный опросник Торна, состоящий из 200 пунктов для диагностики сексуальной психопатологии (Thorpe, 1966). Вслед за этим опросником появилось много методик диагностики сексуальной жизни — от небольших, направленных на изучение отдельных видов нарушений сексуальной жизни (LoPiccolo, Steger, 1974) до многомерных опросников типа DSFI (DeRogatis Sexual Functioning Inventory; Derogatis, Melisaratos, 1979), состоящего из 8 подшкал и 247 пунктов. Однако до сих пор редко создаются опросники, направленные именно на диагностику сексуальной удовлетворенности.

В специальной литературе можно встретить лишь пять методик, более или менее направленных на решение этой задачи. Сюда можно отнести Шкалу сексуальной удовлетворенности для женщин Уайтли и Поульсен (SSS-W; Whitley, Poulsen,

1975) из 32 и 23 пунктов, а также шкалу с тем же названием (Meston, Trappnell, 2005), состоящую из 30 утверждений с пятибалльной шкалой согласия—несогласия; клинический опросник сексуальной удовлетворенности Голомбок и Рафта из 28 пунктов (Rust, Golombok, 1985); Индекс сексуальной удовлетворенности (ISS; Hudson et al., 1981) из 25 пунктов; а также опросник Глобальная мера сексуальной удовлетворенности (The Global Measure of Sexual Satisfaction (GMSEX)), где сексуальные взаимоотношения оцениваются с помощью пяти 7-балльных шкал — хорошие—плохие, приятные—неприятные, удовлетворяющие—неудовлетворяющие, позитивные—негативные, ценные—вредные (Lawrance, Byers, 1998).

Последняя методика дает весьма приблизительное представление о характеристиках данного явления, ибо практически оценивает лишь общую модальность отношения к этой сфере отношения, оставляя в тени все его важнейшие составляющие. Причем она направлена в основном на доказательство модели межличностных обменов в сексуальной удовлетворенности, согласно которой сексуальная удовлетворенность зависит от равенства и баланса затрат и наград, так же как и от соответствия ожиданиям на такие затраты и награды, а также от качества несексуальных отношений (Byers, MacNeil, 2006).

Не отрицая важного значения ожиданий в этой сфере, необходимо отметить, что по мере развития интимных отношений сексуальные ожидания и готовность вкладываться в эти отношения претерпевают

существенные изменения. Хотя в целом с возрастом эти затраты уменьшаются, вступление в повторный брак или прохождение парной терапии может существенно увеличить эту готовность активно способствовать удовлетворению партнера. Например, однократное успешное использование оральной техники может существенно увеличить готовность практиковать эту технику регулярно и резко повысить получение удовольствия от такого рода «затратной» активности. К тому же существуют возрастные приоритеты в сексуальных практиках и детерминации достижения удовлетворения (Heiman et al., 2011).

Шкала сексуальной удовлетворенности для женщин Уайтли и Поульсен носит типично сексологический характер с указанием отдельных компонентов и форм сексуальной и несексуальной активности и 5-балльной шкалой оценки степени удовлетворенности этими компонентами. Практически, в ней не представлено никаких переживаний, связанных с сексуальными взаимоотношениями, кроме оргазма, что оставляет открытым вопрос о психологической основе удовлетворенности или неудовлетворенности. Это тем более остается неясным, что примененная шкала оценки не позволяет понять, является ли, например, неудовлетворенность оральным сексом по данной шкале результатом неправильных действий партнера или отсутствием этих действий как таковых (Whitley, Poulsen, 1975).

В более современной шкале сексуальной удовлетворенности из 30 пунктов представлены пять подшкал: удовлетворенность (6), коммуникация (6),

совместимость (6), беспокойство по поводу отношений (6), беспокойство по поводу себя (6) (Meston, Trappnell, 2005). Однако, как с точки зрения содержания, которое носит слишком общий характер, так и с точки зрения методологической организации, эта шкала не выдерживает критики и не может рекомендоваться для исследовательского использования. В частности, применяемая в ней мера оценки не является постоянной, что создает известные проблемы для участников опроса и для оценки надежности методики.

Индекс сексуальной удовлетворенности Хадсона ISS, где была использована сначала пятибалльная шкала оценки (от «Редко или никогда» до «В большинстве случаев или всегда») в 1981 г., а затем 7-балльная шкала в работе 1992 г. (от «Никогда» до «Всегда»), выглядит на этом фоне психологически наиболее полноценной методикой. Предлагаемые утверждения включают определенные положительные (12) или отрицательные (13) переживания и оценки этих переживаний и действий в рамках сексуальных взаимоотношений. Правда, большая часть утверждений требует оценки этих взаимоотношений в целом («Наша сексуальная жизнь — очень волнующая», «Я чувствую, что секс является нормальной функцией наших взаимоотношений», «Я чувствую, что нашей сексуальной жизни недостает качества») и лишь меньшая часть, в основном негативных, нацелена на выявление более конкретных причин неудовлетворенности («Мой партнер не хочет заниматься сексом тогда, когда хочется мне», «Мне кажется, что партнер хочет слишком много секса

от меня», «Мой партнер слишком груб во время секса»). К тому же главной целью при создании данной методики было выявление не столько удовлетворенности, сколько разногласий или проблем в сексуальных взаимоотношениях (Hudson et al., 1981).

В еще большей степени о нацеленности на выявление патологии можно сказать про клинический опросник сексуальной удовлетворенности Голомбок и Рафта из 28 пунктов с 12 подшкалами по вагинизму, аноргазмии, импотенции, преждевременной эякуляции и т.п. сексуальным нарушениям (Rust, Golombok, 1985). Хотя и этот и ряд других опросников просты в использовании и обладают хорошими психометрическими характеристиками, их применение для диагностики сексуальной удовлетворенности вызывает серьезные сомнения. Качественная характеристика полноценных сексуальных взаимоотношений остается в тени нарушений в этой сфере. Это понятно с точки зрения социального заказа и медицинской практики, однако оставляет вопрос о диагностике сексуальной удовлетворенности в норме открытым.

Принципы создания новой шкалы сексуальной удовлетворенности

Краткий обзор положения в методическом обеспечении изучения сексуальной удовлетворенности дает довольно мрачную картину и однозначно свидетельствует о необходимости разработки нового, психологически более содержательного инструмента. Понятно также, что эта работа должна учитывать данные

клиники сексуальной жизни, но исходить из базовых психологических представлений об особенностях сексуального взаимодействия как неотъемлемого компонента полноценных партнерских отношений взрослых людей. Во главу угла этого изучения должно быть поставлено не освобождение от разнообразных сексуальных проблем, а построение взаимно удовлетворяющих отношений физической близости.

Одним из главных теоретических оснований необходимости нового подхода к построению методики диагностики сексуальной удовлетворенности является именно отсутствие концептуализации этого явления как вполне специфического и органического аспекта полноценных партнерских взаимоотношений. Подавляющее большинство упомянутых выше подходов и методик не только отталкивалось от клинической практики сексуальных нарушений, но и описывало целый ряд таких нарушений. Практически в большинстве методик, включая и ISS Хадсона, сексуальная удовлетворенность неявно понимается лишь как отсутствие каких-либо проблем в сексуальных взаимоотношениях. Не случайно, что в методике Хадсона подсчитываемый главный показатель — отсутствие удовлетворенности. В то же время понятно, что отсутствие проблем является необходимым, но вовсе не достаточным моментом в понимании природы изучаемого явления.

В данной работе *сексуальная удовлетворенность понимается как результат эффективного телесного взаимодействия между партнерами на основе устойчивой межличност-*

ной симпатии (любви) и сексуального желания. Эффективность в данном контексте предполагает положительную эмоциональную оценку всех тех элементов телесного взаимодействия, которые и ведут к переживанию удовлетворенности. Естественно, что такая оценка выражается в удовольствии как от всех форм телесного контакта, так и от его представления за пределами сексуального взаимодействия. Речь, таким образом, идет не только об элементах, предваряющих или сопровождающих половой акт (поцелуи, ласки, возбуждение и т.п.), но и об элементах, выражающих более общее отношение к партнеру в контексте сексуальных взаимоотношений. Последнее можно обозначить как эмоциональное последствие секса, хотя в формировании такого общего отношения необходимо учитывать влияние всей совокупности поведения партнера и внешних обстоятельств. Здесь также предполагаются достаточно длительные отношения между партнерами, которые не носят разового или чисто сексуального характера (Backstrom et al., 2012).

Сексологические опросники сексуальной активности были отвергнуты и по причине их психологической неоднозначности. Занятия сексом раз в неделю для некоторых партнеров — весьма недостаточная частота, для других — избыточная. Это вовсе не означает, что частотный показатель сексуального взаимодействия не имеет значения и должен быть отброшен. Однако этот показатель следует относить не столько к наугад выбранным фрагментам сексуальной активности, сколько к переживаниям партнеров на всех этапах этого

взаимодействия. Если сексологи интересуются преимущественно видами и формами сексуальной активности, особенно в их негативном варианте, то психологов чаще интересует не разнообразие поз и видов секса, а насколько это телесное взаимодействие приятно или неприятно участникам этого процесса. Понятно, что с возрастом меняются приоритеты и в отношении частоты, и в отношении разнообразия форм сексуальной активности (Adams, Turner, 1985).

Одним из проблемных моментов сексологических шкал диагностики сексуальной удовлетворенности является мера оценки тех или иных утверждений. Так, в шкале сексуальной удовлетворенности для женщин Уайтли и Поульсен использована 5-балльная мера оценки степени удовлетворенности различными компонентами сексуального поведения (поцелуи, объятия и другие формы физической близости) от 0 до 5 (максимум удовлетворенности). Во-первых, здесь возникает вопрос о достаточности пяти позиций для выражения степени удовлетворенности. Во-вторых, удовлетворенность тем или иным компонентом (например, поцелуем) может быть разная в разные дни, что весьма затрудняет выбор «усредненной» оценки удовлетворенности.

В первом варианте шкалы Хадсона была использована 5-балльная мера частоты (Hudson et al., 1981), которая затем была заменена 7-балльной (от «Никогда» до «Всегда»). Однако, позиция «немного времени» (a little of the time) не слишком ясно отличается от позиции «некоторое время» (some of the time), а позиция «значительную часть времени» (a good

part of the time) от позиции «большую часть времени» (most of the time), что создает известные трудности для респондентов. Не меньшие методологические трудности возникают при создании подобной оригинальной последовательности мер частоты на русском языке. Для некоторых людей частотные наречия «редко» и «иногда», так же как «часто» и «в большинстве случаев» — синонимичны, для других вполне различаемы, не говоря уже о широчайшем диапазоне трактовки этих частотных характеристик.

Принципы разработки ЧИСУ

Для преодоления этих методологических трудностей в создаваемом опроснике в качестве меры оценки частоты согласия с утверждениями по вопросам сексуальных взаимоотношений была выбрана стандартная 100-мм непрерывная шкала семантического дифференциала, снабженная частотными полюсами «Всегда — Никогда». Использование семантического дифференциала (СД) позволяет респондентам выбирать на этой шкале любую, подходящую для них частоту позитивных переживаний в контексте сексуальных взаимоотношений. Естественно, что использование СД несколько затрудняет создание компьютерной версии методики, однако в исследовании по данной теме, так же как и по другим вопросам сексуальных взаимоотношений, проведение опроса в виртуальном пространстве вызывает наибольшие сомнения. Чем более деликатной является тема исследования, тем более вероятно искажение данных при отсутствии

полноценного контроля исследователей за их сбором (Бреслав, 2010).

Другим методологическим требованием к разработке новой методики стало требование создания вполне равноценных шкал для женщин и мужчин. В многочисленных существующих методиках диагностики сексуальных установок и удовлетворенности женщины обладают безусловным приоритетом и как объекты исследования, и как объекты консультативной или терапевтической помощи. Многие методики, включая и некоторые рассмотренные выше, созданы только для женщин, в то время как другие обращены к обоим полам, однако неявно некоторые использованные в них утверждения обращены именно к женщинам (например, «Мой партнер слишком груб во время секса» в опроснике Хадсона). Создание универсальной шкалы для обоих полов в этой сфере наталкивается на вполне понятные трудности объективных, анатомо-физиологических различий, которые невозможно решить без потери легкости и удобства в ответах и для тех, и для других.

Преодоление такого рода трудностей требует создания двух отдельных для каждого пола, но вполне равноценных версий опросника. В данном случае требование равноценности означало не только одинаковый формат и единую структурную организацию утверждений, но и использование максимального числа тождественных или очень сходных утверждений.

В соответствии с принципами создания опросников (Бреслав, 2010), было сформулировано и использовано на основе уже суще-

ствующих инструментов диагностики 126 утверждений о возникновении более общих и специфических переживаний и форм поведения в сексуальных взаимоотношениях. Концептуализация изучаемого явления как позитивного конструкта привела к отказу от более распространенных утверждений клинических опросников, включающих констатацию возникновения негативных эмоций и ощущений. Понятно, что негативные переживания, нередко возникающие в этом контексте, не могут считаться компонентами конструкта удовлетворенности. Это привело к решению полностью отказаться как от констатации отрицательных эмоций, так и от утверждений проблемного характера (например, «Мысль о возможной неудаче меня сдерживает» или «Мне кажется, что открыто проявлять сексуальное желание — неприлично»), чрезвычайно важных для диагностики состояния конкретных сексуальных взаимоотношений и приоритетов в этой сфере, но, в известной мере, не слишком совместимых с феноменологией сексуальной удовлетворенности. Затем были отсеяны дублирующиеся по своему содержанию или в значительной мере пересекающиеся высказывания.

Также были отвергнуты утверждения об эротическом воображении реальных или воображаемых сексуальных партнеров, вне и независимо от реального сексуального взаимодействия. Понятно, что в случае вынужденного отсутствия сексуального партнера такое воображение усиливается. Хотя такого рода воображение, зачастую с использованием фотографий, видео, духов и других

эротических предметов, способствует сексуальной разрядке (эякуляции и оргазму) в процессе мастурбации, однако этот процесс самоудовлетворения надо отличать от описанного выше явления, невозможного без взаимодействия с партнером. Суррогатные формы сексуальной разрядки также доставляют удовольствие, уменьшают давление сексуальной потребности и снимают напряжение в этой сфере, однако никак не способствуют развитию партнерских взаимоотношений и не могут рассматриваться как органическая часть этих взаимоотношений.

ЧИСУ и его проверка

Большая часть утверждений была отвергнута по причине концептуальной несовместимости. В результате такого отсева было оставлено 20 утверждений для женщин и 19 для мужчин.

Затем был проведен пилотаж для проверки очевидной валидности и коррекции содержания опросника. Пилотаж проводился с помощью развернутого структурированного интервью после заполнения опросника респондентами по каждому пункту инструкции и утверждений (Бреслав, 2010).

В пилотажном исследовании участвовали 6 человек (3 женщины и 3 мужчины от 32 до 65 лет), имеющих опыт длительной совместной жизни с постоянным сексуальным партнером (не менее 3 лет). Ни один из участников не являлся профессиональным психологом, но все участники имели высшее или незаконченное высшее образование.

В результате пилотажа было удалено 4 утверждения женщин и 3 ут-

верждения мужчин, оставлено лишь по 16 положительных утверждений для каждой версии. Удалению подвергались лишь утверждения, сопровождаемые аргументированным отказом. Например, утверждения «Мне нравится снимать с нее белье», «У меня поднимается настроение, уже подходя к дому» вызвали аргументированное неприятие со стороны двух участников-мужчин. Также две женщины отвергли утверждения «Мне нравится, когда на кухне он сжимает мои ягодицы» и «Мне хочется ласкать его и в неподходящие дни». По предложению участника пилотажа к обеим версиям было добавлено одно пробное утверждение для проверки понимания инструкции. В разработанных двух версиях опросника удалось добиться 13 тождественных по содержанию утверждений (№ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16).

Примерно половина полученных в результате этого отбора 16 утверждений относится к самому процессу сексуального взаимодействия («Мы целуем и ласкаем друг друга до начала полового акта», «Мы заканчиваем половой акт почти одновременно»), а другая половина к более общей оценке качества этого взаимодействия («Мы легко откликаемся на желания друг друга заняться сексом», «Мне нравится, как мы занимаемся сексом»). Все утверждения были снабжены стандартной 100-мм непрерывной шкалой оценки частоты возможного согласия с данными утверждениями между полюсами «Всегда — Никогда».

В основном исследовании участвовали 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 35 до 45 лет. Участникам

опроса, проведенного Еленой Швец-Улановой, наряду с 16-пунктной версией ЧИСУ были предложены 45-пунктный опросник трехкомпонентной модели любви Стернберга (Sternberg, 1997) и 25-пунктный опросник ревности Брингла (Bringle et al., 1979), адаптированные ранее в Латвии на латышской и русскоязычной выборке. Из 100 заполненных опросных комплектов 97 (49 женских и 48 мужских) было признано полностью годными для последующего количественного и качественного анализа.

Учитывая результаты предшествующих исследований, в целях проверки конструктивной валидности была выдвинута гипотеза о наличии значимых положительных связей сексуальной удовлетворенности с ревностью и еще более тесных положительных связей с любовью, особенно у мужчин (Бреслав, 2008; Breslavs, Tyumeneva, 2008).

Кроме очевидной и конструктивной валидности были также проверены характеристики содержательной валидности ЧИСУ. Для этого были рассмотрены все компоненты сексуальной удовлетворенности, представленные

в сексопатологических шкалах и описаниях нормального сексуального взаимодействия в психологической и сексологической литературе. При этом не было найдено существенных компонентов этого взаимодействия, которые бы отсутствовали в 16 пунктах ЧИСУ, учитывая отмеченные выше теоретические ограничения на вопросы по техникам сексуального взаимодействия и по проблемам в этой сфере.

Результаты основного исследования

Результаты описательной статистики основного эмпирического этапа проверки разработанной методики ЧИСУ приведены в таблице 1.

Полученные данные свидетельствуют о наличии половых различий по подшкалам любви, но отсутствии таковых по ревности и сексуальной удовлетворенности.

Согласно полученным данным о корреляциях показателей (см. таблицу 2), выдвинутая гипотеза подтвердилась по всем переменным у мужчин и по трем из четырех переменных у женщин. Была обнаружена значимая положительная связь между сексуальной

Таблица 1

Статистические данные по любви, ревности и сексуальной удовлетворенности
(*M* – среднее, *SD* – стандартное отклонение)

Основные показатели	Мужчины (N = 48)		Женщины (N = 49)		Размер эффекта, <i>d</i> Коэна
	M	SD	M	SD	
Любовь – интимность	7.24	1.14	7.86	0.73	0.66**
Любовь – страсть	6.99	1.42	7.56	1.01	0.47*
Любовь – обязательства	7.27	1.45	7.85	1.05	0.46*
Ревность	67.25	21.72	67.98	16.13	0.04
Сексуальная удовлетворенность	75.89	16.21	74.99	14.42	0.06

удовлетворенностью и ревностью (0.451 ($p \leq 0.001$) у мужчин и 0.254 ($p \leq 0.05$) у женщин) и еще более тесная положительная связь с компонентами любви (0.753 ($p \leq 0.001$) с интимностью, 0.727 ($p \leq 0.001$) со страстью и 0.688 ($p \leq 0.001$) с обязательствами, у мужчин; и соответственно 0.491 ($p \leq 0.001$), 0.411 ($p \leq 0.01$) и 0.200 у женщин).

Обнаруженные в процессе психометрической проверки данные о половых различиях в компонентах любви и в связях между сексуальной удовлетворенностью, ревностью и любовью могут считаться данными, заслуживающими вполне самостоя-

тельного научного интереса для последующих исследований любви и партнерских взаимоотношений.

Полученные данные свидетельствуют о неплохой конструктивной валидности данной методики при использовании процедуры конвергентной валидации. Проверка надежности ЧИСУ с помощью показателя внутренней согласованности α -Кронбаха дала весьма высокий результат — 0.928 для женщин и 0.943 для мужчин. Достаточно высокие показатели надежности также были получены по 45-пунктному опроснику любви и 25-пунктному опроснику ревности (см. таблицу 3).

Таблица 2

Корреляционные связи между сексуальной удовлетворенностью, любовью и ревностью

Основные показатели	1	2	3	4	5
1. Любовь — интимность	1	0.83***	0.85***	0.47***	0.75***
2. Любовь — страсть	0.78***	1	0.91***	0.58***	0.73***
3. Любовь — обязательства	0.74***	0.83***	1	0.53***	0.69***
4. Ревность	0.06	0.10	0.17	1	0.45***
5. Сексуальная удовлетворенность	0.49***	0.41***	0.20	0.25*	1

Примечание. В верхней треугольной матрице представлены корреляции для выборки мужчин ($N = 48$), в нижней — для женщин ($N = 49$). * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Таблица 3

Показатели надежности использованных методик по внутренней согласованности (α -Кронбаха)

Основные показатели	Женщины ($N = 49$)	Мужчины ($N = 48$)
Сексуальная удовлетворенность	0.928	0.943
Любовь — интимность	0.889	0.919
Любовь — страсть	0.904	0.945
Любовь — обязательства	0.937	0.945
Ревность	0.906	0.953

На последующих этапах психометрической проверки данной методики важно также сравнить ее результаты с результатами по сексологическим методикам и сравнить популяции людей, имеющих постоянных партнеров на момент опроса, с популяцией, потерявших партнеров в последние полгода. Также на последующих этапах разработки большие объемы выборок позволят провести факторный анализ и проверить распределение факторных нагрузок для

выявления структуры полученного конструкта.

В результате проделанной работы разработана методика, которая может использоваться для изучения длительных супружеских (партнерских) сексуальных взаимоотношений у гетеросексуальных взрослых. На последующих этапах психометрической проверки методика может стать и хорошим инструментом практической диагностики сексуального компонента партнерских взаимоотношений.

Литература

Бреслав Г. Любовь и Ревность: Друзья или враги? // *CommunicatoR*. 2008. 1/2. С. 178–181.

Бреслав Г. Основы психологического исследования. М.: Смысл; Академия, 2010.

Adams C.G., Turner B.F. Reported change in sexuality from young adulthood to old age // *The Journal of Sex Research*. 1985. 21. 126–141.

Backstrom L., Armstrong E.A., Puentes J. Women's negotiation of cunnilingus in college hookups and relationships // *Journal of Sex Research*. 2012. 49. 1. 1–12.

Breslavs G., Tyumeneva J. Development of the Russian version of Sternberg's Love scale: The paper presented at the 14th European conference on Personality. Tartu, 2008. July. P. 16–20.

Bringle R.G., Roach S., Andier C., Evenbeck S. Measuring the intensity of jealous reactions // *Catalog of Selected Documents in Psychology*. 1979. 9. 23–24.

Byers E.S., MacNeil S. Further validation of the interpersonal exchange model of sexual satisfaction // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 2006. 32. 53–69.

Derogatis L.R., Melisaratos N. The DSFI: A multidimensional measure of sexu-

al functioning // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 1979. 5. 244–281.

Frohlich P., Meston C. Sexual functioning and self-reported depressive symptoms among college women // *Journal of Sex Research*. 2002. 39. 321–325.

Heiman J.R., Long J.S., Smith S.N., Fisher W.A., Sand M.S., Rosen R.C. Sexual satisfaction and relationship happiness in midlife and older couples in five countries // *Archives of Sexual Behavior*. 2011. 40. 741–753.

Holmberg D., Blair K.L., Phillips M. Women's sexual satisfaction as a predictor of well-being in same-sex versus mixed-sex relationships // *The Journal of Sex Research*. 2010. 47. 1. 1–11.

Hooghe M. Is sexual well-being part of subjective well-being? An empirical analysis of Belgian (Flemish) survey data using an extended Well-Being Scale // *Journal of Sex Research*. 2012. 49. 2/3. 264–273.

Hudson W.W. The Walmyr Assessment Scales Scoring Manual. Tempe, AZ: WALMYR Publishing Co., 1992.

Hudson W.W., Harrison D.F., Crosscup P.C. A short-form scale to measure sexual discord in dyadic relationships // *The Journal of Sex Research*. 1981. 17. 157–174.

Laumann E.O., Paik A., Glasser D.B., Kang J.-H., Wang T., Levinson B. et al. A cross-national study of subjective sexual well-being among older women and men: Findings from the Global Study of Sexual Attitudes and Behaviors // *Archives of Sexual Behavior*. 2006. 35. 145–161.

Lawrance K., Byers E.S. Interpersonal exchange model of Sexual Satisfaction Questionnaire // C.M. Davis, W.L. Yarber, R. Baureman, G. Schreer, S.L. Davis (eds). *Sexuality related measures: A compendium*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998. P. 514–519.

Litzinger S., Gordon K.C. Exploring relationships among communication, sexual satisfaction, and marital satisfaction // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 2005. 31. 409–424.

LoPiccolo J., Steger J.C. The Sexual Interaction Inventory: A new instrument for assessment of sexual dysfunctions // *Archives of Sexual Behavior*. 1974. 3. 585–595.

MacNeil S., Byers E.S. Dyadic assessment of sexual self-disclosure and sexual satisfaction in heterosexual dating couples

// *Journal of Social and Personal Relationships*. 2005. 22. 169–181.

Rust J., Golombok S. The Golombok-Rust Inventory of Sexual Satisfaction (GRISS) // *British Journal of Clinical Psychology*. 1985. 24. 1. 63–64.

Sternberg R.J. Construct validation of a triangular Love scale // *European Journal of Social Psychology*. 1997. 27. 3. 313–335.

Thome F.C. The Sex Inventory // *Journal of Clinical Psychology*. 1966. 22. 367–374.

Tower R.B., Krasner M. Marital closeness, autonomy, mastery, and depressive symptoms in a U.S. Internet sample // *Personal Relationships*. 2006. 13. 429–449.

Whipple B., Knowles J., Davis J., Gianotten W.L., Owens A.E. The health benefits of sexual expression // M.S. Tepper, A.F. Owens (eds). *Sexual health. Vol. 1: Psychological foundations*. Westport, CT: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group, 2007. P. 17–42.

Whitley M.P., Poulsen S.B. Assertiveness and sexual satisfaction in employed professional women // *Journal of Marriage and the Family*. 1975. 37. 573–581.

ОТНОШЕНИЕ К СТАТИСТИКЕ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ИЗМЕРЕНИЕ

Е.А. ОРЁЛ, Т.Е. ХАВЕНСОН

Орёл Екатерина Алексеевна — старший преподаватель факультета психологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института институциональных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук.

Контакты: eorel@hse.ru

Хавенсон Татьяна Евгеньевна — старший преподаватель факультета социологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ.

Контакты: tkhavenson@hse.ru

Резюме

В статье описывается опыт русскоязычной адаптации шкалы, измеряющей отношение к статистике у студентов факультетов социальных наук. За основу была взята шкала SATS-36 (Schau, 2003). В работе подробно описаны все этапы по адаптации опросника. Исследование проводилось на выборке из 253 студентов трех факультетов НИУ ВШЭ. Была проверена факторная структура опросника, а также доказаны его надежность и валидность. Получившиеся факторы несколько отличаются от авторской версии, однако более релевантны русскоязычной образовательной среде. Кроме того, в

Исследование выполнено при поддержке грантовой программы факультета социологии НИУ ВШЭ. Авторы благодарят Марину Трякшину, Галину Ларину, Дарью Шаповалову, Анну Соловьеву, Дарью Сальникову и Полину Шевцову за помощь в сборе и обработке данных.

статье подробно раскрываются история изучения и подходы к измерению понятия «отношение к статистике».

Ключевые слова: отношение к статистике, SATS-34, адаптация методики, обучение статистике в высшей школе, статистика в социальных науках.

Введение

Современное образование в области социальных наук предполагает глубокое изучение методологии научного исследования, теории вероятностей и математической статистики. Однако в обществе профессии психолога, социолога или политолога имеют имидж скорее гуманитарных, поэтому большинство выпускников школ, выбирая социальные науки в качестве направления дальнейшего обучения, не ожидают встретить во время учебы обязательные предметы, которые требуют знания математики. Конфликт между ожиданиями студентов и требованиями учебного процесса проявляется в возникновении феномена тревожности по отношению к изучению курсов, связанных со статистикой (напр.: Zeidner, 1990). По данным Э. Онвебузье (Onwegbuzie, Wilson, 2003), около 60% студентов чувствуют такую тревогу. Несовпадение ожиданий студентов и учебного плана может привести как к негативным, так и к позитивным эффектам. С одной стороны, этот конфликт может мешать учебной деятельности студентов, а с другой — побудить их прикладывать больше усилий к изучению данных предметов. Способ, с помощью которого студент разрешает этот конфликт, зависит от его уровня тревожности по отноше-

нию к статистике. При этом данный аспект тревожности является лишь одним из аспектов более широкого понятия, которое можно назвать отношением к статистике, измерение которого и является целью нашей работы.

Тревожность по отношению к статистике: природа феномена

В целом исследования тревожности и, более широко, отношения к статистике как к отдельному феномену начались в первой половине 1980-х гг., будучи развитием аналогичных исследований в аспекте математики. В своей работе мы опираемся на определение, данное М. Зайднером: тревожность по отношению к статистике — это состояние, возникающее в ситуации обучения статистике, оценки знаний или обсуждения статистического материала. Оно характеризуется повышенным волнением, навязчивыми мыслями, умственной дезорганизацией, напряжением и психическим возбуждением, которое разрушает учебную деятельность студента и затрудняет работу со статистическими данными и решение статистических проблем (Zeidner, 1990).

Большинство авторов определяют тревожность по отношению к статистике как многофакторный конструкт. Так, Э. Онвебузье описал четыре

общих компонента этого феномена: инструмент, содержание, межличностное взаимодействие и неудача (Onwuegbuzie, Daley, 1997; Onwuegbuzie, Daley, 1997). Р. Круз (Cruise et al., 1985; Cruise, Wilkins, 1980) выделил шесть компонентов: боязнь статистики, страх перед интерпретацией статистической информации, страх перед занятиями и тестами по статистике, самооценка в области вычислений, страх перед просьбой о помощи, страх перед неудачей. Отношение же понимается каждым исследователем по-разному в зависимости от набора исследуемых установок. Мы в своей работе опираемся на подход К. Шай (Schau, 2003; Schau et al., 1995), более подробно мы опишем его позже при описании используемого инструмента. Главное отличие состоит в том, что при изучении отношения, а не тревожности нет заранее оговоренной негативной окраски объекта исследования.

Причины возникновения тревожности по отношению к статистике

Э. Онвэбюзье в своем обзоре (Onwuegbuzie, Wilson, 2003) выделил три класса причин, вызывающих тревожность по отношению к статистике.

Ситуационные. К ним относятся знания студента по статистике, которые он получил до начала курса, оценки по курсу, статус курса (обязательный или по выбору), общие установки по отношению к математике, отношения с преподавателем, общий уровень удовлетворенности курсом (Bell, 1998; Onwuegbuzie, Wilson, 2003).

Диспозиционные — самооценка собственных знаний студента по

математике (Zeidner, 1990), общий уровень самооценки (Benson, Bandalos, 1989), перфекционизм (Onwuegbuzie, Daley, 1999), прокрастинация (Onwuegbuzie, 2000; Rodarte-Luna, Sherry, 2008), уровень развития некоторых когнитивных навыков (например, плохие навыки чтения (Onwuegbuzie, Collins, 2002), высокий уровень пространственного мышления и социального интеллекта (Onwuegbuzie, Daley, 1997)). Большинство исследований причин возникновения тревожности по отношению к статистике фокусируются как раз на этой группе факторов.

Средовые — пол, раса, страна происхождения и другие подобные факторы (напр.: Bell, 1998; Benson, Bandalos, 1989; Onwuegbuzie, Daley, 1999; Rodarte-Luna, Sherry, 2008).

Тревожность по отношению к статистике и академическая успеваемость

Подавляющее большинство исследований указывают на устойчивую негативную связь тревожности, статистики и успеваемости по предметам вероятностно-статистического цикла (Elmore et al., 1993; Lalonde, Gardner, 1993; Onwuegbuzie, Seaman, 1995; Onwuegbuzie, Wilson, 2003; Zanakis, Valenza, 1997; Zeidner, 1990). В ряде работ (Onwuegbuzie, 1995; Onwuegbuzie, Seaman, 1995) описываются экспериментальные подтверждения указанных взаимосвязей. Самые сильные негативные связи обнаруживаются между тревожностью и оценками по курсам статистики (что неудивительно), а также по курсам, в которых преподается методология проведения научных

исследований (для психологов таким предметом является, в первую очередь, «экспериментальная психология») (Onwuegbuzie, 2000).

Методы измерения тревожности по отношению к статистике

За последние три десятилетия, в течение которых изучаются тревожность и отношение к курсам по статистике, было создано как минимум семь различных инструментов, измеряющих этот конструкт:

1. Statistical Anxiety Scale (Pretrorius, Norman, 1992) — шкала, преобразованная из созданной ранее этими же авторами шкалы отношения к математике.

2. Statistics Attitudes Survey (SAS; Roberts, Bilderback, 1980) — однофакторный опросник, измеряющий отношение студентов к статистике.

3. Attitudes Toward Statistics (ATS; Wise, 1985) — двухфакторный опросник, измеряющий отношение студентов к курсу и их установки по отношению к тому, насколько полезна статистика в их дальнейшей профессиональной жизни.

4. Statistical Anxiety Rating Scale (STARS; Cruise et al., 1985) — один из первых многофакторных опросников, измеряющий шесть отдельных составляющих отношения к статистике, в числе которых — воспринимаемая ценность статистики, установки по отношению к интерпретации статистической информации, тревожность по отношению к тестам проверки знаний по этому предмету и т.д.

5. Statistics Anxiety Inventory (SAI; Zeidner, 1990) — еще один, более новый двухфакторный опросник,

измеряющий отношение студентов к предмету и тревожность по отношению к тестам проверки знаний.

6. Multifactorial Scale of Attitudes Toward Statistics (MSAS; Auzmendi, 1991) — опросник, измеряющий пять факторов, включающих мотивацию студента к изучению статистики, воспринимаемую пользу и т.д.

7. Survey of Attitudes Toward Statistics Scale (SATS; Schau et al., 1995; Schau, 2003) — самый современный опросник, наиболее полно охватывающий измеряемый конструкт, который мы адаптировали на русский язык. На нем остановимся подробнее.

SATS: факторная структура и исследовательские возможности

На сегодняшний день существуют две версии SATS: краткая, состоящая из 28 пунктов (SATS-28) и измеряющая четыре фактора, и полная (SATS-36), в которую входят 36 вопросов, направленных на измерение следующих 6 факторов.

1. Отношение к статистике (Affect). Позитивные и негативные чувства, которые вызывает у студентов изучение статистики (6 вопросов).

2. Когнитивные компетенции (Cognitive Competences). Установки по отношению к навыкам и знаниям, необходимым для изучения статистики (6 вопросов).

3. Важность (Value). Вопросы о полезности, релевантности и значимости статистики в профессиональной и повседневной жизни респондента (9 вопросов).

4. Сложность (Difficulty). Установки по отношению именно к изучению предмета (7 вопросов).

5. Интерес (Interest). Индивидуальный уровень интереса к статистике (4 вопроса).

6. Старательность (Effort). Количество прикладываемых усилий (4 вопроса).

Первые четыре фактора входят в обе версии, последние два — только в более новую. Все вопросы задаются в форме утверждений, а респондент должен выразить свое согласие по семибалльной шкале от «Полностью согласен» до «Полностью не согласен».

В обеих версиях есть две дополнительные шкалы: Навыки обучения (Study Skills) и Изучение математики в прошлом (Past Math History).

Стоит отметить, что автор говорит только о возможности анализировать каждый фактор в отдельности и о невозможности собрать их в единый конструкт «Отношение к статистике». Мы в дальнейшем будем придерживаться той же точки зрения. Однако в итоге покомпонентного анализа складывается общая картинка, которая позволяет охарактеризовать отношение студента или группы студентов к статистике.

В авторской версии опросник разделяется на две версии в зависимости от времени проведения опроса: претест и посттест — для оценки отношения к статистике в начале изучения курса и по окончании. Однако К. Шау считает, что все же основной методикой является претест; если необходимо отследить динамику отношения студентов к курсу, можно провести посттест, который имеет такую же факторную структуру и отличается от претеста только временем, в котором сформу-

лированы вопросы (Schau, 2003; Schau et al., 1995, p. 870).

Процедура адаптации методики SATS на русский язык

В целом процедура адаптации опросника проводилась в несколько типичных этапов:

1. Первичный перевод анкеты с английского на русский язык.

2. Когнитивные интервью по первому варианту перевода. Было проведено 10 интервью со студентами (т.е. потенциальными респондентами) по анкете. Их цель: с одной стороны, выяснить проблемы с переводом, а с другой — проверить однозначность понимания всех понятий и терминов, использующихся в анкете. После этого перевод был скорректирован.

3. Экспертная оценка второй версии перевода. В роли экспертов выступали преподаватели предметов, связанных со статистикой и анализом данных в социальных науках. Цель оценивания примерно такая же, как и в опросе студентов, но фокус был сделан на использовании профессиональной лексики и релевантности вопросов российской ситуации.

4. Пилотаж. Далее был проведен пилотный опрос, в котором участвовали 70 студентов факультета прикладной политологии и социологии НИУ ВШЭ. По итогам пилотажного исследования была примерно изучена факторная структура и внесены небольшие изменения в текст опросника.

5. Основной опрос (ноябрь 2011). На этом этапе была поставлена цель детально изучить факторную структуру, сравнить ее с авторской, провести

полноценный психометрический анализ пунктов опросника, используя современную теорию тестов (IRT), а также оценить надежность и валидность полученной шкалы. Для этого в ходе опроса студенты дополнительно заполняли ряд методик, измеряющих уровень тревожности (Шкала диагностики ситуативной и личностной тревожности Спилбергера в адаптации Ханина (Габдреева, Прохоров, 2004) и шкалу Нейротизма из опросника NEO-PI(R) (Мартин и др., 2003)), результаты которых использовались для проверки конструктивной валидности. В выборку на данном этапе попали 253 студента 2-го курса факультетов прикладной политологии (88), психологии (69) и социологии (96) НИУ ВШЭ. В выборке было 182 девушки, 70 молодых людей, 1 человек не ответил на вопрос. Опрос проводился в конце занятий (как лекций, так и семинаров) по предметам, связанным со статистикой. Студентам раздавались бумажные версии анкет. В роли интервьюеров выступали студенты старших курсов вышеназванных факультетов, чтобы снизить уровень социальной желательности в ответах.

Результаты

Психометрический анализ опросника

На полученных в результате апробации данных мы провели психометрический анализ русскоязычной версии опросника SATS-36. Анализ шел в двух направлениях:

- 1) выявление факторной структуры русскоязычного опросника;
- 2) психометрический анализ пунктов.

Факторная структура русскоязычной версии опросника SATS-36

Оригинальная факторная структура опросника включает 6 факторов и описана в руководстве пользователя (Schau, 2003). Поэтому нашим первым шагом стала проверка того, воспроизведется ли авторская структура шкал опросника, полученная на англоязычной выборке студентов, на русском языке. Для этого мы применили конфирматорный факторный анализ (КФА)¹. Результаты проверки оригинальной факторной структуры на соответствие полученным нами эмпирическим данным приведены в таблице 1.

Из общепринятых пороговых значений индексов соответствия (Митина, 2008; Вугне, 2012) видно, что авторская факторная модель методики SATS-36 не соответствует эмпирическим данным, полученным на русскоязычной выборке. Поэтому дополнительно был проведен разведывательный факторный анализ, чтобы найти структуру, наилучшим образом удовлетворяющую собранным данным.

Перед проведением разведывательного факторного анализа было принято решение удалить из опросника два утверждения (№ 34 и 36): «Я думаю, что для выполнения заданий по статистике требуется высокий

¹ Обработка данных велась в статистическом пакете MPlus 5.

Таблица 1

Индексы соответствия русскоязычных эмпирических данных оригинальной факторной структуре методики SATS-36

Модель	χ^2 (df) ²	CFI ³	RMSEA ⁴
Оригинальная структура	1927.632 (579)	0.875	0.096
Эксплораторная модель (6 факторов)	640.003 (429)	0.980	0.044
Эксплораторная модель (7 факторов)	569.114 (399)	0.984	0.041

уровень развития навыков» и «Многим людям приходится перестраивать мышление для того, чтобы понять статистику». Основаниями для такого решения стало то, что, во-первых, в ходе опроса именно они вызвали больше всего вопросов у участников исследования и, во-вторых, более 30% респондентов выбрали нейтральную категорию ответа (4) для этих утверждений. Больше ни в одном вопросе такое распределение ответов выявлено не было. В результате исключения в русско-

язычной версии опросника осталось 34 вопроса, и далее мы будем говорить о SATS-34.

Дальнейшее исследование факторной структуры проводилось на 34 пунктах опросника. Факторный анализ осуществлялся методом WLSMV с применением косоугольного вращения Geomin. Дополнительные показатели в модель не добавлялись. Были проверены решения для шести и семи факторов. Индексы соответствия русскоязычных эмпирических данных оригинальной факторной

² χ^2 , одна из статистик соответствия проверяемой модели эмпирическим данным, оценивает величину различий между матрицей ковариаций, полученной на эмпирических данных, и идеальной матрицей, построенной на основе тестируемой модели. Основные критерии принятия решения о соответствии данных модели на основе статистики χ^2 : чем меньше ее значение, тем выше соответствие; соотношение значения статистики χ^2 и количества степеней свободы должно быть ≤ 2 (Митина, 2008; Вугне, 2012).

³ CFI (Comparative Fit Index) — еще одна статистика соответствия эмпирических данных тестируемой модели. Она оценивает различия между матрицей ковариаций, полученных на реальных данных, и «нулевой моделью», соответствующей допущению, что измеряемые латентные переменные не связаны между собой. Значения CFI лежат в интервале от 0 до 1, и решение о соответствии данных модели принимается при CFI ≥ 0.90 .

⁴ RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) — также статистика соответствия, с помощью которой можно ответить на вопрос: насколько хорошо модель с неизвестными, но оптимально подобранными параметрами соответствовала бы матрице ковариаций, полученной на популяции в целом, если бы она была доступна? Значения статистики RMSEA также лежат в пределах от 0 до 1, но, поскольку здесь речь идет об измерении ошибки, чем меньше его значение, тем лучше данные соответствуют модели. В литературе (Вугне, 2012) приемлемыми считаются значения RMSEA ≤ 0.05 .

структуре (результаты КФА) и решениям, полученным в результате разведывательного факторного анализа, приведены в таблице 1.

В целом, как показывают приведенные индексы, статистическим критериям удовлетворяют обе модели, полученные с помощью разведывательного факторного анализа. При выборе итогового варианта мы опирались на матрицу корреляций пунктов со шкалами. Для шестифакторного решения для каждого из шести факторов подобраны вопросы, значимо связанные с конкретной шкалой, при этом коэффициенты корреляции этих пунктов с другими шкалами существенно меньше, чем с этой. В семифакторной модели в седьмом факторе нет ни одного вопроса, коэффициент корреляции с которым был бы выше, чем с другими шкалами.

В таблице 2 также приведены значения коэффициентов корреляции между факторами после процедуры вращения.

Полученные факторы коррелируют между собой на достаточно высоком уровне, однако содержа-

тельно каждая группа вопросов интерпретируется как отдельный аспект отношения к статистике. Полное описание полученных факторов приводится ниже.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что выделенная с помощью разведывательного факторного анализа факторная структура удовлетворяет всем критериям соответствия модели. Можно считать, что для русскоязычной версии опросника именно шестифакторное решение является наилучшим. Несмотря на то что количество факторов в авторской и русскоязычной версиях совпало, содержательно они отличаются друг от друга. Кроме того, два суждения были исключены из опросника. Ниже мы приводим интерпретацию полученных факторов и примеры утверждений, которые вошли в каждый из них.

Фактор 1: «Статистика в профессиональной жизни» (7 вопросов)

Фактор отражает ожидания студентов относительно того, станет ли статистика частью их будущей профессиональной деятельности.

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции между факторами после процедуры вращения

Факторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
Фактор 1	1					
Фактор 2	0.558***	1				
Фактор 3	0.558***	0.404***	1			
Фактор 4	0.726***	0.514***	0.465***	1		
Фактор 5	0.630***	0.703***	0.521***	0.633***	1	
Фактор 6	0.155	0.558***	-0.104	0.187**	0.399***	1

* $p < 0.05$, *** $p < 0.01$, **** $p < 0.001$.

Высокий балл по этому фактору означает, что студенты считают, что предметы, связанные со статистикой, пригодятся им в дальнейшей профессиональной жизни. Несмотря на возможные сложности в изучении этих курсов и негативное к ним отношение, мотивация к их изучению у студентов, набравших высокий балл по этому фактору, может быть выше. Они осознают ценность предметов, связанных со статистикой, и в большей степени готовы прикладывать усилия к их изучению.

Низкий балл по этому фактору показывает, что студенты не рассматривают предметы, связанные со статистикой, как необходимые для будущей успешной работы, следовательно, вполне вероятно, что они будут прикладывать меньше усилий к тому, чтобы успешно освоить эти курсы.

Утверждения, вошедшие в фактор с наиболее высокими нагрузками: 13, 25, 33⁵.

Фактор 2: «Ожидания по отношению к статистике» (9 вопросов)

Фактор отражает эмоциональное отношение студентов к изучаемому курсу.

Высокий балл по данному фактору свидетельствует о том, что студенты не склонны негативно относиться к курсам, связанным со статистикой. Содержание вопросов, вошедших в этот фактор, не позволяет разделить положительное и нейтральное отношение. Для этого необходимо обратиться к результатам по фактору «Интерес».

Низкий балл по этому фактору отражает негативные ожидания студентов относительно курсов, связанных со статистикой. Негативные ожидания включают в себя и страх неудачи, и высокий уровень стресса, который испытывают студенты на этих курсах.

Утверждения с наиболее высокими значениями коэффициентов корреляции со шкалой: 28, 18, 11.

Фактор 3: «Старательность» (5 вопросов)

Фактор отражает намерения студента, касающиеся качества его работы в ходе курса.

Высокий балл показывает готовность студента прикладывать усилия к изучению курсов, чтобы получить наилучший результат.

Низкий балл, напротив, свидетельствует о том, что студент не готов стараться при выполнении заданий по этому курсу.

Утверждения с наиболее высокими значениями коэффициентов корреляции со шкалой: 14, 1, 27.

Фактор 4: «Статистика в повседневной жизни» (5 вопросов)

Фактор отражает представления студентов о том, насколько статистика важна в их повседневной жизни (исключая профессиональную).

Высокий балл по этому фактору означает, что студенты используют знания, полученные на курсах, связанных со статистикой, в повседневной жизни. Статистическая информация вписывается не только в их

⁵ Полный список утверждений приведен в приложении.

профессиональную, но и в бытовую деятельность, например, для подтверждения своей точки зрения на происходящие события. Подобная установка, скорее всего, будет положительно сказываться на мотивации студента.

Низкий балл по этому фактору отражает установку студента на то, что статистика нужна только в узких сферах его жизни: в учебе и, возможно (в зависимости от результата по фактору 1), в его будущей профессиональной деятельности.

Утверждения с наиболее высокими значениями коэффициентов корреляции со шкалой: 21, 17, 23.

Фактор 5: «Интерес» (4 вопроса)

Фактор отражает интерес и положительное отношение студента к курсу. Поскольку интерес является базовой позитивной эмоцией, на наш взгляд, правомерно говорить о том, что этот фактор отражает положительные эмоции, которые вызывает курс.

Высокий балл по этому фактору отражает высокий уровень интереса студента к предмету и косвенно положительное к нему отношение.

Низкий балл по этому фактору, напротив, свидетельствует о слабом интересе к предмету и нейтральном или негативном к нему отношении.

Утверждения с наиболее высокими значениями коэффициентов корреляции со шкалой: 22, 6, 19.

Фактор 6: «Субъективная сложность» (4 вопроса)

Фактор отражает ожидаемую сложность курса и количество усилий, которое студенты считают необходимым приложить к тому, чтобы успешно пройти курс.

Высокие значения по этой шкале свидетельствуют о том, что студент склонен рассматривать предметы, связанные со статистикой, как нечто очень трудоемкое и требующее от них больших затрат времени и энергии.

Низкий балл по этому фактору — о том, что субъективная сложность этих предметов для студента достаточно низкая, а их изучение не требует от него особых затрат времени и сил.

Утверждения с наиболее высокими значениями коэффициентов корреляции со шкалой: 30, 24, 8.

Проверка надежности опросника

Далее мы провели проверку надежности полученного инструмента. Для этого по каждой шкале был подсчитан показатель надежности-согласованности альфа Кронбаха (таблица 3). Общая надежность всей методики не определялась, так как шкалы рассматриваются независимо друг от друга.

Из таблицы 3 можно сделать вывод, что все шкалы обладают высоким уровнем надежности-согласованности. Такие показатели альфа Кронбаха оцениваются как высокие в методиках, измеряющих некогнитивные функции. Это свидетельствует о том, что вопросы внутри каждой шкалы хорошо согласованы между собой, а значит, направлены на измерение одного конструкта.

Проверка конструктивной валидности

Чтобы проверить конструктивную валидность (а точнее, один из ее

Таблица 3

Показатели надежности факторов русскоязычной версии опросника SATS

№ шкалы	Название фактора	Альфа
1	Статистика в профессиональной жизни	0.898
2	Ожидания по отношению к статистике	0.874
3	Старательность	0.843
4	Статистика в повседневной жизни	0.828
5	Интерес	0.720
6	Субъективная сложность	0.701

подвидов — конвергентную) адаптированной методики SATS, мы сравнили ее результаты с результатами по шкале Нейротизма теста NEO PI-R (Мартин и др., 2003) и по шкалам ситуативной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 4. Так как общий конструкт, построенный на всех 34 вопросах, не рассматривается, мы анализировали коэффициенты корреляции каждого фактора и вышеназванных шкал.

Из таблицы 4 видно, что все корреляции достаточно низкие, это подтверждает существование отдельного конструкта «статистическая тревожность» или «отношение к статистике». Однако статистически значимые коэффициенты корреляции выявлены именно с наиболее эмоциональными подшкалами. Личностная тревожность и нейротизм статистически значимо связаны с ожиданиями по отношению к статистике, субъективным восприятием сложности предмета (сильнее всего), интересом к нему и использованием статистики в повседневной жизни. Студенты, обладающие высоким уровнем личностной тревожности,

часто демонстрируют негативные ожидания к статистическим курсам, низкий интерес к предмету, оценивают его как сложный и требующий больших усилий с их стороны и не склонны пользоваться статистической информацией в повседневной жизни. Ситуативная же тревожность связана только с одним фактором — субъективной сложностью предмета, это также подтверждает факт, что в отношении к статистике присутствует оценка тревожности, но она не смешивается с тревожностью от присутствия на конкретном занятии.

При этом незначимыми оказались связи с факторами «Старательность» и «Ценность в профессиональной жизни». Отсутствие значимой корреляции со вторым из названных факторов может объясняться тем, что большинство в нашей выборке составили студенты-социологи, в учебных планах которых статистическая подготовка составляет куда большую долю, чем, скажем, у психологов. Более того, мы предполагаем, что и образ будущей работы социологов в большей степени связан с использованием статистики (проведение опросов и других количественных исследований). Поэтому, как

Таблица 4

Корреляции субшкал SATS-34 и результатов методик оценки тревожности
(N = 253, для NEO PI-R N = 252)

	Факторы SATS-34	Личностная тревожность	Ситуативная тревожность	Нейротизм (NEO PI-R)
1.	Статистика в профессиональной жизни	-0.069	-0.006	-0.094
2.	Ожидания по отношению к статистике	-0.328**	-0.070	-0.371**
3.	Старательность	0.051	0.060	-0.032
4.	Статистика в повседневной жизни	-0.133*	-0.037	-0.182**
5.	Интерес	-0.171**	-0.020	-0.194**
6.	Субъективная сложность	-0.353**	-0.145*	-0.270**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

нам кажется, для социологов в большей степени характерно осознание неизбежности работы со статистикой в будущем, чем представителям других социальных наук, включенных в наше исследование. Старательность же как черта не имеет отношения к тревожности. В своем исследовании по опроснику «Большая пятерка» мы использовали только шкалу «Нейротизма», однако логично было бы предположить, что «Старательность» в нашем опроснике будет связана с другим фактором – «Сознательностью».

Взаимосвязь ситуативной тревожности с субъективной сложностью курса также представляется логичной. Во время занятия, будь то лекция или семинар, студенты решают задачи по статистике и оценивают их сложность. Высокая субъективная сложность задачи провоцирует возникновение ситуативной тревоги в процессе ее решения (Hong, 1999).

Область применения русскоязычной версии SATS-34

Адаптированная на русский язык методика SATS-34 может быть использована в исследовательских целях. В практическом смысле ее применение может быть интересно, в первую очередь, преподавателям по курсам вероятностно-статистического блока. С помощью претеста они могут узнать, каковы ожидания и установки студентов к курсу, и использовать эти результаты для того, чтобы наладить контакт со студентами и сделать процесс преподавания статистики максимально эффективным. Посттест же поможет проконтролировать полученный результат.

Стоит отметить, что индивидуальные результаты отдельного студента здесь не столь значимы, как результаты группового обследования. Методика не предполагает никакой глубинной диагностики, и студент сам

может рассказать о своем отношении к статистике. В случае же группового обследования индивидуальный опрос каждого студента часто невозможен, а краткий структурированный инструмент позволит добиться тех же результатов.

Применение методики в исследовательских целях также может быть достаточно широким. Она может быть полезна как в изучении особенностей студентов, так и для оценки эффективности различных форм преподавания. Здесь использование SATS-34 ограничено только фантазией исследователя.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Анализ корреляций шкалы SATS-34 и шкал, измеряющих тревожность как личностную черту, показал, что феномен статистической тревожности существует сам по себе, его нельзя рассматривать как часть общего конструкта тревожности, которая в психологии понимается как индивидуальная психологиче-

ская особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения.

2. Изучение факторной структуры (при помощи разведывательного и подтверждающего факторного анализа) показало, что в целом шестифакторная структура удовлетворяет эмпирическим данным, хотя и не соответствует авторской по содержанию шкал.

3. Коэффициент надежности-согласованности (альфа Кронбаха) для шести подшкал варьируется от 0.7 до 0.9, что свидетельствует о высокой согласованности вопросов и подтверждает тот факт, что каждый фактор направлен на измерение одного конструкта.

4. Валидность адаптированного опросника также была доказана через связь со шкалами личностной и ситуативной тревожности. Умеренные значения коэффициентов корреляции показывают, что тревожность по отношению к статистике можно выделить как отдельный конструкт, связанный с общим уровнем тревожности, но не сводящийся к ней.

Литература

Габдреева Г.Ш., Прохоров А.О. Практикум по психологии состояний. М.: Речь, 2004.

Мартин Т.А., Орёл В.Е., Сенин И.Г. Опыт адаптации методики диагностики личностных характеристик NEO PI-R // Вестник клинической психологии. 2003. Т. 1. № 2. С. 193–198.

Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных

уравнений // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 131–148.

Auzmendi E. Factors related to statistics: A study with a Spanish sample: Paper presented at the annual meeting of the American Educational Research Association. Chicago, IL, 1991.

Bell J.A. International students have statistics anxiety too! // Education. 1998. 118. 634–636.

Benson J., Bandalos D. Structural model of statistical test anxiety // R. Schwarwer, H.M. Vander Ploeg, C.D. Spielberger (eds). Advances in test anxiety research. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1989. Vol. 5. P. 137–154.

Byrne B.M. Structural equation modeling with MPlus. N.Y.: Taylor & Francis Group, LLC, 2012.

Cruise R.J., Cash R.W., Bolton L.D. Development and validation of an instrument to measure statistical anxiety // American Statistical Association Proceedings of the Section on Statistical Education, 1985. P. 92–98.

Cruise R.J., Wilkens E.M. STARS: Statistical Anxiety Rating Scale: Unpublished manuscript. Andrew University, Berrien Springs, MI, 1980.

Elmore P.B., Lewis E.L., Bay M.L.G. Statistics achievement: A function of attitudes and related experience: Paper presented at the annual meeting of the American Educational Research Association. 1993, April. ERIC Document Reproduction Service No. 360 324.

Hong E. Test anxiety, perceived test difficulty and test performance: temporal patterns of their effects // Learning & Individual Differences. 1999. 11. 4. 431.

Lalonde R.N., Gardner R.C. Statistics as a second language? A model for predicting performance in psychology students // Canadian Journal of Behavioural Science. 1993. 25. 108–125.

Onwuegbuzie A.J. Statistics test anxiety and women students // Psychology of Women Quarterly. 1995. 19. 413–418.

Onwuegbuzie A.J. Writing a research proposal: The role of library anxiety, statistics anxiety, and composition anxiety // Library & Information Science Research. 1997. 19. 1. 5–33.

Onwuegbuzie A.J. Attitudes toward statistics assessments // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2000. 25. 321–339.

Onwuegbuzie A.J., Collins K.M.T. Relationship between critical thinking and performance in research methodology courses // Louisiana Education Research Journal. 2002. 27. 1. 47–62.

Onwuegbuzie A.J., Daley C.E. Learning style and achievement in a course on research methods // Psychological Reports. 1997. 80. 496.

Onwuegbuzie A.J., Daley C.E. Perfectionism and statistics anxiety // Personality & Individual Differences. 1999. 26. 1089–1102.

Onwuegbuzie A.J., Seaman M.A. The effect on time constraints and statistics test anxiety on test performance in a statistics course // The Journal of Experimental Education. 1995. 63. 2.

Onwuegbuzie A.J., Wilson V.A. Statistics anxiety: nature, etiology, antecedents, effects, and treatments – a comprehensive review of the literature // Teaching in Higher Education. 2003. 8. 195–209.

Pretorius T.B., Norman A.M. Psychometric data on the statistics anxiety scale for a sample of South African students // Educational and Psychological Measurement. 1992. 52. 933–937.

Roberts D.M., Bilderback E.W. Reliability and validity of a statistics attitude survey // Educational and Psychological Measurement. 1980. 40. 235–238.

Rodarte-Luna B., Sherry F. Sex differences in the relation between statistics anxiety and cognitive/learning strategies // Contemporary Educational Psychology. 2008. 33. 327–344.

Schau C. Students' attitudes: The «other» important outcome in statistics education. 2003. Parts of this paper were

presented at the Joint Statistics Meetings, San Francisco. URL: <http://evaluation-andstatistics.com/JSM2003.pdf> (Дата обращения: 25/10/2011).

Schau C., Stevens J., Dauphinee T., Del Vecchio A. The development and validation of the survey of attitudes toward statistics // Educational and Psychological Measurement. 1995. 55. 868–875.

Wise S.L. The development and validation of a scale measuring attitudes toward

statistics // Educational and Psychological Measurement. 1985. 45. 401–405.

Zanakis S.H., Valenza E.R. Student anxiety and attitudes in business statistics // Journal of Education for Business. 1997. 72. 5. 10–16.

Zeidner M. Does test anxiety bias scholastic aptitude test performance by gender and sociocultural group? // Journal of Personality Assessment. 1990. 55. 145–160.

Приложение

Методика SATS-34 – претест

Инструкция: ниже приведена серия утверждений, в каждом из них есть 7 возможных ответов. Ответы варьируются от **1 – полностью не согласен** до **7 – полностью согласен**, **4 отражает нейтральное отношение**. Если вы сомневаетесь с выбором ответа, выберите 4. Отметьте, пожалуйста, только один вариант, который наиболее точно отражает ваше мнение по отношению к утверждению. Пожалуйста, ответьте на все вопросы.

№	Утверждения	Полностью не согласен (1) – полностью согласен (7)						
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Я планирую выполнять все задания по курсам, связанным с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
2.	Я планирую активно работать по ходу курсов, связанных с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
3.	Думаю, мне понравятся курсы, связанные с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
4.	Мне кажется, я буду чувствовать себя неуверенно, решая задачи по курсам, связанным с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
5.	Мне трудно будет изучать эти курсы из-за моего склада ума	1	2	3	4	5	6	7
6.	Статистические формулы легко понять	1	2	3	4	5	6	7
7.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, бесполезны	1	2	3	4	5	6	7
8.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, сложны	1	2	3	4	5	6	7

№	Утверждения	Полностью не согласен (1) – полностью согласен (7)						
		1	2	3	4	5	6	7
9.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, должны быть обязательной частью моей профессиональной подготовки	1	2	3	4	5	6	7
10.	Со знанием, полученным в курсах, связанных с математикой и статистикой, мне будет легче найти работу	1	2	3	4	5	6	7
11.	Я совсем не понимаю, что происходит на курсах, связанных с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
12.	Мне нравится отстаивать свою точку зрения, используя статистическую информацию	1	2	3	4	5	6	7
13.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, бесполезны в моей профессиональной деятельности	1	2	3	4	5	6	7
14.	Я планирую тщательно готовиться к экзаменам по дисциплинам, связанным с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
15.	Я буду нервничать при написании контрольных работ по этим предметам	1	2	3	4	5	6	7
16.	Статистическое мышление неприменимо за пределами моей работы	1	2	3	4	5	6	7
17.	Я использую статистику в своей повседневной жизни	1	2	3	4	5	6	7
18.	Я буду испытывать стресс во время занятий по статистике	1	2	3	4	5	6	7
19.	Я буду получать удовольствие от изучения курсов, связанных с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
20.	Мне будет интересно использовать данные по статистике	1	2	3	4	5	6	7
21.	Статистика редко встречается в повседневной жизни	1	2	3	4	5	6	7
22.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, легко даются большинству людей	1	2	3	4	5	6	7
23.	Мне будет интересно разбираться в статистической информации	1	2	3	4	5	6	7
24.	Я думаю, что мне придется приложить много стараний при изучении курсов, связанных с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
25.	В моей профессии статистика не пригодится	1	2	3	4	5	6	7

№	Утверждения	Полностью не согласен (1) – полностью согласен (7)						
		1	2	3	4	5	6	7
26.	Я буду делать множество ошибок в данных курсах	1	2	3	4	5	6	7
27.	Я планирую посещать все занятия по данным курсам	1	2	3	4	5	6	7
28.	Меня пугают курсы, связанные с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
29.	Мне интересно изучать курсы, связанные с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
30.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, требуют большого количества вычислений	1	2	3	4	5	6	7
31.	Я смогу освоить курсы, связанные с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7
32.	Я понимаю статистические формулы	1	2	3	4	5	6	7
33.	Курсы, связанные с математикой и статистикой, не относятся к моей жизни	1	2	3	4	5	6	7
34.	Мне трудно понять термины, затрагиваемые в курсах, связанных с математикой и статистикой	1	2	3	4	5	6	7

SATS-34 (русская версия): подсчет и интерпретация результатов

Для подсчета баллов по русской версии опросника SATS-34 необходимо выполнить следующие шаги.

Для утверждений № 7, 13, 16, 25, 33, 4, 5, 11, 18, 26, 28, 35, 21, 8, 15, 24, 30 необходимо перевернуть ответную шкалу, руководствуясь следующим правилом:

Ответ, выбранный респондентом						
1	2	3	4	5	6	7
7	6	5	4	3	2	1
Балл, набранный респондентом						

Для оставшихся утверждений вариант ответа, выбранный респондентом, является тем баллом, который он получил при ответе на этот вопрос (например, выбрав вариант 4 в вопросе № 9, он получает за него 4 балла).

Следующим шагом необходимо подсчитать количество баллов, набранных респондентом по каждому фактору. Поскольку отношение к статистике рассматривается авторами опросника как многомерный конструкт, содержательная интерпретация возможна только для каждого фактора в отдельности, а не для общего балла по опроснику. Номера суждений, составляющих каждый фактор, приведены в таблице ниже.

№	Название фактора	№ суждений	Альфа
1	Статистика в профессиональной жизни (7)	7* , 9, 10, 13*, 16*, 25*, 33*	0.898
2	Ожидания по отношению к статистике (9)	4*, 5*, 11*, 18*, 26*, 28*, 31, 32, 34*	0.874
3	Старательность (5)	1, 2, 3, 14, 27	0.843
4	Статистика в повседневной жизни (5)	12, 17, 20, 21*, 23	0.828
5	Интерес (4)	6, 19, 22, 29	0.720
6	Субъективная сложность (4)	8*, 15*, 24*, 30*	0.701

* – отмечены номера суждений, в которых необходимо трансформировать шкалу в соответствии с описанным выше правилом.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПРОСНИК ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА: СТРУКТУРА И СВОЙСТВА

Е.Н. ОСИН, Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Осин Евгений Николаевич — доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук.

Контакты: keen-psy@mail.ru

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий научно-учебной лабораторией позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ, доктор психологических наук. Автор более 500 публикаций по ключевым проблемам психологии личности, в частности, книг «Введение в психологию искусства» (1998), «Психология смысла» (1999), «Комплексная гуманитарная экспертиза» (2008) и др. Научный редактор и соавтор 18 коллективных монографий, в том числе «Психология с человеческим лицом» (1997), «Современная психология мотивации» (2002), «Личностный потенциал: структура и диагностика» (2011) и др.

Контакты: dleon@smysl.ru

Резюме

В статье описаны результаты разработки методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (ДОПО-3). Методика создана на основе авторской модели отношения к одиночеству, согласно которой принятие одиночества как экзистенциального факта открывает человеку возможность ценить ситуации уединения и использовать их как ресурс для аутокоммуникации и личностного роста. Неприятие или страх одиночества, напротив, приводят к избеганию уединения, постоянному поиску социальных контактов, что становится избеганием встречи человека с самим собой и препятствием

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. Авторы благодарят Анастасию Аверину (Салихову), Владислава Андриюшина, Зою Перлову и Рашита Измайлова за помощь в сборе эмпирических данных.

для личностного роста. ДОПО-3 состоит из 40 (краткая версия — из 24) утверждений, сгруппированных в три шкалы, измеряющие переживание одиночества и два аспекта отношения к нему: позитивное одиночество и зависимость от общения. При разработке методики использовано несколько выборок общим объемом более 2500 респондентов. Шкалы методики надежны (α в диапазоне 0.81–0.90), структурная валидность подтверждена результатами конфирматорного факторного анализа. Конвергентная и дискриминантная валидность установлена путем анализа связей шкал с показателями субъективного благополучия, осмысленности жизни, экстраверсии, мотивации аффилиации, субъективного отчуждения. На основе кластерного анализа шкал ДОПО выделены и описаны четыре качественно специфических типа отношения личности к проблеме одиночества.

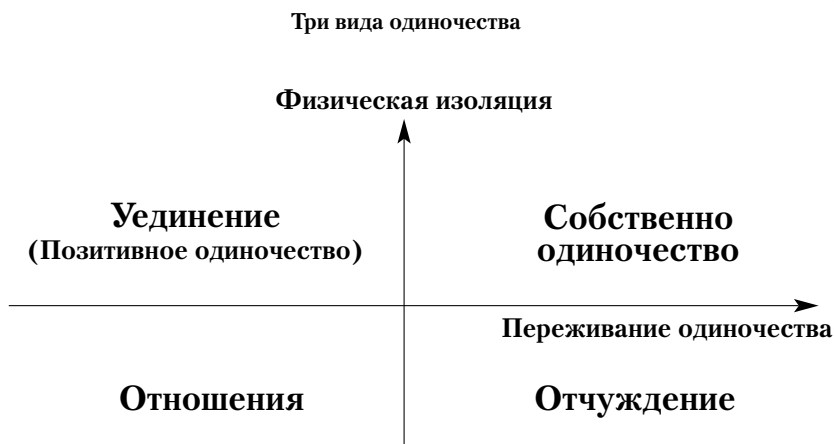
Ключевые слова: одиночество, уединение, позитивная психология, субъективное благополучие.

Одиночество как предмет психологического исследования

Выбор между одиночеством и пребыванием в контакте с другими людьми является одним из базовых экзистенциальных вызовов, с которыми каждому человеку приходится так или иначе справляться в течение всей жизни (Ялом, 1999). В наиболее общем виде одиночество можно

определить как переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми. Это переживание может иметь место как в состоянии физической изоляции (сочетание этих двух факторов задает состояние, которое традиционно обозначается словом «одиночество»), так и в присутствии других людей, но без психологического контакта с ними (отчуждение; см. рисунок 1). В обоих

Рисунок 1

случаях одиночество может быть либо добровольным, выбранным, принятым (уединение), либо вынужденным; в последнем случае оно может служить источником серьезных психологических проблем и нарушений (Леонтьев, 2011).

Различны и субъективные переживания, связанные с феноменом одиночества: время, проведенное в одиночестве, может быть полным отчаяния, но может быть использовано для творчества, медитации и внутреннего диалога, позволяющего по-настоящему пережить ценность отношений с другими людьми (Rokach, 2004). Таким образом, для адекватного понимания феномена одиночества необходимо различать болезненное переживание одиночества как отделенности, изолированности от людей и переживания, связанные с уединением, которые могут быть позитивными или негативными.

Многие теоретики и практики в области личности (К.Г. Юнг, Э. Фромм, Дж. Бьюджентал, С. Мадди, Ф. Перлз и др.) отмечали, что развитие личности необходимо связано с признанием и принятием человеком фундаментального факта собственного одиночества, отделенности от других людей. Лишь осознание себя как отдельного индивида открывает перед личностью возможность выбора собственного пути, на котором происходят по-настоящему глубокие встречи с другими людьми, установление отношений с ними. Однако это осознание может быть болезненным, и нередко избегание встречи с собственным одиночеством становится для человека избеганием встречи с самим собой. К. Мустакас (Moustakas, 1961) первым сформулировал в

качестве общего принципа тезис о том, что одиночество является одним из условий человеческой жизни, человеческим опытом, который помогает индивиду сохранять, развивать и углублять свою человечность. Попытки же уйти от одиночества и его переживания приводят к отчуждению от самого себя. Одиночество становится для человека вызовом, совладание с которым не только не изолирует индивида от мира, но, напротив, делает его более целостным, чувствительным и человеческим. Неспособность совладать с этим вызовом приводит к болезненному одиночеству, которое служит источником тревоги.

Основой связи одиночества с личностным развитием может служить аутокоммуникация — общение с самим собой (см.: Мацута, 2007). В уединении лишается социально-коммуникативных связей с другими людьми только человек, недостаточно личностно развитый, не обособившийся полностью от симбиотических связей, не обретший автономной способности вступать в отношения с миром один на один, несущий свою социальность в себе и не находящий сам в себе достойного собеседника. Другой важный аспект состоит в том, что только в аутокоммуникации, в паузе осуществляются переработка и интеграция опыта впечатлений и взаимодействий с миром. В отсутствие подобной паузы даже экстремальный опыт может не породить соответствующих изменений личности, оставшись не интегрированным в личностную структуру. Особенность аутокоммуникации в том, что она осуществляется не одновременно с внешней активностью, а в

паузе между процессами деятельности или общения, которая лучше всего обеспечивается ситуацией уединения. Ценность уединения, погружения в себя подчеркивают многие авторы (К. Ясперс, М. Бубер, П. Тиллих, К. Юнг, А. Маслоу, И. Ялом, Б. Миюскович, В. Франкл, А. Лэнгле, Э. Лукас и др.). Кратко сформулировал это М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1990): «То, что я есть, если вам это интересно, — это продукт лишь молчания и одиночества».

Многие люди, однако, не хотят или не могут вслушиваться в свой внутренний голос, им скучно или страшно наедине с собой, поэтому они стремятся избежать ситуаций одиночества или, по меньшей мере, с помощью музыки, радио, телевидения и других технических устройств заглушить, заблокировать возможность внутреннего диалога в подобных ситуациях. Телевидение и Интернет, задуманные как средства коммуникации, стали частью индустрии развлечений, которая помогает людям заполнять свое свободное время и избегать встречи с переживанием изоляции, отчуждения от других людей. Между тем, как отмечал П. Тиллих (Tillich, 1963), одиночество может победить лишь тот, кто способен вынести уединение.

Психологических исследований одиночества как многоаспектного феномена практически нет. Пока неясно, в какой мере или при каких условиях одиночество становится негативным фактором в жизни человека и какой вклад в это вносят установки личности по отношению к одиночеству. Ряд авторов (Peplau, Perlman, 1982; Perlman, Joshi, 1987)

отмечают, что осознание факта своего одиночества может вызывать у человека чувство неловкости и стыда, поскольку одиночество нередко стигматизируется обществом, так что одинокие люди могут выглядеть слабыми, неудачниками. Таким образом, само признание факта своего одиночества может вызывать у человека страх, описанный К. Мустакасом как «тревога одиночества» (Moustakas, 1972). Страх одиночества может приводить к вытеснению личностью переживаний одиночества, отрицанию одиночества как факта или, напротив, к постоянному поиску компании и установлению многочисленных поверхностных социальных контактов в попытках предотвратить наступающую угрозу одиночества. В любом случае страх одиночества выступает серьезным препятствием на пути личностного роста, в ходе которого человек становится перед вызовом осознания своей отдельности. Ответом на этот вызов может стать преодоление одиночества, осознание человеком собственной связанности с людьми, с трансцендентным началом или с самим собой. По словам В. Франкла, «человек должен быть одинок, только тогда он сможет заметить, что он не один и никогда не был один» (цит. по: Лэнгле, 2005, с. 41).

В академической психологии существует целый ряд теоретических моделей, рассматривающих одиночество как переживание неудовлетворенной потребности в привязанности, результат дефицита социальных навыков или определенных сочетаний личностных черт, результат расхождения между ожидаемым удовлетворением от взаимоотношений и

реальностью, побудительный стимул к установлению новых отношений (см.: Сасиорро, Hawkey, 2009). Работая в рамках теории привязанности, Р. Вайсс (Weiss, 1973) предложил различать социальное одиночество (недостаток интеграции в общество) и эмоциональное одиночество (отсутствие надежного объекта привязанности): это различие операционализируется во многих существующих шкалах одиночества. В некоторых исследованиях эмпирически различают также ситуативное одиночество и одиночество как стабильную личностную характеристику, одиночество в различных видах отношений и т.д.

В подавляющем большинстве существующих психологических исследований одиночество рассматривается исключительно как проблема. Существуют данные о связях одиночества с депрессией, тревогой и межличностной враждебностью, злоупотреблением психоактивными веществами и алкоголем, склонностью к суициду (см.: Rokach, 2004). Лонгитюдные исследования в области поведенческой медицины показывают, что одиночество является предиктором быстрого старения, риска сердечно-сосудистых заболеваний, смертности в течение последующих 2.5 лет (при контроле факторов пола, возраста, хронических заболеваний, курения, злоупотребления алкоголем, самооценки здоровья и функциональных ограничений) (Hawkey, Сасиорро, 2010). В пожилом возрасте одинокие люди более подвержены риску снижения когнитивных функций, деменции, болезни Альцгеймера (там же) по сравнению с людьми, не переживающими одиночества.

Однако если несколько десятилетий тому назад среди психологов преобладал негативный взгляд на одиночество как на нежелательное состояние дефицита социальных контактов, родственное отчуждению, аномии и требующее коррекции (напр.: Рубинштейн, Шейвер, 1989), то в последние годы взгляд на одиночество как на позитивный ресурс, нуждающийся в культивировании, получает все более широкое распространение (Storr, 2005; Иванченко, 2007; Каган, 2010; Неумоева, 2005; Покровский, Иванченко, 2008; и др.). Несмотря на то, что связь уединения с творческой деятельностью и личностным развитием была замечена психологами давно (напр.: Middleton, 1935) и существуют работы, описывающие позитивный аспект уединения (Long, Averill, 2003; Storr, 2005), эмпирических исследований «позитивного одиночества» крайне мало. В качественном исследовании К. Лонга и др. (Long et al., 2003) было выделено семь позитивных аспектов уединения. В специальном исследовании Лири и др. (Leary et al., 2003) было показано, что тенденция к поиску уединения является следствием выраженной потребности в уединении, и ее нельзя объяснить слабостью потребности в близости.

Из краткого предпринятого обзора очевидна важность дифференцированной психологической диагностики не только самого переживания одиночества, но и отношения личности к одиночеству как к жизненному факту и, как следствие, к ситуациям уединения. Принятие одиночества как экзистенциального факта открывает нам возможность ценить уединение, находя в нем позитивный

ресурс для развития собственной личности и установления новых, более глубоких и осмысленных связей с людьми. В свою очередь, неприятие одиночества или страх одиночества будут приводить к постоянному избеганию уединения и поиску социальных контактов.

Измерение одиночества

Наиболее широко известным в мире инструментом для психологической диагностики одиночества является шкала UCLA Д. Рассела (Russell et al., 1978; Russell et al., 1980), ранняя версия которой была опубликована на русском языке в книге «Лабиринты одиночества» (Рассел, 1989). Наиболее современной ее версией является версия 3 (Russell, 1996), состоящая из 20 утверждений (примеры: «Как часто вы чувствуете себя одиноким?», «Как часто вы чувствуете, что есть люди, с которыми вы можете поговорить?»), которые оцениваются по 4-балльной шкале. Англоязычная версия методики демонстрирует высокую внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха, по данным разных исследований, в диапазоне от 0.89 до 0.94; ретестовая надежность — 0.73). Русскоязычная адаптация этой методики была проведена И.Н. Ишмухаметовым в Латвии (Ишмухаметов, 2006); полученные им психометрические показатели методики соответствуют оригинальной англоязычной версии. Достоинствами этой методики являются ее простота и доступность, однако проблемой можно считать наличие довольно большого количества дублирующих утверждений и неясную факторную структу-

ру: хотя методика задумана как однофакторный конструкт, по данным некоторых исследований, в ее структуре можно выделить ряд более мелких факторов, поэтому вопрос об одномерности шкалы остается дискуссионным (см.: там же). Еще одним русскоязычным вариантом, содержательно близким к шкале UCLA, но не эквивалентным ей, является шкала субъективного переживания одиночества (СПО) С.В. Духновского (2007; см. рецензию: Виноградов, 2010).

Существуют и другие шкалы для измерения одиночества. Шкала одиночества (Loneliness Scale; de Jong Gierveld, van Tilburg, 1999) содержит 11 пунктов, измеряющих социальное и эмоциональное одиночество. Дифференциальная шкала одиночества (Differential Loneliness Scale; Schmidt, Sermat, 1983) содержит 60 утверждений, измеряющих степень одиночества в четырех различных сферах отношений: романтические отношения, дружба, семья, отношения с группами. Две шкалы социального и эмоционального одиночества (Social and Emotional Loneliness Scales; Russell et al., 1984; Wittenberg, 1986) из 2 и 10 пунктов соответственно также операционализируют модель Р. Вайсса. Шкала оценки одиночества (Loneliness Rating Scale; Scalise et al., 1984) из 40 пунктов измеряет частоту и интенсивность четырех переживаний, о которых сообщают одинокие люди: истощение, изоляция, возбуждение, уныние. Шкала социального и эмоционального одиночества для взрослых (Social and Emotional Loneliness Scale for Adults; DiTommaso, Spinner, 1993) содержит шкалы социального одиночества и эмоционального

одиночества (последняя включает субшкалы, относящиеся к семье и романтическим отношениям). В сравнительном исследовании (Stamer, Baggu, 1999) проводился совместный факторный анализ семи перечисленных популярных шкал, из которых была выделена 21 субшкала. Субшкалы сгруппировались в четыре фактора: социальное одиночество (низкое количество социальных контактов), эмоциональное одиночество (нехватка близости), негативный аффект, а также одиночество в семье. По результатам анализа, шкала UCLA в наибольшей мере измеряла социальное одиночество. Есть и другие, менее популярные шкалы социального и эмоционального одиночества, например, опросник эмоционального и социального одиночества (Vincenzi, Graboski, 1987) из 15 парных пунктов, субшкалы которого соответствуют социальному и эмоциональному одиночеству в объективном и субъективном аспекте (респондент оценивает раздельно положение дел в собственной жизни и свои переживания по этому поводу). Однако все перечисленные опросники измеряют переживание одиночества в его негативном аспекте.

Вместе с тем инструментов для диагностики позитивных аспектов одиночества практически нет. Единственным широко известным к настоящему времени инструментом является шкала предпочтения уединения Дж. Барджера (Burger, 1995). Шкала содержит 12 пунктов, в каждом из которых респонденту предлагается дихотомический выбор одного из двух утверждений, например: «1) А. Мне нравится быть среди людей. Б. Мне нравится быть одно-

му». Надежность шкалы, по данным, полученным на выборках студентов, составляла от 0.70 до 0.73; автором были получены значимые корреляционные связи показателя предпочтения одиночества с интроверсией (0.56) и нейротизмом (0.37), а также слабые или умеренные положительные корреляции со шкалой одиночества UCLA (от 0.27 и 0.42 — см.: Long, Averill, 2003). Вместе с тем очевидной проблемой этой шкалы, помимо низкой надежности и неудобного формата ответов, является узкий смысл конструкта: отраженное в пунктах шкалы предпочтение уединения является скорее аспектом интроверсии; пункты методики никак не отражают способность субъекта находить позитивный смысл в уединении.

Интересной попыткой разработки подобного инструмента на русском языке выглядит методика «Экзистенциальное одиночество» Л.В. Мельник (Мельник, 2004). Автором методики был составлен набор из 24 утверждений, отражающих принятие одиночества как непреодолимого факта жизни. Основой для разработки формулировок послужили взгляды ряда экзистенциальных философов (И. Ялом, М. Бубер, Э. Фромм, К. Мустакас и др.) и других известных людей (Ж.П. Сартр, И. Бродский, Г. Гессе, Т. Вульф, А. Шопенгауэр). Апробация методики «Экзистенциальное одиночество» проводилась автором на небольшой выборке (N = 53), полноценная психометрическая проверка набора утверждений не проводилась. Были получены значимые положительные корреляции показателя экзистенциального одиночества с показателями оригинальности

и разработанности по методике Торренса ($r = 0.60$), связь с показателем методики UCLA отсутствовала ($r = 0.02$).

Таким образом, существующие шкалы измеряют преимущественно негативные аспекты одиночества; шкалы, измеряющие позитивный аспект одиночества (уединение), недостаточно психометрически разработаны, а шкал, измеряющих отношение к одиночеству, нет. Было принято решение о разработке методики, которая стала бы экономичным и надежным средством для измерения этих трех аспектов одиночества.

Опросник ДОПО-3

Разработка опросника ДОПО-3 проводилась в несколько этапов. На первом этапе (Салихова и др., 2006) была сделана попытка эмпирической дифференциации двух аспектов одиночества на выборке студентов-юристов и студентов творческих специальностей. На материале набора пунктов двух шкал одиночества (Рассел, 1989; Мельник, 2004) были выделены два фактора, обозначенные как социальное и экзистенциальное одиночество. Оба показателя были отрицательно связаны с индикаторами психологического благополучия, причем эти связи были сильнее для показателя социального одиночества. У студентов творческих специальностей по сравнению с юристами было значимо более выражено экзистенциальное одиночество, при этом в отличие от юристов оба показателя одиночества не коррелировали со смыслоутратой по тесту СЖО. Первое пилотажное исследование подтвердило возможность эмпирической дифференциации конструк-

тов социального и экзистенциального одиночества.

По итогам пилотажа на втором этапе исследования (Леонтьев и др., 2007) был создан новый опросник из 43 утверждений, в который вошли как хорошо работающие пункты двух использованных шкал, так и вновь сформулированные утверждения, отражающие различные эмоциональные и когнитивные аспекты переживания одиночества. На этом наборе утверждений на студенческой выборке были выделены четыре фактора: позитивное одиночество, зависимость от общения, дефицит близости, отчуждение. Лишь два последних фактора обнаружили выраженные отрицательные связи с показателями субъективного благополучия. В подгруппе студентов творческих специальностей были обнаружены значимо более высокие показатели позитивного одиночества и отчуждения, а также более низкие — зависимости от общения.

Пилотажные исследования показали, что переживание одиночества является неоднородным и обладает структурой, в которой могут быть выделены факторы, соответствующие различным внутренним состояниям. Некоторые из них обладают положительным содержанием, связаны с творчеством и личностным развитием (позитивное одиночество), а другие, напротив, являются довольно тяжелыми и требуют помощи со стороны других людей. Отдельным измерением выступает субъективное отношение личности к проблеме одиночества (обозначенное выше как потребность в общении).

Задачами третьего этапа исследования, результаты которого представлены ниже, стали содержательное

уточнение конструкторов и расширение набора пунктов с целью повышения надежности шкал, а также воспроизведение факторной структуры методики на большой выборке. Для повышения надежности шкал набор из 43 утверждений был дополнен 12 новыми, а формулировки 8 утверждений были уточнены. В третью версию опросника вошли 55 утверждений. Выборкой для анализа факторной структуры опросника стали добровольцы, посетители портала <http://hpsy.ru> ($N = 2298$), в том числе 26.5% мужчин, средний возраст испытуемых — 23.8 года (стандартное отклонение — 8.85).

Структура опросника

Для выявления общей структуры шкал использовался иерархический кластерный анализ (метод Уорда, метрика — коэффициент корреляции Пирсона; обратные пункты предварительно инвертированы), позволивший выделить три однородные группы пунктов, проинтерпретированных как общее переживание одиночества (23 пункта), и два аспекта отношения к одиночеству: зависимость от общения или неприятие одиночества (17 пунктов), а также позитивное отношение к одиночеству (15 пунктов).

Затем в рамках каждой из трех групп пунктов проводился эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с последующим косоугольным вращением, на основе результатов которого выделялись субшкалы (парселы). Пункты методики со слабыми или перекрестными нагрузками (сразу на несколько факторов) исключались, после чего про-

цедура повторялась. В итоговую структуру вошли 40 из 55 пунктов методики, которые образовали 8 субшкал, обладающих ясным смыслом.

Для проверки гипотезы о первичной структуре опросника проводился конфирматорный факторный анализ с использованием метода максимального правдоподобия в пакете EQS 6.1 на основе сырых данных. В связи с тем, что распределения переменных не идеально соответствовали нормальному виду, использовались робастные статистики (хи-квадрат Саторра–Бентлера). Простая модель конфирматорного факторного анализа, в которой каждый пункт давал нагрузку на один фактор (без двойных нагрузок и корреляций ошибок переменных), продемонстрировала соответствие исходным данным, близкое к удовлетворительному (см. таблицу 1: $RMSEA < 0.05$, однако $CFI < 0.95$).

На основе анализа индексов модификации в модель были введены ковариации ошибок для пунктов 6 и 9, 13 и 14, 4 и 17, 25 и 46, 50 и 55, отражающие сходные характеристики их формулировок. Введенные двойные нагрузки для двух пунктов оказались более низкими по сравнению с нагрузками на теоретически ожидаемые факторы (0.29 для пункта 17 на фактор 6 «Потребность в компании»; 0.34 для пункта 47 на фактор 2 «Самоощущение»); в одном случае двойная нагрузка оказалась несколько более высокой (0.42 для пункта 13 на фактор 3 «Отчуждение»), однако на основе содержательного анализа этого пункта было принято решение сохранить его в ключе за исходной субшкалой. Полученная модель 2 (модель измерения) показала лучшее

Таблица 1

Показатели соответствия конфирматорных моделей

Модель	Chi-sq.	df, <i>p</i>	NNFI (TLI)	CFI	RMSEA	90% CI
1	4642.96	712, <i>p</i> < 0.001	0.866	0.878	0.049	0.048–0.050
2	3579.28	704, <i>p</i> < 0.001	0.901	0.911	0.042	0.041–0.044
3	4245.38	721, <i>p</i> < 0.001	0.882	0.891	0.046	0.045–0.047
4	3766.22	719, <i>p</i> < 0.001	0.897	0.905	0.043	0.042–0.044

Примечание. Chi-sq. — значение статистики хи-квадрат, df — число степеней свободы, *p* — уровень значимости, NNFI (TLI) — ненормированный индекс соответствия Такера—Льюиса, CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера, RMSEA — корень среднеквадратической ошибки подгонки, 90% CI — границы доверительного интервала для RMSEA.

соответствие данным (см. таблицу 1). Нагрузки пунктов на субшкалы представлены в таблице 2.

Субшкала 1 «Изоляция» содержит утверждения, говорящие об отсутствии людей, с которыми возможен контакт. Субшкала 2 «Самощущение» включает сформулированные в общем виде утверждения, конструирующие образ Я респондента как одинокого человека. Субшкала 3 «Отчуждение» подчеркивает отсутствие значимых связей с окружающими людьми. Субшкала 4 «Дисфория одиночества» измеряет негативные чувства, связанные с пребыванием в одиночестве. Субшкала 5 «Одиночество как проблема» отражает негативную оценку одиночества как феномена. Субшкала 6 «Потребность в компании» измеряет представление человека о своей потребности в общении. Субшкала 7 «Радость уединения» измеряет принятие человеком одиночества и уединения. Субшкала 8 «Ресурс уединения» содержит утверждения, отражающие продуктивные аспекты уединения.

Для анализа вторичной структуры опросника использовались эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. По результатам эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс) 8 субшкал образовали три предсказуемых вторичных фактора, объясняющих 78.6% дисперсии, что позволяет выделить на основе субшкал три производные шкалы: Переживание одиночества (F1), Зависимость от общения (F2) и Позитивное одиночество (F3). В модель измерения были введены 3 вторичных фактора (для идентификации модели и получения осмысленных стандартизированных параметров модели второго уровня параметры дисперсий латентных факторов второго уровня были фиксированы со значением, равным 1 — см.: Brown, 2006). Показатели соответствия данным полученной модели три оказались удовлетворительными. На основе анализа индексов модификации были введены две двойные нагрузки первичных факторов на вторичные, после чего модель 4 показала приемлемое

Таблица 2

Стандартизированные нагрузки пунктов ДОПО-3 на первичные факторы и общность пунктов (доля дисперсии каждого пункта, объясняемая моделью). Звездочкой отмечены пункты, вошедшие в краткую версию методики (ДОПО-3к)

№	Название фактора / формулировка пункта	Нагрузка	R ²
F1	<i>Изоляция</i>		
11*	Нет никого, к кому бы я мог обратиться	0.73	0.54
25*	Есть люди, которые по-настоящему понимают меня	-0.71	0.50
27*	Есть люди, с которыми я могу поговорить	-0.69	0.48
7	Нет людей, с которыми я был бы по-настоящему близок	0.69	0.47
13*	Мне трудно найти людей, с которыми можно было бы поделиться моими мыслями	0.35	0.53
F2	<i>Самоощущение</i>		
46*	Мне кажется, что меня никто не понимает	0.76	0.57
30*	Я чувствую себя покинутым	0.74	0.54
2*	Я чувствую себя одиноким	0.70	0.49
4	Я испытываю недостаток в дружеском общении	0.60	0.36
17	Мне всегда не хватает общения	0.52	0.39
F3	<i>Отчуждение</i>		
33*	Люди вокруг меня, но не со мной	0.78	0.61
14	У меня мало общего с теми, кто меня окружает	0.73	0.53
1	Я чувствую, что нахожусь в ладу с окружающими меня людьми	-0.59	0.35
35	Мои социальные связи не глубоки	0.58	0.34
8	Я ощущаю себя частью группы друзей	-0.52	0.27
F4	<i>Дисфория одиночества</i>		
40*	Когда я остаюсь один, я испытываю дискомфорт	0.77	0.59
5*	Когда рядом со мной никого нет, я испытываю скуку	0.76	0.57
29*	Когда я остаюсь один, я не испытываю неприятных чувств	-0.66	0.43
51	Даже наедине с собой можно не чувствовать одиночества	-0.57	0.32
47	Когда я один, мне в голову приходят только тоскливые мысли	0.43	0.42
F5	<i>Одиночество как проблема</i>		
42*	Худшее, что можно сделать с человеком, — это оставить его одного	0.71	0.51
12	Одиноким людям нужны помощь	0.60	0.36
54	Без общения с людьми человек теряет самого себя	0.55	0.30

Таблица 2 (окончание)

№	Название фактора / формулировка пункта	Нагрузка	R ²
20	Если человек одинок, значит, у него проблемы в общении	0.45	0.20
32	Семья необходима человеку, потому что помогает спастись от одиночества	0.41	0.16
F6	<i>Потребность в компании</i>		
36*	Я плохо выношу отсутствие компании	0.74	0.54
22*	Мне трудно быть вдали от людей	0.72	0.52
9*	Я не люблю оставаться один	0.70	0.49
3	Для меня не так уж важно, окружают ли меня другие люди	-0.57	0.33
45	Лишение общения вынести не легче, чем лишение воды и пищи	0.46	0.21
F7	<i>Радость уединения</i>		
6*	Я люблю оставаться наедине с самим собой	0.75	0.57
48*	Мне хорошо дома, когда я один	0.67	0.44
50*	В одиночестве я чувствую себя самим собой	0.64	0.41
15	Я люблю помечтать в одиночестве	0.40	0.16
F8	<i>Ресурс уединения</i>		
34*	В одиночестве человек познает самого себя	0.68	0.47
18*	В одиночестве приходят интересные идеи	0.66	0.43
31*	В одиночестве голова работает лучше	0.62	0.39
28*	Чтобы понять какие-то важные вещи, человеку необходимо остаться одному	0.60	0.36
23*	Бывают чувства, ощутить которые можно лишь наедине с собой	0.47	0.22
55*	В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле	0.44	0.20

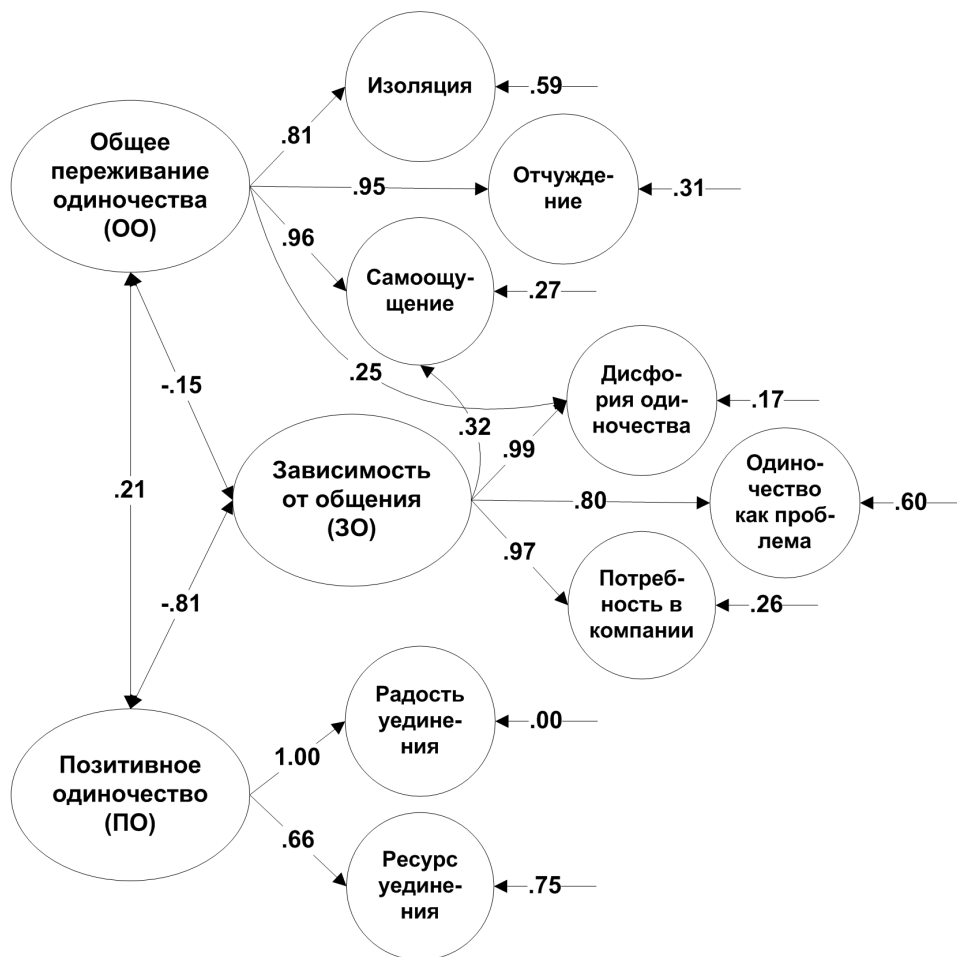
соответствие данным, существенно не отличающееся от показателей модели измерения ($\Delta CFI < 0.01$ — см.: там же). Параметры модели второго уровня представлены на рисунке 2. Двойные нагрузки оказались численно слабыми и содержательно объясняются тем, что зависимые от общения люди более склонны считать себя одиночками (фактор самоощущения), а люди, актуально переживающие одиночество, более склонны обращать внимание на нега-

тивные чувства, связанные с ситуациями одиночества (фактор дисфории одиночества).

В краткую версию опросника были отобраны 24 пункта с умеренно высокими нагрузками по основным шкалам. Структура краткой версии проверялась с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа с выделением трех факторов. В итоговой модели, хорошо соответствующей данным (Satorra-Bentler Chi-sq. = 1688.42; df = 241;

Рисунок 2

Стандартизированные параметры факторной модели второго уровня
(все параметры значимы $p < 0.05$)

$p < 0.001$; CFI = 0.925; NNFI = 0.914; RMSEA = 0.051), пункты 6 и 48 имели двойные нагрузки, кроме своих факторов, на фактор 2, соответствующий шкале «Зависимость от общения». Поскольку на данном наборе пунктов было невозможно полностью соблюсти требования структурной валидности модели и надежности шкал одновременно,

было принято решение сохранить эти пункты.

Полученная в итоге полная версия опросника (ДОПО-3) содержит 40 утверждений, сгруппированных в три шкалы или восемь субшкал; краткая версия (ДОПО-3к) содержит 24 утверждения, на основе которых рассчитываются баллы только по три общим шкалам, описание которых дано ниже.

Шкала «Общее переживание одиночества» (ОО, сумма субшкал 1, 2 и 3) отражает степень актуального ощущения одиночества, нехватки близкого общения с другими людьми. Высокие баллы по шкале ОО связаны с актуальной выраженностью переживания изоляции, нехватки эмоциональной близости или контактов с людьми и осознанием респондентом себя как одинокого, изолированного человека. Низкие баллы по шкале ОО свидетельствуют о том, что респондент не испытывает болезненного переживания одиночества, связанного с нехваткой близости или общения, и не считает себя одиноким человеком.

Шкала «Зависимость от общения» (ЗО, сумма субшкал 4, 5 и 6) отражает неприятие одиночества, неспособность оставаться одному. Высокие баллы по этой шкале свидетельствуют о негативном представлении респондента об одиночестве и его склонности искать общение любой ценой с целью избежать ситуаций уединения, которые связаны с неприятными или болезненными переживаниями. Низкие баллы по этой шкале, напротив, отражают спокойное, толерантное отношение к переживанию одиночества, ситуациям уединения и одиноким людям.

Шкала «Позитивное одиночество» (ПО, сумма субшкал 7 и 8) измеряет способность человека находить ресурс в уединении, творчески использовать его для самопознания и саморазвития. Высокие баллы по этой шкале свидетельствуют о том, что респондент испытывает положительные эмоции в ситуациях уединения, умеет ценить их и стремится осознанно уделять время наедине с

самим собой в собственной жизни. Низкие баллы по этой шкале отражают неспособность респондента находить ресурс в ситуациях уединения и отсутствие положительных эмоций в связи с уединением. По данным пилотажных исследований, показатель позитивного одиночества коррелирует с творческой активностью.

Надежность шкал

Показатели внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для шкал полной и краткой версии опросника представлены в таблице 3. Все шкалы как полной, так и краткой версии демонстрируют достаточно высокую надежность для применения опросника в индивидуальной психодиагностике ($\alpha > 0.8$), а надежность субшкал является достаточно высокой для исследовательских целей.

Распределения полученных показателей шкал опросников ДОПО-3 и ДОПО-3к на Интернет-выборке оказались близкими к нормальным. Показатели общего переживания одиночества и зависимости от общения (приведены данные для ДОПО-3, показатели краткой версии существенно не отличаются) обнаруживают слабую левостороннюю асимметрию и отрицательный эксцесс ($A_s = 0.12$, $E_x = -0.70$ для переживания одиночества; $A_s = 0.20$, $E_x = -0.61$ для зависимости от общения), а показатель позитивного одиночества, напротив, правостороннюю асимметрию ($A_s = -0.55$, $E_x = -0.07$). Эти показатели свидетельствуют о слабо выраженном отклонении распределений от нормального вида и могут

Таблица 3

**Показатели внутренней согласованности шкал полной (ДОПО-3)
и сокращенной (ДОПО-3к) версий опросника на Интернет-выборке (N = 2298)**

Название шкалы / субшкалы	Полная версия		Краткая версия	
	N пунктов	α -Кронбаха	N пунктов	α -Кронбаха
Общее переживание одиночества	15	0.90	8	0.87
Изоляция	5	0.82		
Самоощущение	5	0.81		
Отчуждение	5	0.78		
Зависимость от общения	15	0.88	7	0.86
Дисфория одиночества	5	0.80		
Одиночество как проблема	5	0.68		
Потребность в компании	5	0.77		
Позитивное одиночество	10	0.82	9	0.81
Радость уединения	4	0.71		
Ресурс уединения	6	0.76		

быть результатом умеренного влияния стандартов социальной желательности на баллы опросника (см.: Осин, 2011).

На выборке валидизации (N = 2298) были также получены слабые гендерные различия в показателях шкал и субшкал ДОПО. Согласно полученным данным, мужчины несколько более склонны к переживанию одиночества: они чаще сообщают об отсутствии близких людей, нехватке общения и переживании отчуждения от окружающих. У женщин, в свою очередь, более выражена потребность в компании, и они чаще говорят о неприятии одиночества как феномена. Однако эти различия крайне малы по магнитуде (согласно показателю d Коэна, они составляют 0.1–0.3 стандартных отклонения), и лишь наиболее сильное различие в переживании одиночества воспроиз-

водится по данным краткой версии методики.

Для оценки возрастных различий в показателях шкал ДОПО-3 использовался двухфакторный дисперсионный анализ (испытуемые делились на пять возрастных групп: 14–18 лет, 19–24 года, 25–29 лет, 30–39 лет и старше 40; вторым фактором выступал пол для его контроля). Результаты свидетельствуют о том, что показатели общего одиночества ($F_{4; 2287} = 3.81; p < 0.05$) и зависимости от общения ($F_{4; 2287} = 14.71; p < 0.001$) с возрастом несколько снижаются: вероятно, люди учатся устанавливать отношения и становятся более автономными. Показатели же позитивного одиночества ($F_{4; 2287} = 4.47; p < 0.01$) высоки в подростковом возрасте (14–18 лет), снижаются в следующей возрастной группе, но в дальнейшем обнаруживают тенденцию к

повышению. Эффектов взаимодействия с полом не обнаружено. Получены также весьма слабые обратные связи показателей одиночества с уровнем образования, которые, вероятно, объясняются скорее возрастными различиями. Эти данные о связях показателей одиночества с полом и возрастом являются предварительными и требуют исследований на репрезентативных выборках.

Валидность шкал ДОПО-3 и ДОПО-3к

Респондентам, входящим в Интернет-выборку валидизации, наряду с опросником ДОПО предлагались и другие опросники, в частности, краткие шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера и субъективного счастья С. Любомирски (см.: Осин, Леонтьев, 2008), а также опросник субъективного отчуждения ОСОТЧ-В (Осин, 2007). Корреляции между основными шкалами методик приведены в таблице 4. Выраженность одиночества связана с низкими баллами по шкалам субъективного благополучия (счастья и удовлетворенности жизнью) и высокими баллами

по общему показателю отчуждения, что позволяет связать переживание одиночества с переживанием утраты смысла. В свою очередь, показатели зависимости от общения и позитивного одиночества обнаруживают лишь слабые связи с показателями счастья, удовлетворенности жизнью и отчуждения.

Для дополнительной оценки конвергентной и дискриминантной валидности шкал ДОПО-3 был проведен онлайн-замер на выборке участников клуба знакомств ($N = 144$) в возрасте от 16 до 58 лет (медиана — 23 года), в том числе 47% мужчин (Осин, Перлова, 2012; Перлова, 2012). Наряду с полной версией ДОПО-3 из 40 пунктов в батарею были включены шкала экстраверсии из опросника ЕРІ Г. Айзенка (Русалов, 1992), опросник мотивации аффилиации А. Мехрабиана в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова (Практикум по психодиагностике, 1988), шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Осин, Леонтьев, 2008), а также тест смысловых жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1992).

Надежность шкал ДОПО-3 (альфа Кронбаха) составила 0.91 для

Таблица 4

**Корреляции шкал ДОПО-3 с показателями других опросников
(Интернет-выборка, $N = 570$; корреляции, значимые на уровне $p < 0.001$, выделены)**

	2	3	4	5	6
1. Общее переживание одиночества	0.16	0.09	-0.48	-0.55	0.52
2. Зависимость от общения		-0.51	-0.16	-0.15	0.04
3. Позитивное одиночество			0.03	0.02	0.17
4. Субъективное счастье				0.67	-0.39
5. Удовлетворенность жизнью					-0.46
6. Общий показатель отчуждения					

Таблица 5

Корреляции шкал ДОПО-3 с другими переменными (N = 144)

		2	3	4	5	6	7	8
1.	Экстраверсия	0.02	0.02	0.10	-0.31***	0.17*	-0.28**	0.32***
2.	Мехрабиан: Стремление к принятию		0.14	-0.10	0.21*	-0.11	0.29**	-0.08
3.	Мехрабиан: Страх отвержения			-0.06	0.19*	0.42***	-0.03	-0.19*
4.	Удовлетворенность жизнью				-0.50***	-0.14	0.08	0.52***
5.	Переживание одиночества					0.20*	0.24**	-0.49***
6.	Зависимость от общения						-0.42***	-0.12
7.	Позитивное одиночество							-0.04
8.	Общий показатель осмысл. жизни							

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

показателя общего переживания одиночества, 0.89 для показателя зависимости от общения и 0.76 для позитивного одиночества. Корреляции показателей различных методик друг с другом представлены в таблице 5. Показатели экстраверсии слабо отрицательно коррелируют с общим переживанием одиночества и позитивным одиночеством, а также слабо положительно — с зависимостью от общения. Отрицательная связь экстраверсии с социальным одиночеством соответствует данным многочисленных западных исследований (см., напр.: Рассел, 1989) и, вероятно, свидетельствует о том, что экстраверты более склонны к поиску компании и у них меньше шансов остаться в уединении и пережить одиночество. Переживание одиночества слабо положительно связано с

мотивацией аффилиации по Мехрабиану; при этом только страх отвержения обнаруживает выраженную положительную корреляцию с зависимостью от общения. Интересным фактом выглядит слабая положительная связь стремления к принятию по Мехрабиану с позитивным одиночеством: возможно, она является артефактом выборки или свидетельствует о том, что в уединении люди лучше осознают ценность отношений с другими. Только общее переживание одиночества связано с неудовлетворенностью жизнью и утратой смысла, что соответствует нашим теоретическим ожиданиям. По данным путевого анализа этой корреляционной матрицы (см.: Осин, Перлова, 2012), переживание одиночества является медиатором связи установок по отношению к

одинокости с субъективным благополучием, а одиночество и установки по отношению к нему представляют медиатор связи экстраверсии с субъективным благополучием.

Краткая версия опросника (ДОПО-3к) использовалась также в исследовании Р.Р. Измайлова (Измайлов, 2012) на выборке волонтеров ($N = 117$, 83% женщины, возраст от 14 до 58 лет, медиана – 21 год). Помимо ДОПО-3к, респондентам в этом исследовании предлагались краткие шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера и субъективного счастья С. Любомирски (см.: Осин, Леонтьев, 2008). Надежность шкал ДОПО-3к (альфа Кронбаха) в этом исследовании составила 0.81 для показателя общего переживания одиночества, 0.80 для показателя зависимости от общения и 0.88 для позитивного одиночества, что подтверждает данные о высокой надежности краткой версии методики на независимой выборке. Как и по данным предыдущих исследований, шкалы зависимости от общения и позитивного одиночества значимо обратно связаны друг с другом ($r = -0.61$;

$p < 0.001$), остальные корреляции шкал друг с другом не значимы. Лишь шкала общего переживания одиночества значимо обратно связана с показателями счастья ($r = -0.33$; $p < 0.001$) и удовлетворенности жизнью ($r = -0.30$; $p < 0.001$).

Для сравнения средних в трех упомянутых выборках рассчитывались описательные статистики по ключам для краткой версии (ДОПО-3к), представленные в таблице 6. Волонтеры демонстрируют значимо более низкие баллы по шкале переживания одиночества как по сравнению с посетителями клуба знакомств ($t = 2.70$; $p < 0.01$), так и по сравнению с выборкой стандартизации ($t = 9.43$; $p < 0.001$). По сравнению с выборкой стандартизации волонтеры демонстрируют более низкие баллы по шкале позитивного одиночества ($t = 7.41$; $p < 0.001$). Можно предположить, что волонтерская деятельность, направленная на помощь другим людям и связанная с осуществлением смысла и установлением отношений с людьми, помогает человеку преодолеть болезненное переживание одиночества.

Таблица 6

Описательные статистики показателей ДОПО-3к в трех исследованиях
(M – среднее, SD – стандартное отклонение)

Показатель ДОПО-3к	Валидизация (N = 2298) M (SD)	Клуб знакомств (N = 144) M (SD)	Волонтеры (N = 117) M (SD)	Значимость различий (ANOVA)
Переживание одиночества	17.69 (5.74)	14.17 (5.04)	12.63 (3.95)	$F(2; 2555) = 67.98$; $p < 0.001$
Зависимость от общения	14.57 (5.15)	15.78 (5.15)	15.39 (4.51)	$F(2; 2555) = 4.97$; $p < 0.01$
Позитивное одиночество	28.48 (4.93)	25.62 (4.54)	24.99 (5.69)	$F(2; 2555) = 47.81$; $p < 0.001$

Полученные данные свидетельствуют о конвергентной и дискриминантной валидности шкал опросника. Можно утверждать, что шкала переживания одиночества выступает содержательным эквивалентом популярной шкалы UCLA Д. Рассела, обладая сравнимой надежностью при существенно меньшей длине. Шкалы позитивного одиночества и зависимости от общения измеряют установки личности по отношению к одиночеству, которые не сводятся ни к экстраверсии, ни к мотивации аффилиации. Связь этих установок с субъективным благополучием опосредована самим переживанием одиночества.

Типология одиночества

На выборке валидизации в сети Интернет (N = 2298) была сделана попытка построения типологии людей по характеристикам переживания одиночества и отношения к

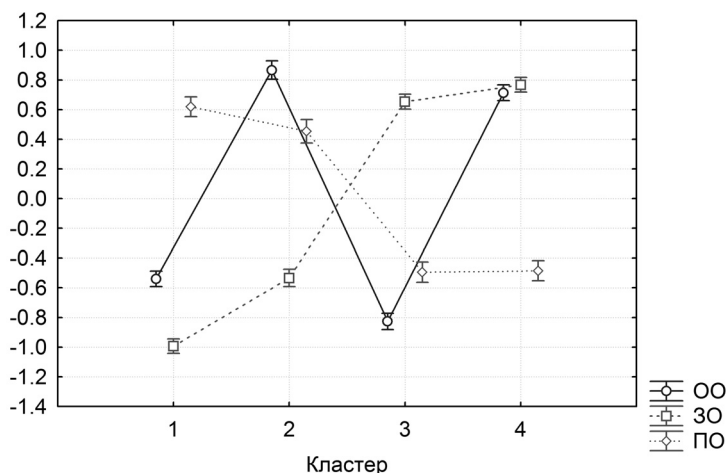
одиночеству. Для этого с помощью иерархического кластерного анализа (метод Уорда, квадратическая евклидова метрика) была получена классификация респондентов. В качестве основы для классификации выступали стандартизованные баллы по восьми субшкалам полной версии ДОПО-3. По итогам визуального анализа дерева классификации была выбрана наиболее простая модель из четырех кластеров, соответствующих четырем типологическим сочетаниям характеристик переживания и отношения к одиночеству (см. рисунок 3).

Как и ожидалось, в разрезе четырех типов показатели зависимости от общения (ЗО) и позитивного одиночества (ПО) оказались взаимно обратными, практически сводились к единому измерению, тогда как показатель общего переживания одиночества (ОО) — относительно независимым от них.

В качестве зависимых переменных использовались показатели по

Рисунок 3

Средние стандартизованные баллы 4 кластеров по шкалам опросника ДОПО-3

другим методикам: шкалы субъективного счастья и удовлетворенности жизнью (Осин, Леонтьев, 2008), опросник субъективного отчуждения ОСОТЧ-В (Осин, 2007), опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР; Леонтьев и др., 2009), а также шкала самодетерминации К. Шелдона (Bonniwell, Osin, 2010). Помимо общего показателя отчуждения опросник ОСОТЧ-В измеряет выраженность отчуждения (смыслоутраты) в различных сферах жизни: работа, общество, межличностные отношения, семья, собственная личность (внутренний мир). Показателями опросника ДТР является выраженность системной рефлексии (способность смотреть на себя со стороны, соотнося себя с субъективно значимой ситуацией) и двух относительно непродуктивных типов рефлексии: самокопание (погруженность в свои переживания по поводу ситуации) и фантазирование, или квазирефлексия (иллюзорный уход от ситуации). Показателями шкалы самодетерминации являются воспринимаемый выбор (ощущение наличия выбора в жизни), самовыражение (ощущение собственного вклада в деятельность, которой человек занимается в жизни) и аутентичность (переживание соответствия жизни идеалу или ощущению). Значимость различий между кластерами проверялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA): все представленные различия между четырьмя кластерами значимы ($p < 0.001$), для их сравнения стоит использовать показатель эта-квадрат (η^2), отражающий долю межгрупповой дисперсии каждой из зависимых переменных.

Первый тип ($N = 632$, 27.5% выборки) характеризуется высокими показателями позитивного одиночества при низких показателях зависимости от общения и переживания одиночества. Это картина принятия одиночества, обнаружения позитивного ресурса в уединении при отсутствии актуального болезненного переживания одиночества. Можно предположить, что в эту группу попали преимущественно люди, которые приняли одиночество как экзистенциальный факт и справились со своим уединением. Они счастливы и удовлетворены жизнью и демонстрируют средний уровень отчуждения; при этом относительно важным (по сравнению с представителями другими типами) источником смысла для них является собственный внутренний мир, умеренно важны семья, межличностные отношения и работа при относительном отчуждении от общественной жизни. Представители этого типа характеризуются наиболее высокими показателями системной рефлексии и наиболее низкими показателями по двум другим типам рефлексии. Также средний возраст респондентов, попавших в этот кластер, оказался более высоким по сравнению с тремя другими кластерами. Можно обозначить этот кластер как группу творчески адаптированных людей, идущих по пути развития личности.

Второй тип ($N = 448$, 19.5% выборки) демонстрирует высокие показатели переживания одиночества в сочетании с принятием собственного одиночества (высокие баллы ПО и низкие — ЗО). Можно предположить, что в эту группу попали люди,

Таблица 7

Средние стандартизованные баллы по зависимым переменным в каждом из 4 кластеров

Опросник	Показатель	Кластер				η^2
		1	2	3	4	
ДОПО-3	Общее одиночество	-0.54	0.87	-0.83	0.71	0.54
	Зависимость от общения	-0.99	-0.53	0.65	0.77	0.60
	Позитивное одиночество	0.62	0.45	-0.49	-0.48	0.27
ШУдЖ	Удовлетворенность жизнью	0.24	-0.56	0.33	-0.54	0.17
ШСС	Субъективное счастье	0.33	-0.64	0.36	-0.48	0.19
ДТР	Системная рефлексия	0.15	0.01	0.04	-0.12	0.02
	Самокопание	-0.30	0.41	-0.19	0.35	0.10
	Фантазирование	-0.02	-0.02	-0.02	-0.02	0.03
ОСОТЧ	Общее отчуждение	-0.14	0.59	-0.45	0.35	0.16
	Отчуждение от работы	-0.17	0.43	-0.25	0.16	0.07
	Отчуждение от общества	0.00	0.35	-0.25	0.26	0.05
	Отчуждение в отношениях	-0.07	0.55	-0.47	0.35	0.14
	Отчуждение от семьи	-0.03	0.55	-0.40	0.19	0.10
	Отчуждение от себя	-0.27	0.51	-0.44	0.43	0.17
ШСД	Аутентичность	0.27	-0.68	0.45	-0.60	0.24
	Самовыражение	0.30	-0.38	0.27	-0.50	0.13
	Воспринимаемый выбор	0.34	-0.30	0.26	-0.47	0.11

переживающие экзистенциальный кризис. Представители этого типа сообщают о низком субъективном благополучии (счастье и удовлетворенность жизнью); у них наиболее высокие показатели отчуждения, практически равномерно распределенные по всем пяти сферам, что свидетельствует об актуальном кризисе смыслоутраты. У представителей этого типа средние показатели системной рефлексии при высоких показателях самокопания и фантазирования, что свидетельствует о сосредоточенности на собственных переживаниях и склонности к иллю-

зорному или творческому разрешению проблем. Кроме того, в этой группе значимо выше, по сравнению с остальными, доля мужчин. Можно обозначить эту группу как группу людей, открыто и сознательно переживающих экзистенциальный кризис, или кризис смыслоутраты.

Третий тип (N = 595, 25.9% выборки) обнаруживает неприятие одиночества (высокие показатели зависимости от общения и низкие — позитивного одиночества) в сочетании с низкими показателями актуального переживания одиночества. Можно предположить, что в этой группе

речь идет или об успешном избегании, или о преодолении переживания одиночества путем погружения в социальные контакты или отношения с другими людьми. В этой группе наиболее высока доля женщин. У представителей этой группы высокие показатели счастья и удовлетворенности жизнью. По сравнению с представителями других типов общий показатель отчуждения здесь оказывается наиболее низким, при этом смыслоутрата более выражена по отношению к сферам работы и общественной жизни и менее выражена — по отношению к семье и межличностным отношениям, которые наряду с собственным внутренним миром выступают важными источниками смысла. У представителей этого типа средние показатели системной рефлексии и низкие — самокопания и фантазирования. Можно обозначить эту группу как группу хорошо адаптированных и предположить, что видимая картина благополучия у людей этого типа может быть как результатом наличия действительно значимых и глубоких связей с миром и другими людьми, так и результатом работы защитных механизмов.

Четвертый тип ($N = 622$, 27.1% выборки) демонстрирует высокий уровень переживания одиночества в сочетании с неприятием одиночества. Это наиболее психологически трудная ситуация, свидетельствующая об актуальном страдании личности. Неудивительно, что у представителей этого типа низкие показатели по шкалам счастья и удовлетворенности жизнью и при среднем общем уровне отчуждения наиболее высокий по сравнению с

другими типами показатель отчуждения от себя; более важными источниками смысла являются семья и работа. Представители этого типа демонстрируют наиболее низкий уровень системной рефлексии, что в сочетании с высоким уровнем самокопания и средним уровнем квазирефлексии позволяет предполагать неспособность отвлечься от собственных проблем и посмотреть на них со стороны. Можно обозначить эту группу как группу страдающих от одиночества.

Необходимы дополнительные исследования для получения свидетельств валидности представленной типологии, однако полученные данные говорят о потенциальной ценности изучения типов, задаваемых сочетаниями шкал ДОПО-3: отношение личности к одиночеству позволяет лучше понять субъективный смысл актуального переживания одиночества и оценить его возможные последствия для развития личности.

Заключение

В данной статье обобщена проводившаяся на протяжении ряда лет работа по разработке оригинального психодиагностического инструмента, направленного на изучение одиночества как многомерного феномена, включающего в себя как негативные стороны, лежащие на поверхности и давно служащие объектом научного изучения, так и позитивные стороны, менее очевидные и реже попадающие в фокус внимания, но играющие большую роль в развитии зрелой самодетерминируемой личности.

Эту работу можно считать успешно завершенной. Представленные в

статье данные свидетельствуют о высокой надежности и валидности шкал опросника ДОПО-3 в его полной и краткой версиях и позволяют рекомендовать его как для исследовательских целей, так и для целей индивидуальной психологической диагностики. Методика не имеет ана-

логов ни в русскоязычном варианте, ни, насколько нам известно, за рубежом. Она может найти применение в самых разных исследовательских и прикладных контекстах и дать новый толчок исследованию и пониманию одиночества как важного и неоднозначного человеческого феномена.

Литература

Виноградов А.Г. Рецензия на методику «Шкала субъективного переживания одиночества» (автор С.В. Духновский) // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 40. С. 88–92.

Духновский С.В. Шкала субъективного переживания одиночества. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2007.

Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. М.: Смысл, 2007.

Измайлов Р.Р. Связь содержания мотивации волонтерской деятельности с характеристиками субъективного благополучия волонтеров: Выпускная квалификационная работа на степень бакалавра психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Ишмухаметов И.Н. Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA (версия 3): Изучение студентов ВУЗа // Computer Modelling and New Technologies. 2006. 10. 3. 89–95.

Каган В.Е. Искусство жить. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2010.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл одиночества // Экзистенциальная традиция: Философия, психология, психотерапия. 2011. № 2 (19). С. 101–108.

Леонтьев Д.А., Латтева Е.М., Осин Е.Н., Салихова А.Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление: Сб. мат-лов VII Междунар.

симпозиума 15–16 октября 2009 г. / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 145–150.

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Салихова А.Ж. Переживание одиночества: негативные и позитивные аспекты // Психология общения: Тренинг человечности: Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А. Петровской / Под ред. О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 2007. С. 320–322.

Лэнгле А. Человек в поисках смысла (к 100-летию юбилею В. Франкла) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2. С. 22–44.

Мамардашвили М.К. Одиночество — моя профессия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/odinochestvo.htm>

Мацута В.В. Общение с самим собой // Коммуникативное измерение в психологической антропологии / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Иван Федоров, 2007. С. 109–123.

Мельник Л.В. Переживание чувства экзистенциального одиночества у юношей с высоким уровнем креативности // Известия ТулГУ. Серия. Психология. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. С. 330–335.

Неумоева Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития

личности в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2005.

Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: Структура и диагностика: Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2007.

Осин Е.Н. Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 454–468.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008.

Осин Е.Н., Перлова З.С. Переживание одиночества и отношение к одиночеству как предикторы субъективного благополучия // Личность как предмет классической и неклассической психологии: Материалы XIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 13–17 ноября 2012 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 т. Т. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 172–178.

Перлова З.С. Связь опыта общения с малознакомыми людьми и переживания одиночества у молодежи: Выпускная квалификационная работа на степень бакалавра психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008.

Практикум по психодиагностике. Психодиагностические мат-лы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Рассел Д. Измерение одиночества // Лабиринты одиночества / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 192–226.

Рубинстайн К., Шейвер Ф. Опыт одиночества // Лабиринты одиночества / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 275–300.

Русалов В.М. Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.: Смысл, 1992.

Салихова А.Ж., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Два аспекта одиночества: Эмпирический анализ // Общение-2006: На пути к энциклопедическому знанию: Материалы международной конференции 19–21 октября 2006, Психологический институт РАО. М.: Академия имиджологии, 2006. С. 550–555.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.

Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.: The Guilford Press, 2006.

Burger J.M. Individual differences in preference for solitude // Journal of Research in Personality. 1995. 29. 85–108.

Cacioppo J.T., Hawkley L.C. Loneliness // M.R. Leary, R.H. Hoyle (eds). Handbook of individual differences in social behavior. N.Y.: Guilford, 2009. P. 227–239.

Cramer K.R., Barry J.E. Conceptualizations and measures of loneliness: a comparison of subscales // Personality and Individual Differences. 1999. 27. 3. 491–502.

DiTommaso E., Spinner B. The development and initial validation of the Social and Emotional Loneliness Scale for Adults (SELSA) // Personality and Individual Differences. 1993. 14. 1. 127–134.

Hawkley L.C., Cacioppo J.T. Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms // Annals of Behavioral Medicine. 2010. 40. 218–227.

de Jong Gierveld J., van Tilburg T.G. Manual of the loneliness scale. VU University Amsterdam, Department of Social Research Methodology, 1999.

- Leary M.R., Herbst K.C., McCrary F.* Finding pleasure in solitary activities: desire for aloneness or disinterest in social contact? // *Personality and Individual Differences*. 2003. 35. 59–68.
- Long C.R., Averill J.R.* Solitude: An exploration of benefits of being alone // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2003. 33. 1. 21–44.
- Long C.R., Seburn M., Averill J.R., More T.A.* Solitude experiences: Varieties, settings, and individual differences // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. 29. 5. 578–583.
- Middleton W.C.* The propensity of genius to solitude // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1935. 30. 3. 325–332.
- Moustakas C.E.* Loneliness. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1961.
- Moustakas C.E.* Loneliness and love. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972.
- Peplau L.A., Perlman D.* Loneliness: A sourcebook of current theory, research, and therapy. N.Y.: John Wiley & Sons, 1982.
- Perlman D., Joshi P.* The revelation of loneliness // M. Hojat, R. Crandall (eds). *Loneliness: Theory, research, and applications*. London: Sage, 1987. P. 63–76.
- Rokach A.* Loneliness then and now: Reflections on social and emotional alienation in everyday life // *Current Psychology: Developmental, Learning, Personality, Social*. 2004. 23. 1. 23–40.
- Russell D.W.* The UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure // *Journal of Personality Assessment*. 1996. 66. 20–40.
- Russell D., Cutrona C.E., Rose J., Yurko K.* Social and emotional loneliness: An examination of Weiss' typology of loneliness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. 46. 1313–1321.
- Russell D.W., Peplau L.A., Cutrona C.E.* The revised UCLA Loneliness Scale: Concurrent and discriminant validity evidence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. 39. 472–480.
- Russell D., Peplau L.A., Ferguson M.* Developing a measure of loneliness // *Journal of Personality Assessment*. 1978. 42. 290–294.
- Scalise J.J., Ginter E.J., Gerstein L.H.* A multidimensional loneliness measure: The Loneliness Rating Scale (LRS) // *Journal of Personality Assessment*. 1984. 48. 5. 525–530.
- Schmidt N., Sermat V.* Measuring loneliness in different relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. 44. 1038–1047.
- Storr A.* Solitude: A return to the self. N.Y.: Free Press, 2005.
- Tillich P.* The Eternal Now. N.Y.: Paul Scribner's Sons, 1963.
- Vincenzi H., Grabosky F.* Measuring the emotional/social aspects of loneliness and isolation // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1987. 2. 2. 257–270.
- Weiss R.S.* Loneliness: The experience of emotional and social isolation. Cambridge, MA: MIT Press, 1973.
- Wittenberg M.T.* Emotional and social loneliness: An examination of social skills, attributions, sex role, and object relations perspectives: Unpublished doctoral dissertation. University of Rochester, 1986.

Краткая версия ДОПО

Опросник ДОПО-3к

Инструкция: Вам предлагается ряд утверждений. Пожалуйста, рассмотрите последовательно каждое и оцените, насколько Вы согласны с ним, выбрав один из четырех вариантов ответа: «Не согласен», «Скорее не согласен», «Скорее согласен», «Согласен». Цифру, соответствующую выбранному варианту, подчеркните или обведите кружком.

№	Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен
1	Я чувствую себя одиноким	1	2	3	4
2	Когда рядом со мной никого нет, я испытываю скуку	1	2	3	4
3	Я люблю оставаться наедине с самим собой	1	2	3	4
4	Есть люди, с которыми я могу поговорить	1	2	3	4
5	Нет никого, к кому бы я мог обратиться	1	2	3	4
6	Мне трудно найти людей, с которыми можно было бы поделиться моими мыслями	1	2	3	4
7	В одиночестве приходят интересные идеи	1	2	3	4
8	Мне трудно быть вдали от людей	1	2	3	4
9	Бывают чувства, ощутить которые можно лишь наедине с собой	1	2	3	4
10	Есть люди, которые по-настоящему понимают меня	1	2	3	4
11	Я не люблю оставаться один	1	2	3	4
12	Чтобы понять какие-то важные вещи, человеку необходимо остаться одному	1	2	3	4
13	Когда я остаюсь один, я не испытываю неприятных чувств	1	2	3	4
14	Я чувствую себя покинутым	1	2	3	4
15	В одиночестве голова работает лучше	1	2	3	4
16	Люди вокруг меня, но не со мной	1	2	3	4

№	Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен
17	В одиночестве человек познает самого себя	1	2	3	4
18	Я плохо выношу отсутствие компании	1	2	3	4
19	В одиночестве я чувствую себя самым собой	1	2	3	4
20	Худшее, что можно сделать с человеком, – это оставить его одного	1	2	3	4
21	Мне кажется, что меня никто не понимает	1	2	3	4
22	Мне хорошо дома, когда я один	1	2	3	4
23	Когда я остаюсь один, я испытываю дискомфорт	1	2	3	4
24	В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле	1	2	3	4

Ключ к опроснику:

ОО Общее переживание одиночества: 1, 4*, 5, 6, 10*, 14, 16, 21

ЗО Зависимость от общения: 2, 8, 11, 13*, 18, 20, 23

ПО Позитивное одиночество: 3, 7, 9, 12, 15, 17, 19, 22, 24

Обратные пункты (помечены звездочкой) необходимо предварительно инвертировать (перевести из восходящей шкалы 1 2 3 4 в нисходящую 4 3 2 1; можно использовать формулу $O_{инв} = 5 - O$, где O – выбранный респондентом ответ). Затем для расчета общих показателей по каждой шкале необходимо сложить обведенные респондентом ответы по пунктам, входящим в каждую шкалу.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ СОРЕ

Е.И. РАССКАЗОВА, Т.О. ГОРДЕЕВА, Е.Н. ОСИН

Рассказова Елена Игоревна — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории позитивной психологии и качества жизни Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук.
Контакты: l_rasskazova@yahoo.com

Гордеева Тамара Олеговна — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Контакты: tamgordeeva@gmail.com

Осин Евгений Николаевич — доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник лаборатории позитивной психологии и качества жизни Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук.
Контакты: keep-psy@mail.ru

Резюме

В статье охарактеризованы основные направления и результаты исследований копинг-стратегий, а также представлены результаты трех серий исследования, проведенного на выборке из 590 испытуемых и посвященного русскоязычной адаптации методики COPE (Carver et al., 1989). Результаты свидетельствуют о надежности, а также структурной, конвергентной и дискриминантной валидности методики: структура опросника подтверждается с помощью конфирматорного факторного анализа, а копинг-стратегии показывают предсказуемые связи с показателями субъективного благополучия, саморегуляции и личностных ресурсов. Выявлены гендерные и возрастные различия в использовании копинг-стратегий, показаны связи копинг-стратегий с успешностью учебной деятельности, эффективностью саморегуляции и психологическим благополучием в ситуации ограниченных возможностей здоровья.

Ключевые слова: *копинг-стратегии, субъективное благополучие, личностные ресурсы, целеполагание, целедостижение.*

В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с разного рода трудностями и предпринимаем различные действия для их преодоления. Трудности могут превышать ресурсы индивида и приводить к стрессу, сопровождающемуся уменьшением психологического и физического благополучия и ухудшениями в успешности выполнения деятельности; по данным ряда авторов, несмотря на значительное улучшение качества и продолжительности жизни, распространенность стресса в

современных обществах продолжает возрастать (Брайт, Джонс, 2003). С практической точки зрения, исследование проблемы совладания с трудностями (копинга) напрямую связано с важностью поддержания психологического благополучия у людей, переживающих тяжелые жизненные события, и поддержанием успешности продуктивных видов деятельности (учебной, профессиональной, спортивной), невзирая на неудачи. Исследования копинг-стратегий в России имеют особую актуальность в

связи с высокой выраженностью психологического неблагополучия населения при большом количестве переживаемых стрессовых событий, включая текущий экономический кризис.

С понятием «копинг» связывают разного рода процессы, направленные на возможно лучшее решение личностных, межличностных или профессиональных проблем, адаптацию человека к требованиям ситуации, вызывающей стресс, позволяющую овладение ею, ослабление или смягчение этих требований и восстановление психологического благополучия. Обычно термин «копинг» относят к стратегиям реагирования на стресс, но можно говорить и о проактивном копинге, направленном на предотвращение действия будущего стрессора и подготовку к возможной стрессовой ситуации.

Исследования копинг-стратегий имеют большую и сложную историю. Можно выделить три главных источника, стимулировавших развитие проблематики копинг-стратегий: 1) исследования психологических защит, начатые в рамках психодинамического подхода и продолженные современными исследователями (см.: Никольская, Грановская, 2001); 2) исследования в области психологии стресса, включающие изучение реакций человека на ситуацию болезни и других стрессовых ситуаций, угрожающих здоровью (Lazarus, Folkman, 1984); 3) исследования мотивации деятельности, развернувшиеся в рамках изучения мотивации достижения, саморегуляции, целеполагания, реагирования субъекта на трудности и неудачи в выполнении учебной, профессиональной и другой

продуктивной деятельности (Леонова, 2011; Brown et al., 2005; Carver, Scheier, 2000). Первое направление исследований способствовало выяснению роли разных типов защитных механизмов в психологическом благополучии, второе — исследованиям самих событий, вызывающих стресс, а также типов реакций на них, и третье, самое молодое, — роли копингов в процессах саморегуляции и их вкладе в успешность выполнения продуктивной деятельности. В последние годы копинг-стратегии рассматриваются как компонент личностного потенциала (Леонтьев, 2011; Личностный потенциал, 2011), понимаемого авторами как система личностных факторов, определяющих успешность саморегуляции в различных ситуациях деятельности.

Классификации копинг-стратегий

Копинг-стратегии крайне многообразны. На сегодняшний день различными исследователями выделено более 400 стратегий преодоления жизненных трудностей (Skinner et al., 2003) и предпринято множество попыток их классификации, однако общепринятая классификация пока отсутствует. Изначально Р. Лазарус предложил выделять среди копинг-стратегий фокусированные на решении проблемы и фокусированные на эмоциях (цель последних — минимизировать дистресс, вызванный стрессором). Другие деления включают копинг-стратегии, направленные на проблему или уход от нее (мониторинговый или блантерный стиль совладания). А.Н. Поддьяков предлагает различать трудности по их источнику (объективного характера

или преднамеренно создаваемые другими людьми) и соответственно различать способы и ресурсы, необходимые для их преодоления (Поддьяков, 2008). Одна из последних, и, на наш взгляд, наиболее удачных, классификаций выделяет три широких типа копинг-стратегий: 1) стратегии когнитивной адаптации, 2) стратегии поведенческой адаптации и 3) эмоционально-ориентированные стратегии (Weiten, Lloyd, 2008). Стратегии когнитивной адаптации связаны с использованием мышления и направлены на изменение отношения к ситуации, например, ее отрицание, ментальное дистанцирование, изменение целей и ценностей, обращение к юмору. Проблемно-фокусированные стратегии направлены на работу с причиной проблемы, имея целью устранение или изменение ее источника, например, обращение к поиску информации, обучение новым умениям, способствующим решению проблемы, планирование ее решения. Эмоционально-ориентированные стратегии направлены на работу с эмоциями, которые сопровождают восприятие стресса и включают активное их выражение, управление враждебными чувствами, медитации, процедуры систематической релаксации. Обычно люди используют все три типа копинг-стратегий.

Эффективность копинг-стратегий

Поскольку смысл совладания состоит в обеспечении психологической адаптации к ситуации, решении проблемы или восстановлении психологического благополучия, важно понять, насколько отдельные ко-

пинг-стратегии этим процессам способствуют. Сам термин «копинг» означает «преодоление», и, соответственно, конструкт «копинг-стратегии» относится к адаптивным или конструктивным стратегиям, способствующим снижению переживания стресса и разрешению ситуации. Тем не менее некоторые копинг-стратегии являются по сути дезадаптивными проявлениями, приводящими в долговременной перспективе к снижению психологического и физического благополучия индивида. Например, обращение к таким стратегиям, как прием алкоголя, наркотиков, самоповреждающие реакции (например, выдергивание волос, кусание ногтей), может давать временное облегчение состояния стресса, но в долговременной перспективе ведет к повышению уровня депрессии, тревоги, ухудшению здоровья.

Решение проблемы эффективно-сти копинг-стратегий требует учета следующих факторов: 1) цель копинга (психологическое и физическое благополучие субъекта, решение проблемы и/или изменение отношения к проблеме), 2) тип и контекст деятельности, проблемной ситуации (например, контролируема ли она субъектом), 3) интенсивность испытываемых негативных эмоций или стресса, 4) культурные факторы (так, копинг-стратегия обращения к религии может быть связана с различными внутренними процессами в разных культурах и религиях и, соответственно, быть в разной мере эффективной). Кроме того, эффективность копинга может зависеть от актуального этапа совладания со стрессом (применяется ли стратегия до, во время или после действия

стрессора), а также от места конкретной копинг-стратегии среди других копингов (проблема последовательности реализации разных копинг-стратегий).

В целом, как изначально предполагал Р. Лазарус, предложивший ситуационный подход к преодолению стресса, проблемно-ориентированные копинги более эффективны в контролируемых ситуациях, а эмоционально-ориентированные — в неконтролируемых. Ряд исследований подтвердили эту гипотезу (Bowman, Stern, 1995). Однако наиболее подтвержденный результат состоит в том, что в неконтролируемых ситуациях важно использование такой эмоционально-ориентированной стратегии, как принятие. По сути, в зависимости от меры контролируемости ситуации, вызвавшей стресс, меняется и цель копинга: в случае ее контролируемости возможно активное изменение ситуации и внешнее решение проблемы (например, передача экзамена), а в случае неконтролируемости важна адаптация к ситуации и ее принятие (например, в ситуации развода или тяжелой болезни). Контролируемость ситуации зависит от многих факторов и может меняться со временем, при этом следует учитывать объективную и субъективную (с точки зрения субъекта) контролируемость. Эффективность копинг-стратегий может зависеть от последовательности их применения, частоты и разнообразия. Вопрос влияния последовательности применения копингов на их эффективность пока еще мало изучен, однако исследования показывают, что частота применения копинг-стратегий и разнообразие их

репертуара позитивно связаны с решением проблем и успешностью совладания со стрессом (Hardie et al., 2006; MacCrae, Costa, 1985).

Наконец, выбор копинг-стратегий и мера их эффективности могут быть связаны с полом и возрастом (см.: Нартова-Бочавер, 1997; Рассказова, Гордеева, 2011). В целом, как показывают результаты последних исследований, гендерные различия в преодолении психологического стресса невелики и связаны главным образом с различиями в характере стрессовых ситуаций, с которыми сталкиваются мужчины и женщины. Так, первые склонны в большей мере испытывать стресс по причине карьерных неудач, а вторые — по причине неудач в межличностных отношениях. В области межличностных взаимоотношений (социальные стрессоры) мужчины чаще обращаются к избеганию и вентилированию эмоций, а женщины — к активным, сфокусированным на решении проблем стратегиям (Tamres et al., 2002). В целом, женщины чаще обращаются к таким стратегиям, как поиск эмоциональной поддержки, руминация (мыслительная жвачка) по поводу проблемы и вовлеченность в позитивный разговор с самой собой; кроме того, их репертуар стратегий совладания в среднем шире, чем у мужчин (там же). Другие авторы также показывают, что гендерные различия в копинг-стратегиях минимальны в контексте продуктивной деятельности (например, учебной), но имеют место в контексте преодоления трудностей в ситуациях межличностного общения (Eschenbeck et al., 2007).

Наконец, последний, крайне важный вопрос, с которым сталкиваются

исследователи копинг-стратегий, касается их ситуативной специфичности: насколько специфичны копинг-стратегии в отношении разных ситуаций и эффективно ли изучение усредненных стратегий совладания (используемых «обычно»)? Как показала С. Фолкман с соавторами, исследуя стратегии совладания в пяти различных стрессовых ситуациях, эти процессы являются «скорее изменчивыми, нежели стабильными» (Folkman et al., 1986, p. 578; по Брайт, Джонс, 2003). Также было обнаружено, что степень устойчивости различных копинг-стратегий различается. Например, стратегия позитивной переоценки тесно связана с личностными диспозиционными факторами, в то время как обращение к стратегиям, сфокусированным на решении проблемы, поиску социальной поддержки и планированию, зависит в большей мере от ситуации.

В целом, к наиболее продуктивным стратегиям преодоления трудностей относят проактивный копинг, стратегии активного преодоления проблем, планирования деятельности, обращения к другим людям за социальной поддержкой, копинг, сфокусированный на поиске смысла и стратегии юмора. Исследования в рамках атрибутивного подхода к мотивации и в области когнитивно-бихевиоральной терапии показывают, что с точки зрения поддержания психологического благополучия продуктивно обращение к стратегиям оптимистического мышления, включающим конструктивные мысли о причинах неудач, акцентирование контролируемых аспектов ситуации, направленность на конструктивные будущие действия, а не поиск

виновных или глобальное обвинение себя в произошедшем.

Кроме того, продуктивны стратегии, направленные на свое физическое благополучие, такие как обращение к восстановлению полноценного режима питания, сна, отдыха, физической активности, релаксации, поскольку, будучи здоровым, организму легче справиться со стрессом.

Лонгитюдное исследование, проведенное Дж. Вэйлантом, показало, что адаптивность психологических защит и копинг-стратегий связана с целым рядом позитивных результатов — радостью от жизни, супружеской удовлетворенностью, субъективной оценкой своего здоровья (но не объективным уровнем здоровья), социальной поддержкой, психосоциальной адаптированностью в пожилом возрасте и уровнем заработка в среднем возрасте (Vaillant, 2000).

Трудности выявления продуктивных копинг-стратегий связаны также с тем, что за одним и тем же поведением может скрываться разный смысл. Хорошим примером является обращение к религии, которое может иметь как позитивные, так и негативные последствия для психологического благополучия в зависимости от смысла и содержания этого поведения (Aho, Vasconcelles, 2005).

Менее эффективные стратегии совладания просто уменьшают на некоторое время симптомы, в долгосрочной перспективе поддерживая или даже укрепляя психологическое неблагополучие. В целом, наименее эффективными считаются стратегии избегания и самообвинения (Нартова-Бочавер, 1997). Механизм, объясняющий связи данных копинг-стратегий с последующим

благополучием, состоит в том, что избегание (очевидным образом) не облегчает решение проблемы, а при частом применении может способствовать лишь накоплению новых проблем. Самообвинение же, в свою очередь, может быть источником депрессии, мешая поиску более конструктивных объяснений и тем самым еще больше снижая психологическое благополучие. Однако даже в отношении этих стратегий нельзя говорить об их однозначной непродуктивности. Как показал метаанализ Дж. Сульса и Б. Флетчера (Suls, Fletcher, 1985), избегание может быть более продуктивной стратегией, чем фокусировка на проблеме в кратковременной перспективе, однако в долговременной перспективе очевидна его низкая эффективность. Фокусировка же внимания на проблеме может быть менее эффективной, чем ее избегание в случае, если первая сопровождается эмоциональной интерпретацией случившегося.

Связь выбора копинг-стратегий с личностными и интеллектуальными переменными

Выбор копинг-стратегий определяется не только внешними факторами (типом ситуации), но и внутренними (личностными чертами и диспозициями). Изучение связей личностных черт с копинг-стратегиями может способствовать как использованию определенных личностных черт в качестве предикторов копингов, так и лучшему пониманию механизмов целостного функционирования личности как субъекта деятельности. Весьма информативны ре-

зультаты метаанализа связи копинг-стратегий и факторов «Большой пятерки», осуществленного Дж. Коннор-Смит и С. Флэсбарт (Connor-Smith, Flachsbart, 2007), в котором были обобщены данные, полученные на 165 выборках взрослых, подростков и детей ($N = 33\ 094$, сравнивались 2653 размеров эффектов). По результатам анализа, личностные черты довольно слабо, но значимо связаны с отдельными копинг-стратегиями. Наиболее осмысленные и консистентные связи с копинг-стратегиями обнаружили такие черты, как нейротизм, добросовестность и экстраверсия, наименее выраженные и стабильные — доброжелательность и открытость опыту. Нейротизм связан с более низкой вероятностью обращения к когнитивному переструктурированию проблемы, и более высокой — к стратегиям выражения негативных эмоций, а также ухода от решения проблем, таким как употребление «успокоительных» (алкоголь, лекарства), фантазирование в форме «вот если бы» (принятие желаемого за действительное), отрицание. Добросовестность связана с высокой вероятностью обращением к стратегиям активного решения проблемы, вовлеченностью в деятельность и ощущением контроля, использованием стратегий когнитивного переформулирования и, напротив, с низкой вероятностью обращения к отрицанию и «успокоительным» средствам. Экстраверсия связана с поиском социальной поддержки, активным решением проблемы и когнитивным переформулированием.

На разных выборках взрослых была показана роль оптимизма в выборе копинг-стратегий, включая

как диспозиционный оптимизм (К. Карвер, М. Шейер), так и оптимистический атрибутивный стиль (М. Селигман, К. Петерсон). В частности, показано, что диспозиционный оптимизм демонстрирует надежные позитивные связи со стратегиями активного решения проблем и эмоционального принятия и негативные — со стратегиями ухода от решения проблем и эмоционально-избегающими типами копингов. При этом определенное значение имеет тип стрессовой ситуации: оптимисты в меньшей степени склонны уходить от проблемы и отрицать ее в случае проблем со здоровьем, чем в случае проблем в учебе (Nes, Segestroom, 2006).

Проблема связи копинг-стратегий с интеллектом продолжает изучаться; на сегодняшний день результаты неоднозначны. Так, по данным исследований, проведенных под руководством Т.В. Корниловой (Корнилова и др., 2010; Малахова, 2011) на студенческих выборках, академический (вербальный) интеллект проявляется не в предпочтении продуктивных стратегий, а в отказе от непродуктивных, таких как избегающий копинг и эмоционально-ориентированный копинг. С другой стороны, практический интеллект связан с меньшим предпочтением проблемно-ориентированных копинг-стратегий. Следует отметить, что обнаруженные связи были слабыми, но значимыми. По данным И.М. Никольской и Р.М. Грановской (Никольская, Грановская, 2001), полученным на выборке детей, интеллектуально одаренные дети склонны чаще обращаться к стратегиям когнитивного отвлечения, очевидно

отражающим их способность к саморегуляции. Наконец, Дж. Вэйлант обнаружил, что интеллект (а также уровень образования) никак не связан с использованием более зрелых защит и копинг-стратегий (Vaillant, 2000), более того, последние способны компенсировать недостаток первого (Vaillant, Davis, 2000).

Обобщая сказанное, особую актуальность приобретают теоретические модели и эмпирические исследования, учитывающие зависимость функций копинг-стратегий, с одной стороны, от содержания и этапа осуществления деятельности, а с другой — от личностных факторов. Наряду с этим, не теряет своей важности задача разработки и апробации надежных и валидных русскоязычных диагностических инструментов — и следует отметить, что такая работа активно ведется специалистами в этой области (например: Вассерман и др., 2009; Водопьянова, 2009; Крюкова, 2010).

Методика СОРЕ: структура и психометрические характеристики

Наиболее распространены в мировой практике две методики диагностики копинг-стратегий. Во-первых, это опросник способов совладания (также переводится как методика стратегий совладающего поведения), разработанный Р. Лазарусом и С. Фолкман (Ways of Coping Questionnaire; Lazarus, Folkman, 1984) и имеющий несколько русскоязычных версий (Вассерман и др., 2009; Крюкова, 2010 и т.д.). Во-вторых, это опросник совладания со стрессом СОРЕ, авторами которого являются

К. Карвер, М. Шейер и Дж. Вейнтрауб (Carver et al., 1989), созданные в русле описанной концепции.

Опросник COPE предназначен для измерения как ситуационных копинг-стратегий, так и лежащих в их основе диспозиционных стилей. Изначально опросник состоял из тринадцати шкал, в дальнейшем к ним были добавлены еще две, измеряющие использование алкоголя и наркотиков и юмора как средства совладания. В отличие от многих других методик диагностики стратегий совладания, основывающихся на данных факторного анализа (на статистическом подходе), авторы методики COPE К. Карвер, М. Шейер и Дж. Вейнтрауб при его разработке основывались на двух теоретических подходах — подходе Р. Лазаруса и на их собственной модели саморегуляции поведения (Scheier, Carver, 1988). Однако в отличие от Р. Лазаруса авторы методики полагают, что проводимое им разграничение между сфокусированными на проблеме и сфокусированными на эмоциях способами совладания является слишком упрощенным. В связи с этим К. Карвер призывает не предлагать универсальных групп копинг-стратегий «второго уровня», а при необходимости выявлять вторичную факторную структуру, соответствующую полученным данным. В зависимости от особенностей выборки, ситуации диагностики и многих других факторов эта структура будет различаться.

Опросник COPE состоит из 60 пунктов, объединенных в 15 шкал, в настоящее время имеется также и его сокращенная версия (Carver, 1997). Измеряются следующие стратегии совладания.

1. Активное совладание (активные шаги или прямые действия, направленные на преодоление стрессовой ситуации).

2. Планирование (обдумывание того, как действовать в отношении трудной жизненной ситуации, разработка стратегий поведения).

3. Подавление конкурирующей деятельности (избегание отвлечения другими видами активности и, возможно, игнорирование других вещей, с тем чтобы активнее справиться со стрессовой ситуацией).

4. Сдерживание совладания (ожидание подходящего для действий момента и воздержание от слишком поспешных, импульсивных действий).

5. Поиск социальной поддержки инструментального характера (стремление получить совет, помощь или информацию).

6. Поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам (стремление найти эмоциональную, моральную поддержку, сочувствие и понимание).

7. Концентрация на эмоциях и их активное выражение (фокусировка на неприятных эмоциях, неприятностях и выражении чувств).

8. Позитивное переформулирование и личностный рост (попытки переосмыслить стрессовую ситуацию в позитивном ключе).

9. Отрицание (отказ верить в случившееся или попытки отрицать его реальность).

10. Принятие (принятие реальности произошедшего, стрессовой ситуации).

11. Обращение к религии (обращение к помощи Бога, вере, религии).

12. Использование «успокоительных» (использование алкоголя, лекарственных средств или наркотиков как способ избегания проблемы и улучшения самочувствия).

13. Юмор (шутки и смех по поводу ситуации).

14. Поведенческий уход от проблемы (отказ от достижения цели, регулирование усилий, направленных на взаимодействие со стрессором).

15. Мысленный уход от проблемы (использование различных видов активности для отвлечения от неприятных мыслей, связанных с проблемой, например, фантазирование, сон).

В ряде работ, начиная с ранней работы по апробации (Carver et al., 1989), были продемонстрированы надежность и валидность методики, а также ее факторная структура. В обобщающей работе К. Кларка с коллегами (Clark et al., 1995), посвященной проверке валидности трех опросников совладающего поведения, в число которых входили Опросник способов совладания (WOC) и Опросник совладания со стрессом (COPE), было показано, что надежность-согласованность (альфа Кронбаха) различных субшкал опросников варьирует в пределах 0.36–0.83 (WOC) и 0.49–0.91 (COPE). При этом наибольшая часть шкал в обоих опросниках показывает достаточно высокий уровень внутренней согласованности (0.75–0.80). Конфирматорный факторный анализ подтверждает факторные структуры обоих опросников. Были выявлены взаимные корреляции некоторых субшкал методик (избегание, поиск помощи, активное совладание

и планирование), что подтверждает конвергентную валидность методик. Способы совладания, измеренные при помощи обеих методик, позволяют предсказать ($p < 0.01$) уровень стресса, наличие соматических симптомов, удовлетворенность жизнью, выраженность позитивного и негативного аффектов. В наибольшей степени копинги связаны с выраженностью аффекта, соматической симптоматикой и удовлетворенностью жизнью. В среднем, COPE по сравнению с WOC позволяет более эффективно предсказать все переменные (процент дисперсии данных, объясняемой COPE, варьирует от 0.19 для уровня стресса до 0.40–0.41 для выраженности аффекта, тогда как процент дисперсии данных, объясняемой WOC, составляет от 0.18 для стресса до 0.28–0.33 для аффективности).

Существуют две независимо разработанные русскоязычные версии методики: данная статья посвящена одной из версий (Гордеева и др., 2010б), тогда как результаты масштабной апробации другой версии были недавно опубликованы (Иванов, Гараян, 2010). Признавая высокое качество проделанной авторами работы, нужно отметить несколько существенных ограничений, мотивировавших нас на продолжение работы с нашей версией. Во-первых, в версии П.А. Иванова и Н.Г. Гараян (там же) 7 шкал из 15 обладают низкой надежностью (альфа Кронбаха менее 0.70). Ниже будет показано, что мы столкнулись с близкими трудностями, однако большинство из них было преодолено при разработке второй версии методики. Во-вторых, по результатам факторного анализа

была изменена факторная структура методики: вместо шкал позитивного переформулирования и активного совладания были созданы шкалы позитивного переопределения и активных усилий и личностного роста. Иными словами, речь идет о модификации методики, что затрудняет сопоставление полученных результатов с существующими исследованиями.

Целью данной работы являлись разработка и апробация русскоязычной версии одной из наиболее известных в мире методик диагностики копинг-стратегий — методики COPE (Carver et al., 1989), а также исследование связи копинг-стратегий с особенностями личностных ресурсов, саморегуляции и продуктивности деятельности в различных условиях. В частности, ключевым для нас было предположение о том, что структура, функции и эффективность различных копинг-стратегий могут меняться в зависимости от личностных и ситуативных факторов.

Исследование психометрических характеристик и возможностей применения методики COPE

Процедура исследования: этапы разработки и апробации методики COPE

Исследование психометрических характеристик и возможностей применения методики COPE состояло из следующих этапов.

1. На первом этапе был осуществлен перевод пунктов методики и проведена пилотажная проверка надежности-согласованности и структуры шкал ($N = 152$).

2. В соответствии с результатами первого этапа ряд пунктов был переформулирован и была разработана вторая версия методики. На следующем этапе проводилось исследование надежности-согласованности, структуры шкал методики, а также конвергентной и дискриминантной валидности методики ($N = 138$). В частности, исследовались связи копинг-стратегий с субъективным благополучием и компонентами личностного потенциала (оптимизмом, осмысленностью жизни, жизнестойкостью). Дополнительными задачами данного этапа было выявление связи копинг-стратегий с продуктивностью учебной деятельности, гендерных особенностей копинг-стратегий.

3. Следующий этап был посвящен исследованию экологической валидности методики COPE в отношении саморегуляции деятельности ($N = 149$). Исследование проводилось на модели постановки и реализации планов на выходные дни у студентов и оценивало связь копинг-стратегий и различных аспектов целеполагания, целедостижения и удовлетворенности результатами. Дополнительными задачами на данном этапе были выявление возрастных особенностей копинг-стратегий, а также дальнейшее исследование конвергентной и дискриминантной валидности копинг-стратегий. Так, оценивалась связь копинг-стратегий с особенностями саморегуляции, а также депрессивностью и тревожностью.

4. На следующем этапе проводилась проверка критериальной валидности методики: предполагалось, что частота использования копинг-стратегий и их связь с субъективным

благополучием у испытуемых в ситуации наличия жизненных затруднений будут отличаться от испытуемых без таких затруднений. В исследовании сравнивались студенты с ограниченными особенностями здоровья и студенты без ограничений ($N = 151$). Дополнительной задачей на данном этапе было выявление связи копинг-стратегий с выраженностью посттравматического роста как реакции на психотравматические переживания.

5. Наконец, соответствие факторной структуры методики COPE теоретической модели оценивалось при помощи конфирматорного факторного анализа. Учитывая большое количество связей в модели, на этом этапе была использована расширенная выборка всех испытуемых, отвечавших на вопросы второй версии методики ($N = 448$).

Таким образом, ниже изложены результаты трех взаимосвязанных исследований. *Исследование 1* включает описание этапов 1, 2 и 5 и посвящено результатам разработки и апробации методики COPE. *Исследование 2* посвящено выявлению роли копинг-стратегий в структуре саморегуляции (этап 3), тогда как в *исследовании 3* основной акцент делался на критериальной валидности методики и сравнении студентов с ограниченными возможностями здоровья с условно здоровыми студентами. В целом, в трех сериях исследований участвовали 590 человек.

Исследование 1. Разработка и апробация методики COPE

В задачи исследования 1 входила проверка надежности-согласованно-

сти, факторной структуры, а также конвергентной и дискриминантной валидности методики COPE. Помимо этого, мы ставили перед собой задачу выявления гендерных особенностей использования копинг-стратегий и связи копинг-стратегий с продуктивностью учебной деятельности.

Материал и методы

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе испытуемые (студенты психологических специальностей) отвечали на вопросы первой версии методики. После анализа надежности-согласованности шкал и изменения пунктов была разработана вторая версия методики. На втором этапе студенты химического факультета заполняли вторую версию методики, а также ряд методик для проверки конвергентной и дискриминантной валидности COPE.

Использовалась версия COPE из 60 пунктов. Инструкция звучала следующим образом: «Эта анкета направлена на изучение того, как люди реагируют на трудности в повседневных жизненных ситуациях. Существует много способов справиться с жизненными трудностями, и на разные ситуации можно реагировать по-разному. Пожалуйста, отметьте в этом опроснике, что Вы обычно делаете и как обычно чувствуете себя, когда попадаете в трудную ситуацию. Для каждого утверждения обведите цифру, соответствующую Вашему ответу. Пожалуйста, внимательно отвечайте на каждый вопрос. Здесь нет хороших или плохих ответов, поскольку каждый человек

по-разному реагирует на разные ситуации. Нам очень важно, как поступаете именно Вы, когда Вы сталкиваетесь с трудной ситуацией. Сталкиваясь с трудной ситуацией, обычно...». Каждый вариант продолжения фразы испытуемым предлагалось оценить по шкале «Нет — Изредка — Иногда — Часто» (значения от 1 до 4 соответственно).

Первую версию методики заполняли 152 студента психологических специальностей (58 мужчин, 94 женщины, средний возраст 17.63 ± 1.33 года).

В апробации второй версии методики приняли участие 138 студентов (75 мужчин и 63 женщины, средний возраст 17.69 ± 0.95 года) химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С целью проверки конвергентной и дискриминантной валидности СОРЕ испытуемые этой группы также заполняли следующие методики.

1. *Шкала удовлетворенности жизнью* (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2008) — скрининговая методика оценки общей удовлетворенности жизнью.

2. *Шкала диспозиционной витальности* (Ryan, Frederick, 1997; Александрова, 2011) — методика, оценивающая активность и уровень энергии человека.

3. *Тест диспозиционного оптимизма* (Scheier, Carver, 1985, адаптация: Гордеева и др., 2010а) оценивает оптимизм как обобщенные ожидания того, что в будущем будут скорее происходить хорошие события, а не плохие; пессимизм же предполагает выраженность более негативных ожиданий относительно будущего.

4. *Тест смысложизненных ориентаций* (Леонтьев, 1992) измеряет представление об осмысленности жизни, своем месте в ней, целях в жизни.

5. *Тест жизнестойкости* (Леонтьев, Рассказова, 2006) измеряет жизнестойкость — систему убеждений о себе, мире, отношениях с ним, препятствующую возникновению внутреннего напряжения за счет совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. Включает три субшкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска.

Предполагалось, что удовлетворенность жизнью и витальность будут выше у испытуемых, часто использующих позитивное переформулирование, активное совладание, и ниже у испытуемых, использующих стратегии отрицания и избегания. Кроме того, ожидалось, что различные компоненты личностного потенциала (смысложизненные ориентации, жизнестойкость, оптимизм) будут способствовать использованию активных поведенческих и когнитивных стратегий совладания и препятствовать использованию стратегий избегания.

Помимо этого, для оценки связи копинг-стратегий и продуктивности учебной деятельности оценивалась средняя успеваемость испытуемых в первом — четвертом семестрах (в течение двух лет после проведения исследования).

Выявление факторной структуры методики проводилось на расширенной выборке, включающей вторую группу испытуемых исследования 1 (заполнявших вторую версию методики), а также испытуемых исследований 2 и 3 (N = 448 человек).

Результаты

Надежность-согласованность

В первой версии опросника надежность-согласованность ряда шкал была низка (менее 0.70: активное совладание, принятие, подавление конкурирующей деятельности) или неприемлема (менее 0.65: мысленный и поведенческий уход от проблемы, отрицание, сдерживание). Здесь важно отметить два момента. Во-первых, практически идентичные результаты были получены в независимо проведенном исследовании (Иванов, Гаранян, 2010). Во-вторых, полученные значения альфа Кронбаха соответствуют показателям англоязычной версии (Carver et al., 1989), кроме шкал сдерживания и отрицания, надежность которых в обеих русскоязычных версиях ниже, чем в оригинале. Иными словами, низкая надежность шкал активного совладания, принятия, подавления конкурирующей деятельности, мысленного и поведенческого ухода от проблемы отражает неоднородность самих оригинальных шкал, тогда как низкая надежность шкал отрицания и сдерживания обусловлена, по-видимому, культуральными особенностями (неоднородностью пунктов с точки зрения представителей российской выборки). С целью преодоления этих трудностей формулировки пунктов были повторно оценены экспертами и переформулированы. По результатам была создана вторая версия методики. Как показано в таблице 1, изменения пунктов во второй версии привели к значительному улучшению надежности-согласованности. Так, лишь два показателя (шкалы мысленного ухода от про-

блемы и сдерживания) остались низкими. Еще один показатель — по шкале отрицания — остался невысоким, но достаточным. По всем остальным шкалам альфа Кронбаха превысила 0.70. Таким образом, можно говорить о надежности-согласованности шкал второй версии COPE, с оговоркой о необходимости осторожной интерпретации результатов по шкалам мысленного ухода от проблемы и сдерживания.

Факторная структура методики

Соответствие эмпирической структуры методики теоретической модели проверялось при помощи конфирматорного факторного анализа. В отличие от эксплораторного, конфирматорный факторный анализ позволяет проверить применимость конкретной модели к полученным данным, что в большей степени соответствует проверке так называемой факторной валидности готового опросника (Brown, 2006). При этом влияния побочных переменных на факторную структуру учитываются в модели как «ошибки». Учитывая многошкальную структуру методики и данные о неоднозначности ее структуры, для большей четкости факторного решения мы использовали расширенную выборку, в состав которой вошли испытуемые исследования 1, заполнявшие вторую версию методики (N = 148), испытуемые исследования 2 (N = 149) и испытуемые исследования 3 (N = 151). Всего выборка составила 448 человек.

При создании модели конфирматорного факторного анализа каждый пункт опросника был отнесен к соответствующему фактору, факторы свободно коррелировали. Затем

Таблица 1

Надежность-согласованность COPE: сравнение трех русскоязычных версий и оригинальной англоязычной версии. Выделены шкалы, в которые во второй версии вносились изменения

Шкала	Версия 1 (N = 152)	Carver et al., 1989 (N = 978)	Иванов, Гараян, 2010 (N = 523)	Версия 2 (N = 138)
1. Позитивное переформулирование и личностный рост	0.72	0.68	Шкала изменена	0.77
2. Мысленный уход от проблемы	0.47	0.45	0.44	0.40
3. Концентрация на эмоциях и их активное выражение	0.77	0.77	0.75	0.88
4. Использование инструментальной социальной поддержки	0.76	0.75	0.80	0.82
5. Активное совладание	0.69	0.62	Шкала изменена	0.77
6. Отрицание	0.56	0.71	0.62	0.68
7. Обращение к религии	0.84	0.92	0.90	0.92
8. Юмор	0.89	Не применялась	0.83	0.89
9. Поведенческий уход от проблемы	0.59	0.63	0.69	0.73
10. Сдерживание	0.39	0.72	0.47	0.58
11. Использование эмоциональной социальной поддержки	0.85	0.85	0.83	0.89
12. Использование «успокоительных»	0.89	Не указано	0.93	0.90
13. Принятие	0.68	0.65	0.64	0.74
14. Подавление конкурирующей деятельности	0.66	0.68	0.60	0.79
15. Планирование	0.73	0.80	0.78	0.76

рассчитывались основные показатели применимости такой модели к данным. Модель считается соответствующей полученным данным (там же) при следующих показателях: критерий относительного согласия модели (Comparative Fit Index, CFI) превышает 0.90, квадратичная усредненная ошибка аппроксимации (Root Mean-Square Error of Approximation, RMSEA) не превышает 0.05 (допустимыми считаются значения 0.06–0.08), частное χ^2 и числа степеней свободы менее 2. Использовались программа Mplus, алгоритм оценки WLSMV, пункты опросника были введены как порядковые переменные, корреляции ошибок пунктов опросника, обусловленные сходством формулировок, в модель не вносились. Мы получили следующие показатели: критерий относительного согласия модели CFI составил 0.923, квадратичная усредненная ошибка аппроксимации RMSEA составила 0.043 (90%-ный доверительный интервал: 0.041–0.046), взвешенный среднеквадратичный остаток WRMR составил 1.392, критерий χ^2 составил 2865 при числе степеней свободы 1605, а их частное составило 1.79. Полученные показатели свидетельствуют об удовлетворительном соответствии модели исходным данным. Однако с учетом количества оцениваемых параметров ($N = 349$) требуется проверка модели на больших выборках; по этой же причине в модель не вводились корреляции ошибок переменных.

Единственным фактором, структурная валидность которого осталась под вопросом, оказался фактор сдерживания, по которому пункт 22 давал негативную нагрузку. При

исключении этого пункта из модели нагрузки остальных пунктов 10, 41 и 49 составляют 0.61, 0.74 и 0.36 соответственно. Вероятно, окончание утверждения 22 («пока ситуация не улучшится») несет оптимистический смысл, который доминирует над смыслом этого утверждения, относящимся к фактору (см. Приложение). Однако в данной версии опросника до валидации на больших выборках, а также с учетом аналогичных проблем в англоязычной версии шкалы было принято решение пока сохранить это утверждение.

Иными словами, концептуальная модель довольно хорошо согласуется с полученными нами данными, а англоязычные факторы могут быть использованы как шкалы русскоязычной версии опросника. Надежность шкал является достаточно высокой, чтобы в перспективе, после получения дополнительных данных, составить из данного набора утверждений сокращенную версию опросника для исследовательских целей.

Структура шкал методики COPE: корреляционный анализ

Как указывает К. Карвер, структура шкал методики COPE и их взаимосвязи зависят от конкретной выборки, в которой применяется методика. Поэтому он не рекомендует выделять и использовать универсальную вторичную структуру факторов. В нашей выборке корреляционный анализ структуры шкал методики COPE (см. таблицу 2) позволяет выделить следующие особенности.

1. Большинство шкал методики либо не связаны друг с другом, либо коррелируют на слабом уровне, что соответствует теоретической модели.

Таблица 2

Корреляции шкал методики СОРЕ

Копинг-стратегии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	1														
2	0.04	1													
3	-0.21**	0.37**	1												
4	0.14	0.27**	0.44**	1											
5	0.28**	-0.12	-0.11	0.17*	1										
6	-0.06	0.20*	0.04	-0.03	-0.36**	1									
7	0.08	0.23**	0.16	0.26**	0.08	0.09	1								
8	0.58**	-0.04	-0.26**	-0.04	0.08	0.16	-0.11	1							
9	-0.16*	0.26**	0.25**	0.09	-0.58**	0.54**	0	-0.03	1						
10	0.21*	0.11	-0.17*	-0.01	0	0.19*	0.04	0.05	0.21*	1					
11	0	0.45**	0.63**	0.77**	0.08	0.03	0.32**	-0.20*	0.13	0.02	1				
12	-0.15	0.31**	0.37**	0.16	-0.12	0.20*	-0.02	0.06	0.23**	-0.12	0.26**	1			
13	0.12	0.29**	0.11	0.11	0.14	0.11	0.08	0.12	0.09	0.18*	0.1	0.06	1		
14	0.18*	-0.1	-0.11	0.17*	0.47**	-0.09	0.1	0.03	-0.22**	0.13	0.03	-0.09	0.07	1	
15	0.22**	-0.04	-0.01	0.18*	0.53**	-0.20*	0.09	0.06	-0.32**	0.15	0.12	-0.26**	0.13	0.45**	1

Примечание. * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

1 — Позитивное переформулирование и личностный рост, 2 — Мысленный уход от проблемы, 3 — Концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4 — Использование инструментальной социальной поддержки, 5 — Активное совладание, 6 — Отрицание, 7 — Обращение к религии, 8 — Юмор, 9 — Поведенческий уход от проблемы, 10 — Сдерживание, 11 — Использование эмоциональной социальной поддержки, 12 — Использование «успокоительных», 13 — Принятие, 14 — Подавление конкурирующей деятельности, 15 — Планирование.

2. Шкалы социальной поддержки (инструментальной и эмоциональной) практически повторяют друг друга (корреляция 0.77). Близки к ним шкала концентрации на эмоциях и шкала мысленного ухода от проблемы. Примыкают к этимшкалам, хотя и слабее связаны с ними, шкалы обращения к религии и использования «успокоительных».

3. Высокие корреляции отмечаются между шкалами активного совладания, планирования и с обратным знаком — поведенческого ухода от проблемы. Концептуально близкой к этой группе шкал оказывается шкала подавления конкурирующей деятельности.

4. Отдельную группу, близкую к предыдущей, формируют шкалы позитивного переформулирования и личностного роста и юмора, тесно связанные между собой.

5. Слабо связаны или не связаны с другими шкалами шкалы сдерживания и принятия. На наш взгляд, важной задачей дальнейших исследований являются анализ содержания этих шкал и выявление функций этих копинг-стратегий в разных ситуациях.

Гендерные различия

Женщины чаще, чем мужчины, прибегают к использованию мысленного ухода от проблемы, концентрации на эмоциях и их активному выражению, а также использованию инструментальной и эмоциональной социальной поддержки. В целом, эти особенности полностью соответствуют существующим данным о склонности женщин к эмоциональному реагированию и большей готовности использовать социаль-

ную поддержку в трудных ситуациях (см. таблицу 3).

Конвергентная и дискриминантная валидность методики

В полном соответствии с нашими гипотезами, удовлетворенность жизнью и витальность связаны с частым использованием позитивного переформулирования, активного совладания, юмора и редким использованием поведенческого ухода от проблем и трудностей. Оптимизм, жизнестойкость и переживание осмысленности жизни также тесно связаны с этими показателями (кроме юмора). Помимо этого, смысложизненные ориентации и жизнестойкость связаны с использованием когнитивных стратегий планирования и подавления конкурирующей деятельности и препятствуют использованию отрицания, концентрации на эмоциях, мысленного ухода от проблемы. Использование «успокоительных» отрицательно коррелирует с диспозиционным оптимизмом и осмысленностью жизни (таблица 4).

В целом, полученные данные подтверждают конвергентную валидность ряда шкал методики. Однако требуются дальнейшие исследования валидности шкал использования социальной поддержки, принятия и сдерживания.

Копинг-стратегии и продуктивность учебной деятельности

Корреляционный анализ копинг-стратегий и продуктивности учебной деятельности (среднего балла за первую–четвертую сессию) не выявил практически никаких закономерностей. Использование стратегии мысленного ухода от проблемы слабо

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения по шкалам методики COPE у мужчин и женщин.
Значения t-критерия указаны только в случае значимых различий.

Копинг-стратегии	Мужчины (N = 197)		Женщины (N = 241)		t-критерий Стьюдента
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	
1. Позитивное переформулирование и личностный рост	12.25	2.62	12.52	2.24	Н.з.
2. Мысленный уход от проблемы	8.65	2.29	9.62	2.05	-2.60*
3. Концентрация на эмоциях и их активное выражение	8.43	3.01	11.40	2.44	-6.29***
4. Использование инструментальной социальной поддержки	9.88	3.05	11.21	2.90	-2.60*
5. Активное совладание	11.99	2.09	12.21	2.07	Н.з.
6. Отрицание	8.46	2.87	8.20	2.25	Н.з.
7. Обращение к религии	7.75	3.89	8.08	3.66	Н.з.
8. Юмор	10.95	2.94	10.21	2.95	Н.з.
9. Поведенческий уход от проблемы	7.76	2.26	7.63	2.01	Н.з.
10. Сдерживание	10.17	2.11	10.13	1.86	Н.з.
11. Использование эмоциональной социальной поддержки	9.04	3.20	11.70	2.96	-5.04***
12. Использование «успокоительных»	5.23	2.26	6.04	2.92	Н.з.
13. Принятие	10.41	2.37	10.84	2.02	Н.з.
14. Подавление конкурирующей деятельности	10.39	2.65	10.06	1.97	Н.з.
15. Планирование	12.64	2.14	12.72	1.96	Н.з.

Н.з. — различия не значимы, * — $p < 0.05$, *** — $p < 0.001$.

положительно коррелировало с успеваемостью в третьем и четвертом семестрах ($r = 0.19-0.21$, $p < 0.05$), тогда как использование юмора отрицательно коррелировало с успе-

ваемостью во втором и третьем семестрах ($r = 0.20-0.21$, $p < 0.05$). На наш взгляд, отсутствие линейных связей объясняется разной эффективностью копинг-стратегий в разных

Таблица 4

Корреляции копинг-стратегий с методиками оценки удовлетворенности жизнью и компонентами личностного потенциала

Копинг-стратегии	Удовлетворенность жизнью	Витальность	Диспозиционный оптимизм	Смысложизненные ориентации	Жизнестойкость
1	0.31***	0.30***	0.57***	0.24*	0.33***
2	-0.07	-0.13	0.02	-0.10	-0.24*
3	-0.18*	-0.12	-0.11	-0.25*	-0.32***
4	0.04	0.03	0.07	-0.09	-0.10
5	0.33***	0.31***	0.22**	0.43***	0.44***
6	-0.03	-0.04	-0.04	-0.27**	-0.31***
7	-0.04	-0.03	0.09	-0.03	0.03
8	0.19*	0.18*	0.26**	0.08	0.18
9	-0.34***	-0.39***	-0.32***	-0.54***	-0.51***
10	-0.04	-0.06	0.11	0.08	0.07
11	0.04	0.00	0.09	-0.10	-0.15
12	-0.19*	-0.11	-0.23**	-0.20*	-0.16
13	0.10	-0.15	-0.02	0.06	-0.12
14	0.06	0.16	0.06	0.30**	0.30**
15	0.13	0.18*	0.15	0.25*	0.33***

Примечание. * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

1 – Позитивное переформулирование и личностный рост, 2 – Мысленный уход от проблемы, 3 – Концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4 – Использование инструментальной социальной поддержки, 5 – Активное совладание, 6 – Отрицание, 7 – Обращение к религии, 8 – Юмор, 9 – Поведенческий уход от проблемы, 10 – Сдерживание, 11 – Использование эмоциональной социальной поддержки, 12 – Использование «успокоительных», 13 – Принятие, 14 – Подавление конкурирующей деятельности, 15 – Планирование.

условиях: в отличие от «двоечника», «отличнику» может не быть необходимости применять копинг-стратегии для совладания с учебной ситуацией.

Для проверки этой гипотезы испытуемые были разделены по успеваемости в первом семестре на три группы (по процентилям, делящим выборку на три равные груп-

пы): «троечники» (средний балл ниже 3.5, $N = 36$), «хорошисты» (средний балл от 3.5 до 4.5, $N = 58$), «отличники» (средний балл выше 4.5, $N = 42$). Мы предположили, что к актуализации копинг-стратегий приводила ситуация низкой успеваемости в первом семестре – что могло приводить к улучшению или ухудшению успеваемости. Улучшение

Таблица 5

**Корреляции копинг-стратегий и улучшения успеваемости у «троечников»
по результатам первой сессии**

Копинг-стратегии	Улучшение успеваемости ко второй сессии	Улучшение успеваемости к третьей сессии	Улучшение успеваемости к четвертой сессии
1	-0.39*	-0.18	-0.25
2	0.00	0.14	0.00
3	0.15	0.33*	-0.07
4	-0.02	0.30	-0.06
5	0.22	0.41*	0.39*
6	0.15	-0.05	-0.06
7	-0.07	0.05	-0.31
8	-0.33*	-0.21	-0.08
9	-0.24	-0.15	-0.31
10	-0.21	-0.05	-0.04
11	0.14	0.36*	0.02
12	-0.04	0.10	-0.06
13	0.26	0.29	0.13
14	0.15	0.27	0.34*
15	0.30	0.45**	0.44**

Примечание. * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

1 – Позитивное переформулирование и личностный рост, 2 – Мысленный уход от проблемы, 3 – Концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4 – Использование инструментальной социальной поддержки, 5 – Активное совладание, 6 – Отрицание, 7 – Обращение к религии, 8 – Юмор, 9 – Поведенческий уход от проблемы, 10 – Сдерживание, 11 – Использование эмоциональной социальной поддержки, 12 – Использование «успокоительных», 13 – Принятие, 14 – Подавление конкурирующей деятельности, 15 – Планирование.

успеваемости рассчитывалось как разность между средним баллом по итогам второй–четвертой сессии и первой сессией: таким образом, получалось три показателя, соответствующие улучшению в каждой сессии.

Использование активного совладания, планирования и подавления конкурирующей деятельности было связано с отсроченным улучшением

успеваемости у «троечников» к третьей–четвертой сессии (см. таблицу 5). Принятие было связано с непосредственным улучшением успеваемости ко второму–третьему семестру, однако связь была слабее и не достигала уровня значимости при небольшом объеме выборки. Несколько неожиданным для нас оказалось то, что использование позитивного

переформулирования и личностного роста и юмора связаны у «троечников» с ухудшением успеваемости ко второй сессии — хотя и не играют большой роли в дальнейшем. Можно предположить, что неудачи в учебной деятельности относятся к стрессовой, но решаемой ситуации, требующей активности и планирования. Очевидно, склонность прибегать к позитивной переоценке и юмору дает человеку возможность «извинить» себя за неудачу и не действовать — в результате успеваемость страдает далее. Наоборот, принятие как копинг-стратегия приводит не к изменению когнитивной оценки, а к эмоциональному принятию и может не приводить к пассивности. Наконец, концентрация на эмоциях, а также использование инструментальной и эмоциональной социальной поддержки были связаны только с улучшением успеваемости к третьей сессии. На наш взгляд, эффективность социальной поддержки зависит от ситуативных факторов (сложности предметов, того, насколько остальные студенты разбираются в предмете и готовы помочь) — поэтому полученные корреляции могут отражать, во-первых, сложность сессии и, во-вторых, особенности динамики отношений в учебных группах (к третьей сессии отношения в учебных группах достаточно стабильны и при этом не сформировано устойчивое мнение друг о друге, которое может препятствовать оказанию помощи).

Таким образом, активные и когнитивные копинг-стратегии способствуют улучшению успеваемости у «троечников», тогда как стратегии, связанные с изменением оценки происходящего (позитивное переформу-

лирование, юмор), в учебной деятельности связаны с непосредственным ухудшением успеваемости, которое, впрочем, не сохраняется в дальнейшем. Немаловажно, что этих закономерностей не отмечается у «хорошистов» и «отличников».

Исследование 2. Копинг-стратегии и особенности целеполагания и целедостижения

Задачами данного исследования являлись:

1. Выявление экологической валидности методики СОРЕ в отношении саморегуляции. Для решения данной задачи было проведено исследование связи копинг-стратегий и особенностей целеполагания и целедостижения у студентов (на примере планов на выходные дни).

2. Дальнейшее исследование конвергентной и дискриминантной валидности методики: выявление связи копинг-стратегий и особенностей саморегуляции.

3. Выявление возрастных особенностей копинг-стратегий.

Материал и методы

В исследовании принимали участие 149 студентов (109 женщин и 40 мужчин, средний возраст 23.2 ± 7.1 года от 17 до 50 лет) медицинских ($N = 94$) и психологических ($N = 55$) специальностей московских вузов. Высокий средний возраст связан с тем, что среди испытуемых обеих специальностей были студенты вечернего, заочного отделений или магистерской программы, что позволило нам сравнить выраженность копинг-стратегий у испытуемых разного возраста.

В рамках первой задачи (выявление экологической валидности) испытуемым предлагалось сформулировать от 5 до 15 планов на ближайшие выходные и оценить каждый из планов от 0 до 10 по трем шкалам: Интерес (0 — не интересно делать, 10 — максимально интересно), Нужность (насколько в целом необходимо сделать данное дело: 0 — не нужно, 10 — очень нужно), Важность (насколько осмысленным, важным для себя испытуемый считает дело: 0 — не важно, 10 — очень важно). На следующей неделе испытуемые по той же шкале от 0 до 10 оценивали реализованность каждого дела (степень выполнения) и свою удовлетворенность результатом. Планы, реализованные менее чем наполовину (5 и менее баллов), считались нереализованными. Рассчитывались доля таких дел среди всех указанных планов и средний уровень удовлетворенности этими делами. Предполагалось, что стратегии позитивной переоценки, планирования и активного совладания будут связаны с положительным отношением к планам и более эффективным их выполнением. Стратегии избегания и ухода должны быть связаны с худшим выполнением планов и меньшей удовлетворенностью. Помимо этого, мы ожидали, что принятие будет коррелировать с удовлетворенностью нереализованными планами, играя ключевую роль при оценке неудачи, но не при успешном выполнении.

В рамках второй задачи (исследование конвергентной и дискриминантной валидности COPE) испытуемые заполняли следующие методики.

1. *Стиль саморегуляции поведения* (Моросанова, 2004) — методика направлена на выявление особенностей индивидуального стиля саморегуляции. Включает субшкалы, соответствующие разным этапам саморегуляции деятельности — планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, и общие субшкалы гибкости и самостоятельности.

2. *Тест жизнестойкости* (Леонтьев, Рассказова, 2006).

3. *Шкала общей самооффективности* (Шварцер и др., 1996) оценивает общую уверенность испытуемых в своих силах выполнить ту или иную деятельность.

4. *Госпитальная шкала тревоги и депрессии* (Сыропятов и др., 2003). Методика состоит из 14 пунктов и включает две шкалы по 7 пунктов, оценивающие выраженность депрессивной и тревожной симптоматики.

Предполагалось, что активные стратегии, а также стратегии планирования и позитивной переоценки будут положительно, тогда как стратегии избегания и ухода отрицательно связаны с жизнестойкостью и самооффективностью. При этом планирование, позитивная переоценка и активное совладание будут связаны с саморегуляцией на этапах планирования и моделирования, тогда как стратегии избегания и ухода будут более тесно связаны с оценкой результата. Использование инструментальной социальной поддержки будет отрицательно коррелировать с самостоятельностью саморегуляции. Наконец, стратегии ухода, избегания и концентрации на эмоциях будут связаны с повышенной тревожностью, а стратегии активного совладания,

переоценки и юмора – отрицательно связаны с депрессивностью. Во всех случаях ожидалось, что коэффициенты корреляции не превысят 0.60, т.е. копинг-стратегии коррелируют, но не идентичны другим оцениваемым конструктам.

Наконец, поскольку испытуемые разных возрастов в выборке были представлены неравномерно, помимо корреляционного анализа возраста и копинг-стратегий были выделены и сравнивались три возрастные группы: «студенческого» возраста (младше 21 года), молодые люди (21–30 лет), средний возраст (старше 30 лет). Результаты обоих способов анализа данных были полностью согласованы, ниже описаны результаты сравнения трех возрастных групп.

Результаты

В целом, получены ожидаемые паттерны корреляций между копинг-стратегиями и показателями целеполагания и целедостижения у студентов. Во всех случаях сила связи невысока (абсолютное значение менее 0.30, см. таблицу 6), что объясняется сопоставлением общих показателей (копинг-стратегий) и деятельности в конкретной ситуации. Выбор планов, их оценка и достижение обусловлены множеством различных факторов, в том числе ситуативных, которые не могли быть учтены в данном исследовании.

Склонность к активному совладанию, позитивному переформулированию и личностному росту связаны с оценками своих планов как более важных и необходимых. Можно

предположить два объяснения этим результатам. Во-первых, использование такого рода активных стратегий может приводить к позитивной переоценке планов, во-вторых, активные и переформулирующие испытуемые выбирают более важные дела и готовы к их выполнению. Обращение к религии связано со всеми параметрами оценки планов: по всей видимости, такие испытуемые склонны более позитивно относиться к выбранным делам. При частом использовании эмоциональной поддержки испытуемые называют больше планов и считают их более интересными, тогда как частое использование «успокоительных» связано с оценкой планов как более важных (хотя, как показано ниже, эти дела реже выполняются).

То, насколько планы на выходные реализованы через неделю, положительно коррелирует с использованием стратегий активного совладания и планирования, тогда как мысленный и поведенческий уход от проблемы и использование «успокоительных» связаны с отказом от дел. Испытуемые более довольны своими результатами за неделю при высоком уровне позитивного переформулирования и личностного роста, активного совладания, планирования и низком уровне мысленного и поведенческого ухода от проблемы и использовании «успокоительных». Если отдельно рассматривать невыполненные дела, удовлетворенность невыполненными делами связана с низким уровнем отрицания, использования «успокоительных», высоким уровнем принятия и планирования.

На наш взгляд, интерпретация этих данных вполне очевидна. Во-первых,

Таблица 6

Копинг-стратегии и особенности целеполагания и целедостижения (на примере планов на выходные дни)

КС	Корреляции с показателями целеполагания			Корреляции с показателями целедостижения			
	Интерес	Нужность	Важность	Реализованность	Удовлетворенность выполненными делами	Доля невыполненных дел	Удовлетворенность невыполненными делами
1	0.03	0.09	0.15*	0.09	0.23**	-0.01	0.14
2	0.1	0.04	0.13	-0.14	-0.17*	0.16*	-0.15
3	0.11	-0.01	0.12	-0.08	-0.08	-0.02	-0.07
4	0.05	-0.06	-0.01	-0.08	-0.09	-0.06	0.03
5	0.1	0.15*	0.20**	0.22**	0.25**	-0.21**	0.08
6	0.14	0.06	0.08	-0.06	-0.14	0.01	-0.18*
7	0.25**	0.25**	0.21**	0.02	-0.02	-0.01	-0.05
8	-0.03	0.08	0.1	0.01	0.12	0.08	0.12
9	-0.07	-0.02	-0.08	-0.18*	-0.17*	0.20*	-0.05
10	0	0.03	0	-0.08	0.03	0.1	0.05
11	0.16*	0.07	0.14	-0.09	-0.08	0	-0.06
12	0.01	0.08	0.16*	-0.18*	-0.20**	0.19*	-0.22**
13	0.01	-0.08	0.01	-0.05	0.07	-0.01	0.19*
14	0.04	-0.01	0.03	0.05	0.06	-0.06	0.11
15	0.07	0.02	0.13	0.18*	0.25**	-0.18*	0.16*

Примечание. * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

КС — копинг-стратегии, 1 — Позитивное переформулирование и личностный рост, 2 — Мысленный уход от проблемы, 3 — Концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4 — Использование инструментальной социальной поддержки, 5 — Активное совладание, 6 — Отрицание, 7 — Обращение к религии, 8 — Юмор, 9 — Поведенческий уход от проблемы, 10 — Сдерживание, 11 — Использование эмоциональной социальной поддержки, 12 — Использование «успокоительных», 13 — Принятие, 14 — Подавление конкурирующей деятельности, 15 — Планирование.

активные стратегии совладания и обращение к религии способствуют активному выбору более важных дел и положительному отношению к этим делам. Во-вторых, склонность к уходу от проблем связана с отказом от планов, тогда как склонность к активному совладанию и планированию – с успешной реализацией. При этом стратегии ухода и избегания приводят к снижению удовлетворенности, тогда как стратегии активного совладания и переоценки – к повышению удовлетворенности. Наконец, обретение душевного равновесия при неудачах связано с принятием и планированием (по всей видимости, дальнейших действий), а не с отрицанием и избеганием.

Все предположения, выдвинутые в рамках решения второй задачи, получили эмпирическое подтверждение. Во-первых, все корреляции были невысоки, подтверждая гипотезу о связи, но не идентичности измеряемых конструкторов. Во-вторых, жизнестойкость и самоэффективность положительно коррелировали с активным совладанием ($r = 0.40-0.49$, $p < 0.01$), позитивным переформулированием, юмором и планированием ($r = 0.20-0.31$, $p < 0.01$) и отрицательно – со стратегиями ухода и избегания ($r = -0.25$ и -0.46 , $p < 0.01$). Когнитивные копинг-стратегии были в большей степени связаны с планированием и моделированием в структуре саморегуляции ($r = 0.23-0.35$, $p < 0.01$), тогда как стратегии поведенческого ухода и активного совладания также коррелировали с оценкой результата ($r = -0.30$ и $r = 0.26$ соответственно, $p < 0.01$).

Использование инструментальной социальной поддержки отрицательно коррелировало с самостоятельностью саморегуляции ($r = -0.24$, $p < 0.01$). Использование эмоционально-ориентированных копинг-стратегий и стратегий избегания было связано с повышенной тревожностью ($r = 0.23-0.44$, $p < 0.01$), тогда как активное совладание, позитивное переформулирование и юмор – со снижением депрессивности ($r = -0.24 - -0.31$, $p < 0.01$).

Возрастные группы значимо различаются по трем шкалам методики СОРЕ: испытуемые старше 30 лет чаще прибегают к позитивному переформулированию и личностному росту ($F = 4.04$, $p < 0.05$) и сдерживанию ($F = 3.77$, $p < 0.05$), по сравнению с испытуемыми младше 21 года и 21–30 лет. Кроме того, с возрастом испытуемые все реже используют отрицание при совладании со стрессовыми ситуациями ($F = 4.96$, $p < 0.01$).

Таким образом, особенности копинг-стратегий предсказуемо связаны с эмоциональным состоянием (тревожностью и депрессивностью), различными этапами и личностными ресурсами саморегуляции, а также особенностями выбора и реализации целей (на модели планов на выходные). С возрастом испытуемые чаще прибегают к позитивному переформулированию, сдерживанию и реже – к отрицанию, других возрастных особенностей не выявлено. Выявление возрастных особенностей копинг-стратегий в старшем возрасте является задачей дальнейших исследований.

Исследование 3. Исследование критериальной валидности методики COPE на модели сравнения студентов с ограниченными возможностями здоровья и условно здоровых студентов

Несмотря на то что описанные результаты убедительно подтверждают надежность и валидность методики COPE, несколько вопросов оставались для нас открытыми. Во-первых, диагностика особенностей совладания со стрессом предполагает, что шкалы COPE будут прогностичны в ситуации трудностей, по сравнению с обычной ситуацией, причем склонность к применению тех или иных копинг-стратегий будет различаться в зависимости от наличия/отсутствия затруднений (критериальная валидность). Во-вторых, мы предполагали, что в стрессовых ситуациях и ситуациях трудностей эффективность некоторых копинг-стратегий может существенно отличаться от их эффективности в спокойной ситуации. Например, стратегия принятия может быть хороша в стрессовой ситуации, которую нельзя изменить, и, напротив, приводить к чрезмерной пассивности и прокрастинации в ситуации, когда активное совладание и упорство приведут к решению проблемы (Рассказова, Гордеева, 2011). В-третьих, дополнительной важной задачей являлось исследование связи копинг-стратегий с особенностями преодоления трудных ситуаций и саморазвития — с посттравматическим ростом.

Материал и методы

С целью проверки критериальной валидности методики и влияния копинг-стратегий на благополучие в затрудненных условиях были исследованы студенты, находящиеся в затрудненных условиях развития (студенты с ограниченными возможностями здоровья) и условно здоровые студенты, обучающиеся на факультете информационных технологий Московского городского психолого-педагогического университета и в социально-педагогическом колледже при МГППУ¹.

Всего в данной части исследования приняли участие 151 человек, из них 58 студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ, 39 мужчин, 19 женщин, средний возраст 19.93 ± 1.49 года) и 93 условно здоровых студента (УЗ, 43 мужчины, 50 женщин, средний возраст 19.08 ± 1.85 года).

Помимо ответов на пункты методики COPE, в соответствии с поставленными целями использовались данные по следующим методикам:

1. Шкала удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2008).

2. Опросник посттравматического роста (ПТР) (Handbook..., 2006; Магомед-Эминов, 2008).

Результаты

Единственным значимым различием между условно здоровыми студентами

¹ Исследование проводилось Л.А. Александровой, А.А. Лебедевой, Д.А. Леонтьевым, Е.И. Рассказовой. Авторы благодарны исследователям за разрешение использовать часть полученных данных в ходе валидации методики COPE.

и студентами с ограниченными возможностями здоровья было различие в использовании стратегии мысленного ухода от проблемы ($t = -2.07$, $p < 0.05$). Студенты с ограниченными возможностями здоровья значительно чаще использовали мысленный уход от проблемы по сравнению со студентами без таких ограничений. Помимо этого, студенты с ограниченными возможностями здоровья на уровне тенденции реже использовали стратегию принятия, но это различие не достигало значимости ($t = 1.70$, $p < 0.10$).

В целом по выборке выраженность посттравматического роста коррелировала с использованием мысленного ухода от проблемы, сдерживания, обращения к религии, подавления конкурирующей деятельности ($r = 0.20-0.24$, $p < 0.05$), а также — в слабой степени — с использованием позитивного переформулирования, планирования и отрицания ($r = 0.17-0.18$, $p < 0.05$). Неожиданным для нас оказалось, что не только когнитивные стратегии переформулирования, планирования и подавления конкурирующей деятельности, но и отрицание и мысленный уход положительно коррелируют с посттравматическим ростом. По всей видимости, результаты отражают тот факт, что в психотравматической ситуации отрицание и избегание являются важным этапом совладания (Kubler-Ross, 1969). Результаты корреляционного анализа копинг-стратегий и удовлетворенности жизнью полностью повторяют уже описанные в исследовании 1: удовлетворенность жизнью положительно коррелирует с позитивным переформулированием, активным совлада-

нием, обращением к юмору, планированием ($r = 0.27-0.36$, $p < 0.01$).

На следующем этапе анализа мы рассматривали различия в структуре связей между копинг-стратегиями и показателями субъективного благополучия и посттравматического роста у студентов с ограниченными возможностями здоровья и условно здоровых студентов. Для решения этой задачи был использован анализ модераций (см., напр.: Chaplin, 2007) с двумя зависимыми переменными — удовлетворенностью жизнью и посттравматическим ростом. Была проведена серия иерархических регрессионных анализов для каждой из копинг-стратегий и одной из зависимых переменных. На первом шаге серии иерархической регрессии в модель вносились переменная наличия/отсутствия ОВЗ и переменная, соответствующая копинг-стратегии, тогда как на втором шаге в модель добавлялась переменная, описывающая взаимодействие копинг-стратегии и наличия/отсутствия ОВЗ. Если связь копинг-стратегии и зависимой переменной (например, удовлетворенности жизнью) у студентов с ОВЗ и УЗ студентов была различной, второй шаг регрессии приводил к значимому улучшению модели (процента объясняемой дисперсии R^2). Были получены следующие результаты (см. таблицу 7).

— Несмотря на то что удовлетворенность жизнью не зависела напрямую от использования сдерживания и наличия/отсутствия ОВЗ ($R^2 = 0.026$, $p > 0.10$), добавление в модель взаимодействия между сдерживанием и наличием/отсутствием ОВЗ приводило к ее значимому улучшению ($R^2 = 0.058$, $p < 0.05$,

изменение $R^2 = 0.032$, значимость изменения $p < 0.05$). В частности, в группе условно здоровых студентов сдерживание было слабо положительно связано с удовлетворенностью жизнью, а в группе студентов с ограниченными возможностями здоровья — отрицательно.

– Влияние принятия на удовлетворенность жизнью также значимо различалось в группах студентов с ограниченными возможностями здоровья и условно здоровых студентов. Если изначальная двухфакторная модель не достигала уровня значимости ($R^2 = 0.027$, $p > 0.10$), добавление в модель взаимодействия значимо улучшало возможности предсказания ($R^2 = 0.076$, $p < 0.01$, изменение $R^2 = 0.049$, значимость изменения $p < 0.01$). При наличии ОВЗ принятие отрицательно коррелировало с удовлетворенностью жизнью, тогда как при его отсутствии — положительно.

– Паттерн корреляций использования инструментальной социаль-

ной поддержки с посттравматическим ростом значимо различается в группах студентов с ОВЗ и условно здоровых студентов (показатели исходной модели: $R^2 = 0.023$, $p > 0.10$; итоговой модели: $R^2 = 0.053$, $p < 0.05$; изменение $R^2 = 0.030$, значимость изменения $p < 0.05$). Те же результаты были получены в отношении использования эмоциональной социальной поддержки (показатели исходной модели: $R^2 = 0.011$, $p > 0.10$; итоговой модели: $R^2 = 0.038$, $p > 0.10$; изменение $R^2 = 0.028$, значимость изменения $p < 0.05$). У условно здоровых студентов использование инструментальной и эмоциональной социальной поддержки не было связано с посттравматическим ростом, тогда как у студентов с ОВЗ корреляция была положительной.

Из-за этических соображений мы не могли проконтролировать выраженность переживаний студентов из-за ограниченных возможностей и различные побочные переменные, влияющие у них на процесс совладания со

Таблица 7

Корреляции копинг-стратегий с удовлетворенностью жизнью и посттравматическим ростом в группах студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и условно здоровых (УЗ) студентов (приведены значимо различающиеся по результатам модераторного анализа корреляции)

Удовлетворенность жизнью и посттравматический рост	Копинг-стратегии	Корреляции в группах	
		Студенты с ОВЗ	УЗ студенты
Удовлетворенность жизнью	Сдерживание	-0.21	0.16
	Принятие	-0.24	0.22*
Посттравматический рост	Использование инструментальной социальной поддержки	0.37**	0.03
	Использование эмоциональной социальной поддержки	0.32*	-0.01

стрессом. Этим могут быть обусловлены небольшие различия между группами. Другое объяснение предлагают авторы исследования (Александрова и др., 2011): различаются не личностные ресурсы, а особенности их системной организации, их функции в обеспечении эффективного совладания и благополучия. В целом, вопрос о критериальной валидности методики СОРЕ требует дальнейших исследований на других моделях. Тем не менее несколько полученных результатов представляют интерес. В соответствии с нашими предположениями, в зависимости от ситуации, в которой находится человек, те или иные копинг-стратегии могут играть различную роль в обеспечении удовлетворенности жизнью и преодоления стрессовой ситуации. Так, посттравматическому росту в трудных обстоятельствах способствуют не только активные когнитивные стратегии, но и (на определенном этапе) стратегии ухода и отрицания. Сдерживание и принятие способствуют благополучию только у условно здоровых студентов, тогда как у студентов с ограниченными возможностями, от которых требуется больше активных усилий по преодолению существующих трудностей, эти стратегии связаны со снижением удовлетворенности жизнью. Использование социальной поддержки способствует личностному росту в психотравматической ситуации у студентов с ограниченными возможностями и не требуется условно здоровым студентам.

Выводы

Итак, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Вторая версия методики СОРЕ является достаточно надежной и валидной методикой. При использовании методики следует учитывать низкую согласованность шкал мысленного ухода от проблемы и сдерживания, первая из которых характерна для методики в целом (Carver et al., 1989), тогда как вторая — для русскоязычных версий методики (см.: Иванов, Гаранян, 2010). Факторная структура методики соответствует теоретической модели. Копинг-стратегии предсказуемо связаны с субъективным благополучием (как негативными симптомами — тревожностью, депрессивностью, так и позитивными индексами — удовлетворенностью жизни, витальностью), особенностями разных этапов саморегуляции (планированием, моделированием, оценкой результата), личностными ресурсами саморегуляции (оптимизмом, осмысленностью жизни, жизнестойкостью, самоэффективностью).

2. Выявлены отдельные гендерные и возрастные особенности копинг-стратегий. С возрастом имеет место большее обращение к стратегиям позитивного переформулирования и сдерживания и меньшее — к отрицанию. Женщины чаще, чем мужчины, прибегают к использованию мысленного ухода от проблемы, концентрации на эмоциях и их активному выражению, а также использованию инструментальной и эмоциональной социальной поддержки, а с возрастом испытываемые чаще используют позитивное переформулирование и сдерживание и реже — отрицание. Т.е. репертуар копинг-стратегий, используемых женщинами, шире и в целом продуктивнее, что может приводить

к лучшему сопротивлению стрессу и повседневным жизненным трудностям. В целом, эти данные соответствуют зарубежным (Tamres et al., 2002).

3. При выявлении роли копинг-стратегий в обеспечении продуктивности деятельности и саморегуляции следует учитывать различные личностные и ситуативные факторы. В частности, различные ситуации могут приводить к актуализации различных копинг-стратегий и обуславливают их эффективность. Результаты наших исследований подтверждают, что эффективность копинг-стратегий зависит от переживаемого стресса и контролируемости ситуации.

– Активные когнитивные копинг-стратегии (активное совладание, планирование, подавление конкурирующей деятельности) связаны с улучшением успеваемости, но только в группе неуспевающих студентов. Эффективность стратегий поиска социальной поддержки и эмоционального отреагирования неустойчива и, предположительно, зависит от особенностей сессии и динамики отношений студентов. Копинг-стратегии, связанные с когнитивной переоценкой ситуации (переформулирование, юмор), в ситуации неуспеваемости связаны не с улучшением, а с ухудшением успеваемости.

– Структура связей копинг-стратегий с особенностями целеполагания и целедостижения зависит от этапа саморегуляции. Так, активные стратегии совладания и обращение к религии способствуют активному выбору более важных дел и положительному отношению к этим делам.

Склонность к уходу от проблем связана с отказом от планов, тогда как склонность к активному совладанию и планированию — с успешной их реализацией. При этом стратегии ухода и избегания приводят к снижению удовлетворенности, тогда как стратегии активного совладания и переоценки — к повышению удовлетворенности. Наконец, обретение душевного равновесия при неудачах связано с принятием и планированием дальнейших действий, а не с отрицанием и избеганием.

– Возможности посттравматического роста в стрессовой ситуации связаны не только с условно «эффективными» стратегиями переформулирования, планирования и подавления конкурирующей деятельности, но и со стратегиями мысленного ухода от проблемы, сдерживания и отрицания, которые являются необходимыми на определенных этапах переживания психотравматического события. Учет этапа переживания психотравмы необходим в дальнейших исследованиях в данной области.

– Сдерживание и принятие способствуют благополучию только у условно здоровых студентов, тогда как у студентов с ограниченными возможностями, от которых требуется больше активных усилий по преодолению существующих трудностей, эти стратегии связаны с ухудшением удовлетворенности жизнью. Использование социальной поддержки способствует личностному росту в психотравматической ситуации у студентов с ограниченными возможностями и не требуется условно здоровым студентам.

В целом, результаты трех изложенных исследований подтверждают

также конструктивную валидность шкал методики СОРЕ. Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с уточнением возмож-

ностей и ограничений в структуре саморегуляции таких копинг-стратегий, как поиск социальной поддержки, сдерживание, принятие.

Литература

Александрова Л.А. Субъективная витальность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 382–403.

Александрова Л.А., Лебедева А.А., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Личностные ресурсы преодоления затрудненных условий развития // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 579–610.

Брайт Дж., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я. Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. СПб.: Психоневрол. ин-т им. В.М. Бехтерева, 2009.

Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика. 2010а. № 2. С. 36–64.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.А., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника СОРЕ // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: Материалы II международной научно-

практической конференции. Кострома, 23–25 сентября 2010 / Под ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровской, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Т. 2. С. 195–197.

Иванов П.А., Гаранян Н.Г. Апробация опросника копинг-стратегий (СОРЕ) // Психологическая наука и образование. 2010. 1. С. 82–93.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.

Леонова А.Б. Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В.И. Моросанова. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 354–373.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.

Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 107–130.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М.: ПАРФ, 2008.

Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.

Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.

Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2001.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008.

Поддьяков А.Н. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://psy-study.ru>

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 267–299.

Сыропятов О.Г., Дзеружинская Н.А., Астапов Ю.Н., Ивацкова Г.В. Ранняя диагностика и лечение депрессии в общей медицинской практике (Гелариум-тест). К., 2003.

Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.

Ano G.G., Vasconcelles E.B. Religious coping and psychological adjustment to stress: a meta-analysis // J. of Clinical Psychology. 2005. 61. 4. 461–480.

Boxman G., Stern M. Adjustment to occupational stress: the relationship of perceived control to effectiveness of coping strategies // Journal of Counseling Psychology. 1995. 42. 3. 294–303.

Brown S.P., Westbrook R.A., Challagalla G. Good cope, bad cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event // Journal of Applied Psychology. 2005. 90. 4. 982–798.

Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2006.

Carver C.S. You want to measure coping but your protocol's too long: Consider the Brief COPE // International Journal of Behavioral Medicine. 1997. 4. 92–100.

Carver C.S., Scheier M.F. On the structure of behavioral self-regulation // M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (eds). Handbook of self-regulation. San Diego: Academic Press, 2000. P. 42–80.

Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. 56. 2. 267–283.

Chaplin W.F. Moderator and mediator models in personality research // R.W. Robins, R.C. Fraley, R.E. Krueger (eds). Handbook of research methods in personality psychology. N.Y.: The Guilford Press, 2007.

Clark K. C., Bormann C., Cropanzano R., James K. Validation evidence for three coping measures // Journal of Personality Assessment. 1995. 65. 3. 434–455.

Connor-Smith J.K., Flachsbart C. Relations between personality and coping: a meta-analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. 93. 1080–1107.

Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. 49. 71–75.

Eschenbeck H., Kohlmann C.-W., Lohaus A. Gender differences in coping strategies in children and adolescents // *Journal of Individual Differences*. 2007. 28. 1. 18–26.

Handbook of Posttraumatic Growth: Research and Practice / L.G. Calhoun, R.G. Tedeschi (eds). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.

Hardie E., Critchley C., Morris Z. Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes // *Asian Journal of Social Psychology*. 2006. 9. 224–235.

Kubler-Ross E. On death and dying. N.Y.: Scribner, 1969.

Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer, 1984.

MacCrae R., Costa P. Personality, coping and coping effectiveness in an adult sample // *Journal of Personality*. 1986. 54. 2. 385–405.

Nes L.S., Segestroom S.C. Dispositional optimism and coping: a meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. 10. 235–251.

Ryan R.M., Frederick C.M. On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being // *Journal of Personality*. 1997. 65. 529–565.

Scheier M.F., Carver C.S. Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies // *Health Psychology*. 1985. 4. 3. 219–247.

Scheier M.F., Carver C.S. A model of behavioral self-regulation: translating intentions into actions / L. Berkowitz (ed.). *Advances in experimental social psychology*. N.Y.: Academic Press, 1988. Vol. 21. P. 303–346.

Skinner E.A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping // *Psychological Bulletin*. 2003. 129. 2. 216–269.

Suls J., Fletcher B. The relative efficacy of avoidant and nonavoidant coping strategies: A meta-analysis // *Health Psychology*. 1985. 4. 3. 249–288.

Tamres L.K., Janicki D., Helgeson V.S. Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review and an examination of relative coping // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. 6. 1. 2–30.

Vaillant G.E. Adaptive mental mechanisms. Their role in a positive psychology // *American Psychologist*. 2000. 55. 1. 89–98.

Vaillant G.E., Davis T.J. Social/Emotional intelligence and midlife resilience in schoolboys with low tested intelligence // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2000. 70. 2. 215–222.

Weiten W., Lloyd M.A. Psychology applied to modern life. Wadsworth Cengage Learning, 2008.

Приложение

**Нагрузки пунктов на латентные факторы по данным
конфирматорного факторного анализа**

№	Утверждение	Нагрузка
<i>F1: Позитивное переформулирование и личностный рост</i>		
1	Я стараюсь найти плюсы в произошедшем	0.58
29	Я пытаюсь посмотреть на ситуацию с более позитивной стороны, в ином свете	0.78
38	Я ищу что-то хорошее в том, что произошло	0.77
59	Я стараюсь, чтобы этот опыт чему-то меня научил	0.64
<i>F2: Мысленный уход от проблемы</i>		
2	Я погружаюсь в работу или другие дела, чтобы отключиться от проблем	0.22
16	Я предаюсь фантазиям на другие темы, чтобы отвлечься	0.51
31	Я сплю больше обычного, стараясь забыть о проблеме	0.43
43	Я иду в кино или смотрю телевизор, чтобы меньше думать о проблеме	0.57
<i>F3: Концентрация на эмоциях и их активное выражение</i>		
3	Я расстраиваюсь и даю выход своим эмоциям	0.78
17	Я расстраиваюсь, нервничаю, переживаю	0.59
28	Я даю выход своим переживаниям	0.85
46	Я переживаю и активно проявляю свои чувства	0.90
<i>F4: Использование инструментальной социальной поддержки</i>		
4	Я ищу совета у других людей, что делать дальше	0.72
14	Я обсуждаю случившееся, чтобы лучше понять ситуацию	0.76
30	Я говорю с кем-нибудь, кто мог бы конкретно помочь решить мою проблему	0.78
45	Я спрашиваю людей, у которых была аналогичная проблема, как они ее решали	0.75
<i>F5: Активное совладание</i>		
5	Я сосредоточиваю усилия на том, чтобы как-то решить проблему.	0.63
25	Я предпринимаю какие-то еще действия, стараясь преодолеть сложившуюся ситуацию	0.67
47	Я предпринимаю активные действия, чтобы справиться с проблемой	0.79
58	Я последовательно, шаг за шагом делаю то, что нужно	0.65
<i>F6: Отрицание</i>		
6	Я говорю себе: «Этого не может быть»	0.62
27	Мне не хочется верить, что это произошло	0.70
40	Я делаю вид, что ничего не произошло	0.57
57	Я просто делаю вид, что ничего не случилось	0.58

№	Утверждение	Нагрузка
<i>F7: Обращение к религии</i>		
7	Я надеюсь на то, что Бог мне поможет	0.71
18	Я прошу помощи у Бога	0.90
48	Я пытаюсь найти утешение в вере (религии)	0.89
60	Я молюсь (больше, чем обычно)	0.89
<i>F8: Юмор</i>		
8	Я стараюсь воспринимать произошедшее с юмором	0.84
20	Я перевожу случившееся в шутку	0.88
36	Я шучу по поводу случившегося	0.91
50	Я нахожу в случившемся забавные моменты	0.81
<i>F9: Поведенческий уход от проблемы</i>		
9	Я признаюсь себе, что ничего не могу поделать с проблемой, и перестаю пытаться	0.68
24	Я не предпринимаю активных действий	0.70
37	Я перестаю пытаться добиться своего (получить то, что я хочу)	0.66
51	Я снижаю количество усилий, направленных на решение этой проблемы	0.65
<i>F10: Сдерживание</i>		
10	Я стараюсь удерживать себя от скоропалительных шагов	0.26
22*	Я стараюсь ничего не предпринимать, пока ситуация не улучшится	-0.51
41	Я стараюсь не действовать слишком поспешно, чтобы не ухудшить ситуацию	0.23
49	Я заставляю себя ждать, когда наступит подходящий момент и можно будет действовать	0.08
<i>F11: Использование эмоциональной социальной поддержки</i>		
11	Я обсуждаю с кем-то то, что я сейчас чувствую	0.81
23	Я стараюсь получить эмоциональную поддержку у друзей или родных	0.85
34	Я ищу сочувствия и понимания у других людей	0.82
52	Я обсуждаю свои переживания с кем-то из моих близких	0.89
<i>F12: Использование «успокоительных»</i>		
12	Я принимаю успокоительные или выпиваю, чтобы мне стало лучше	0.79
26	Я стараюсь отключиться на какое-то время, принимая алкоголь или лекарства	0.93
35	Я выпиваю или принимаю лекарства, чтобы поменьше думать о проблеме	0.97
53	Я принимаю алкоголь или успокоительные, потому что это помогает мне преодолеть проблему	0.92

* При исключении пункта 22 из модели нагрузки пунктов 10, 41 и 49 составляют 0.61, 0.74 и 0.36 соответственно.

№	Утверждение	Нагрузка
<i>F13: Принятие</i>		
13	Я стараюсь привыкнуть к мысли, что это случилось, адаптироваться к ситуации	0.67
21	Я стараюсь принять то, что случилось, привыкнуть к этому	0.49
44	Я стараюсь принять ситуацию, сжиться с ней	0.56
54	Я учусь жить с этим	0.76
<i>F14: Подавление конкурирующей деятельности</i>		
15	Я стараюсь решать проблему, не отвлекаясь на другие дела и мысли	0.35
33	Я полностью концентрируюсь на решении этой проблемы и, если необходимо, откладываю в сторону другие дела	0.76
42	Я стараюсь, чтобы другие дела не мешали мне прилагать максимум усилий, чтобы справиться с проблемой	0.80
55	Я откладываю другие дела в сторону, чтобы сосредоточиться на решении проблемы	0.79
<i>F15: Планирование</i>		
19	Я стараюсь спланировать и обдумать свои дальнейшие действия	0.57
32	Я придумываю, как имеет смысл дальше действовать	0.59
39	Я думаю, как лучше всего я могу справиться с этой проблемой	0.84
56	Я тщательно обдумываю шаги, которые буду предпринимать для решения проблемы	0.76

Психология образования

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ И МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОБУЧЕНИЯ

А.О. КАРПОВ

Карпов Александр Олегович — начальник отдела «Молодежные программы и проекты» МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат физико-математических наук. Основатель и руководитель Российской научно-социальной программы для молодежи и школьников «Шаг в будущее». Сфера научных интересов: философия, психология, культурология.

Контакты: a.o.karpov@gmail.com

Резюме

В статье рассматриваются особенности познавательного отношения на том этапе общественного развития, когда наука становится культурной доминантой, определяющей экономическую и социальную структуру. Введено понятие динамической компетентности, определены ее базовые инструментальные компоненты, показан механизм социальной мобильности когнитивного типа. Рассмотрен исторический пример из эпохи Реформации, иллюстрирующий силу культурного контекста в трансформации эпистемических сообществ. Построена модель исследовательского обучения в локусе научной одаренности.

Ключевые слова: динамическая компетентность, когнитивный рост, исследовательское обучение, социальная мобильность, познавательное отношение, общество знаний.

Задачей данного текста является рассмотрение социокогнитивных особенностей, дидактической и структурной организации исследовательской модели обучения, которая может быть выстроена в русле движения к обществу знаний. Институализация эпистемических сообществ, включая образовательные, есть не только репродукция познавательных традиций и культурной модели устоявшегося социума. В кризисные времена правильные формы организации познавательного отношения составляют стратегический ресурс как экономических, так и духовных перемен.

Культурным стержнем новой формации становится когнитивная компетентность человека в создании духовно-материальной структуры общества, которая пришла на смену его технической компетентности как оператора в среде созданных им культурных артефактов. Способность создавать знания наделяет индивида привилегированным статусом в социальной стратификации. Социальное расслоение общества в наиболее развитых странах, отмечает В.А. Лекторский, будет определяться отношением к знанию, поскольку мерилом богатства оказываются производство, распространение и потребление знания (Лекторский, 2001, с. 6). По мнению В.Д. Шадрикова, духовные способности «свя-

заны с познанием и творением культуры». Вместе с тем «способность к творчеству» генетически отличается от «способности к исполнению», ведь творческое исходит из духовного и лишь потом из деятельного способного; и такое духовное позволяет по-иному воспринимать и мыслить (Шадриков, 2002, с. 78, 57; 1994, с. 4, 5).

Исследовательская образовательная парадигма за последние десять лет динамично перешла из разряда теоретических умозрений в системный фактор инновационного развития общества. Университеты и научные центры выстраивают сетевые конфигурации исследовательского типа; инновационная активность студентов консолидируется в современные организационные формы, в частности, в систему малых инновационных предприятий; инвестиционные площадки для стартапов¹ становятся принадлежностью учебных институций, где они формируют инновационную среду, опирающуюся на потребности высокотехнологичного бизнеса. Все это — приметы новой образовательной реальности, которая требует аутентичных моделей для своего социального конструирования.

Исследовательское отношение к познанию, в том числе и учебному, сегодня становится главным модусом функционирования эпистемической

¹ Start up (англ.) — пускать в ход, возникать, вскакивать. Стартапом может называться как отдельный инновационный проект, так и компания, созданная для его реализации. Историю понятия «стартап» связывают с Силиконовой Долиной, в частности, с созданием компании Hewlett-Packard, которая выросла из стартапа, основанного в 1939 г. выпускниками Стэнфордского университета Уильямом Хьюлеттом (William Hewlett) и Дэвидом Паккардом (David Packard). Рост стартап-компаний обеспечивается привлечением венчурного капитала.

культуры общества. В то же время исследовательское отношение к познанию не является завоеванием сегодняшнего дня. Исторический пример, с которого мы начнем, относится к эпохе становления науки Нового времени, которая положила начало формированию современного содержания понятия «научное исследование». Нам важно продемонстрировать силу воздействия культурного контекста, который создавал условия, стимулирующие трансформацию эпистемических структур общества в духе наступающих перемен. Речь пойдет о познавательном отношении, которое было сформировано религиозной Реформацией и которое может быть соотнесено с эпистемическим инструментарием нашего времени. Последнее в своих психокультурных контекстах все более обретает черты Реформации когнитивной.

В основе эпистемологической доктрины лютеранства лежал принцип, согласно которому Божественный замысел построения мира познаваем человеческим разумом. Отсюда естественная философия могла дать подтверждение существования Создателя, способы толкования его знаков и доказательства благосклонности. Религиозный нравственный закон реформаторов прямо стимулировал познание извечных истин, запечатленных в душе Господом, относя это к сфере благочестия. В частности, законы планетарного движения воспринимались как такого рода извечные истины, а математическое знание наделялось определенной достоверностью. Лютеранство так интересовалось астрономией, что даже вывело публикацию

революционной теории Коперника в отдельный проект (Barker, Goldstein, 2001, р. 95, 96, 94). Уже в «Космографической тайне» («*Prodromus dissertationem cosmographicam continens Mysterium cosmographicum*», 1596), своем первом астрономическом труде, Кеплер ставит задачу показать, «каким на самом деле является мир, то есть Божественное провидение и замысел мироздания» (цит. по: Barker, Goldstein, 2001, р. 99). Небесный патрон должен быть доволен.

В Англии XVII в. пуританская этика «стала одним из важных элементов усиленного культивирования науки». Составляя относительно небольшое меньшинство населения Англии, пуритане заняли сорок два из шестидесяти восьми мест в первоначальном составе Лондонского Королевского общества — научной группировки, которая подталкивала и стимулировала развитие науки «более чем какой бы то ни было другой непосредственный фактор». Среди участников общества — Р. Бойль, К. Рен, Р. Гук, Дж. Рей, Фр. Уиллоби, И. Ньютон. Р. Мертон пишет, что «даже в преимущественно католической Франции преобладающая доля научной работы выполнялась протестантами» (Мертон, 2006, с. 797, 811, 799, 814).

Конечно, в то время «связи, сложившиеся между наукой и религией, были косвенными и непреднамеренными» (там же, с. 837); а отцы Реформации весьма неоднозначно относились к занятиям наукой. Однако на рубеже XIX и XX вв. кальвинизм мог уже претендовать на утверждение, «что наука взращивалась им, и его принцип порождает

дух науки». Абрахам Кайпер — богослов, пастор и премьер-министр Нидерландов в своих лекциях по кальвинизму, прочитанных в Пристонской богословской семинарии (Пенсильвания, США) в 1898 г., сформулировал основные принципы взаимодействия кальвинистской веры и современной науки. В частности, он сказал: «...кальвинистская догма о предопределении... означает, что существование и движение мироздания повинуются закону и порядку, а не капризу и случаю; и в природе, и в истории исполняет замыслы твердая воля. <...> Кальвинисты... всегда утверждали, что замысел этот образует единую органическую программу. <...> Только вера в органическую взаимосвязь вселенной дает возможность науке подняться от эмпирических исследований отдельных явлений к чему-то общему, от общего — к закону, управляющему этим общим, а от этого закона — к принципу, доминирующему над всем» (Кайпер, 2002, с. 133, 134, 136, 137, 139). М. Вебер наметит связь аскетического протестантизма с развитием науки только через семь лет, в своей «Протестантской этике», вышедшей в 1905 г. (Вебер, 1990, с. 207).

За век до Лондонского Королевского общества, опираясь на теологические принципы лютеранства, Ф. Меланхтон (1497–1560) разработал методологическую основу для естественнонаучных исследований — «перенос акцента от наблюдений к выявлению возможной причины, логическое выведение одной-единственной причины среди множества вероятных причин, последующая... демонстрация первоначального явления». М. Местлин (1550–1631),

астроном-исследователь, самый влиятельный учитель Кеплера, его покровитель и друг, добавляет существенную деталь: он настаивает на том, что точность в измерениях и правильное использование математических методов совершенствуют познание Господа и Его Провидения (Barker, Goldstein, 2001, p. 95, 93, 97). Отсюда, из этих протестантских эпистемологических принципов, исходила претензия нововременной науки на истину — открыть замысел Господа, по которому устроен мир. Отсюда эмпирическое наблюдение устанавливалось в качестве одного из способов преодоления ошибок, не дающих возможности человеку признать истину. Другим способом полагалось образование.

Меланхтон почитался как великий реформатор в области образования в Германии. Его идеи относительно естественной философии и Божественного Провидения создавали особую познавательную модель в лютеранских университетах. По мнению канцлера Тюбингенского университета Я. Хеербранда (1521–1600), который преподавал теологию как Местлину, так и Кеплеру, «естественный мир является книгой природы, которую следует читать параллельно со Священным Писанием, чтобы познать Господа и его творение» (там же, p. 95, 96). Так интеллектуальные ресурсы, полученные в результате обучения лютеранской теологии, составляли систему исследовательской аргументации, вытеснявшую спекулятивные схемы средневековья, которые базировались на «божественной» причинности или каузальности «естественных мест».

Педагогическая программа аскетического протестантизма стремилась к эмпирическому исследованию установленных Богом законов природы; отсюда проистекает склонность этой программы к математическим и естественным наукам, к реальному обучению. Упор в пуританских Неортодоксальных академиях — школах университетского статуса, которые были открыты в разных местах Английского королевства, — делался на науку и технологию. Важное место в учебных программах занимали механика, гидростатика, физика, анатомия, астрономия. Протестантские университеты континентальной Европы и Новой Англии уделяли значительно большее внимание научным и утилитарным предметам, нежели католические заведения. Протестантские педагоги Англии и Европы, в ряду которых выделялись С. Гартлиб, Я.А. Коменский, Ч. Мортон, П. Рамус, А.Г. Франке, включали преподавание науки, технологии и мастерства как в университетское, так и в среднее школьное образование. Школы пиетистов в Германии подготовили почву для Real schulen — реальных училищ. Направление развития учебных заведений прочерчивалось к физико-механическим коллегиям, фабричным и экономико-математическим реальным школам. Многочисленные статистические исследования показывают, что в XIX в. в составе школ, обеспечивающих научное и техническое обучение, протестанты составляют растущую долю в ученическом составе, в то время как классическое и теологическое образование представляло интерес для като-

лического населения (Мертон, 2006, с. 811–822).

Девятнадцатилетнее пасторское служение пуританского проповедника и богослова Р. Бакстера (1615–1691) в общине Киддерминстера, графство Ворчестер, стало фактором экономического роста ремесленных предприятий. «Как трудиться эффективно» (Бакстер, 2005, с. 71) — ни много ни мало именно в таком современном производственном ключе ставит задачу наставления верующих «Реформированный пастырь». Педагогический принцип бакстерского массового обучения гласит: включай «в свои проповеди что-нибудь превосходящее понимание своих слушателей, чтобы... стимулировать их желание обучаться дальше» (Оуэн, 2005, с. 96). Такой принцип по сути ведет к исследовательской ситуации в познании, пусть в познании теологического типа, но все же в познании, ищущем истину, а не догматически доверяющемуся ей. Так рождался пуританский «порядок наставления в истине» (Бакстер, 2005, с. 54).

Практические импликации пуританской этики не ограничились духом капитализма; они вошли в плоть и кровь нововременной науки и образования, которое стремилось стать научным. Наука становилась естественной, математика — практической, образование — реальным. Эмпиризм и утилитаризм, мотивирующий поведение искренних последователей Кальвина, оказались соотнесенными базисным ценностям такой науки и такого образования. К слову сказать, принципы науки, понимаемой как точные факты и подробные процедуры, применяются

в книге священника д-ра Ш. Мэтьюза к научному управлению церковью (Mathews, 1912).

Научные факты и теории в конце XIX в. представлялись в виде обособленной и установленной авторитетными людьми истины. Критическое осмысление в педагогической практике, по словам Дж. Маккензи, исключалось, «сущностью научного образования стали вычисления и обучение методом заучивания наизусть»; так что такое «научное» образование готовило людей в основном для обслуживания действовавших машин и оборудования (Mackenzie, 1998, р. 56, 57). В этот период от известной системы научной организации труда американского инженера Ф.У. Тейлора получает свое обоснование линейная и закрытая образовательная система, в основе которой лежит тщательно скалькулированный по времени и по результатам учебный план. Школьный тейлоризм XX в. ориентируется только на те цели, которые можно отчетливо дифференцировать, исключая познавательную инициативу, вносящую неопределенности. Традиционная школа, перенявшая модель сборочной линии, в качестве эпистемологического принципа педагогического действия устанавливает механизацию мышления в среде стандартизированного знания.

Хороший ученик, равно как и хороший рабочий, воспитывается на основе четырех постулатов — постоянство, пунктуальность, тишина и усердие, — скажет в 1891 г. У.Т. Харрис, член Комиссии по образованию США (см.: Doll, 1993, р. 48). Е.П. Кабберли в «Руководстве общеобразовательной школой», изданной

в 1916 г. в Бостоне, пишет: «Наши школы, в каком-то смысле, являются фабриками, где сырье (дети) должно быть обработано и преобразовано в продукт, который соответствовал бы требованиям жизни» (цит. по: Doll, 1993, р. 47). Дж.М. Райс предлагает в 1914 г. идею фиксированных образовательных стандартов для научной системы управления педагогическим процессом (Rice, 1969, р. XV). И с этой идеей «машинного» времени российское образование войдет в XXI в., в эпоху постиндустриальной культуры и посттехнократической школы.

Н. Ханс в числе парадигмальных мотиваторов эпохи становления современных форм познания выделял религию, интеллект и утилитарный интерес (см.: Мертон, 2006, с. 830, 831). Сегодня такая мотивирующая триада включает науку, профессии когнитивного типа, экономическую структуру. Наука в качестве культурной доминанты выполняет стимулирующую функцию, прежде принадлежавшую религии. То, что ранее выступало как интеллект, оснащающий действие и создающий побочный экономический продукт, становится самым действием, непосредственно производящим и технологизирующим знание. Такое действие, иначе говоря, профессия когнитивного типа, рождает не просто артефакты новой культуры знаний, но ее саму. Утилитарный интерес, ищущий пользу в технической инфраструктуре, торговле и военном деле, замещается экономической структурой — системным фактором, мотивирующим развитие образования, науки и основанной на ней профессии.

Производящая функция знания формирует особую социальную структуру, которая предоставляет институциональный контекст, обеспечивающий наибольшую полноту развития инновационной науки (там же, с. 770). Социальный контекст, который ранее с макросоциологической точки зрения рассматривался как «внешний» по отношению к научному сообществу, но поддерживающий с ним густую сеть взаимодействий (Агацци, 2009, с. 47), сегодня поглощает научные коллективы в особых формах производственной организации. В наиболее общем виде новые экономические кластеры объединяют научные исследования и разработки, финансовый капитал, производство и политическую власть.

Комплексы знаний претерпевают стремительную эволюцию от алгоритмически выстроенных инструкций к проблематизированным когнитивным структурам. Новый когнитивный тип жизни устанавливает свои эпистемические максимы, которые переходят в разряд базовых инструментальных компетенций, в их числе: 1) овладение и оперирование динамично изменяющимся знанием; 2) инструментализация мышления и технологизация его продуктов; 3) создание мыслительных новшеств, которые наделены потенциалом роста в системе производства знаний.

Компетентность становится динамически изменяющейся категорией. Теперь она зависит не только от возможности человека получать образование и профессионально совершенствоваться, но и от способности к особому рода обучению, которое

относится к знанию как к непредвиденному событию. Здесь овладение знанием — не просто потребление фактологического материала с последующим интегрированием его в деятельность, не просто обновление, но психокультурная ассимиляция научных новшеств, находящихся в его основе, а значит, освоение новых принципов использования технологизированных форм знания, т.е. работа с эпистемическими изменениями парадигмального плана. Готовность воспринимать глубинные изменения парадигмального типа определяется исследовательским складом ума, который функционирует в условиях постоянной переработки оснований своей деятельности, вызванной проникновением в принципиально неизвестное. В такое неизвестное, которое обладает системной непредвиденностью, т.е. его невозможно получить просто логическим продолжением устоявшейся конфигурации знаний. Следовательно, обучение, имеющее в виду динамическое свойство компетентности, дидактически оперирует с творческим скачком, который есть непреходящий инструмент исследовательского познания.

Динамическая компетентность опирается на способность схватывать как результаты процесса сегментации профессионального знания, так и его движение. Последнее имеет непосредственное отношение к прогнозированию собственных профессиональных потребностей, а значит, определяет познавательные стратегии, которые будут диктовать формы профессиональной деятельности, связанные с технологизацией знания. Таким образом, динамическая

компетентность не имеет дело с проблемой устаревания навыков, которая решалась в рамках организованных форм повышения квалификации или переквалификации, а опирается на чувство самостоятельного предвидения направлений изменения в содержании профессионального знания.

Главенствующий механизм социальной мобильности в условиях роста культуры знаний функционально обусловлен когнитивным типом личности, который суть обобщенный комплекс способностей, центрированных на работу со знанием. Когнитивная типизация может быть связана с подобием структуры когнитивных стилей, которые «подчиняются действию некоторых общих закономерностей организации когнитивной сферы человека» (Холодная, 2002, с. 10, 32, 82).

Когнитивные типы личности могут быть поставлены в соответствие базовым инструментальным компетенциям. В свою очередь базовые инструментальные компетенции являются компонентами когнитивно-ролевых комплексов, стратифицирующих социум. В общем случае стратифицирующее отношение «когнитивный тип личности — инструментальные компетенции — когнитивно-ролевой комплекс» обладает многозначными связями в каждой паре своих элементов.

Разные когнитивные типы личности могут иметь совпадающие области способностей и определять таким образом зоны перекрытия различных когнитивно-ролевых комплексов (структура этих зон определяется также многозначностью стратифицирующего отношения).

Вследствие чего, в условиях общества, «работающего» на знаниях, социальная мобильность осуществляется через зоны перекрытия когнитивно-ролевых комплексов. Пройодимость каналов социальной мобильности есть функция социальной приобретенности — динамической компетенции и знаниевой оснащенности индивида, но в то же время — психокультурного разнообразия и этнокультурного потенциала личности, обладающих врожденными составляющими, среди которых — наследуемые особенности мышления, характера, этнической принадлежности.

Базовая система ролевых комплексов в обществе знаний формируется наукой и высокотехнологичным производством. Науку в наши дни делают очень молодые люди. Образовательные системы стран с развитой инновационной экономикой ставят особый акцент на исследовательских методах обучения, уходя от абстрактных способов преподавания науки. В новой культурной ситуации изменяется содержание термина «научное образование», т.е. образование полагается «научным» не от того, что оно манипулирует научными фактами, но тогда, когда использует методы познания, свойственные научному поиску. Причем так вопрос ставится не только относительно студентов, но все в большей степени и относительно школьников. Эффективное решение проблемы подготовки научных кадров, таким образом, начинает зависеть от возможностей раннего исследовательского обучения. Мы в этом деле существенно отстаем.

Несомненно, закладывать основы исследовательской работы со знанием

должна современная школа. Однако дело ранней исследовательской подготовки особо перспективных молодых людей необходимо поставить как предмет деятельности отдельной образовательной структуры, организованной в виде территориально-распределенного учебного комплекса, наделенного высокой степенью самостоятельности. К его задачам следует отнести обеспечение управляемого доступа молодых исследователей к научно-техническим ресурсам и работе профессиональных научных коллективов, как это сделали США несколько десятилетий назад, а также подготовку школьных учителей к работе в условиях исследовательского обучения. Последняя задача — совершенно новая, поскольку многочисленные курсы повышения учительской квалификации, как правило, не имеют не только опыта, но и представления о современной педагогике научного поиска.

Говоря о системе научной подготовки молодежи в нашей стране, в большей степени о научной подготовке талантливых школьников, мы сталкиваемся с ситуацией абсолютной недостаточности как методической, так и педагогической разработки вопроса. Образовательные учреждения — школы, лицеи, гимназии — учат в традициях, которые не способны дать эффективный ответ на вызовы сегодняшней культуры знаний, инновационной экономики, новых форм социализации. Задача педагогической науки Запада — операционализация научных исследований в качестве методик обучения — у нас ни в практической, ни в теоретической плоскости не стоит и не ставится. Конечно, проблема исследова-

тельского обучения актуальна не только у нас, но только мы с таким опозданием замечаем необходимость ее решения.

В области научной подготовки в первую очередь стоит вопрос инструментальный, т.е. вопрос создания и внедрения новых образовательных методов и систем. Тем более такой вопрос стоит для талантливых школьников, нацеленных на работу в сферах производства знаний. В отличие от «художественной» системы воспитания, наша традиционная образовательная система, даже будучи наделенной всеми инфраструктурными благами, станет выпускать тех же самых молодых людей, подготовленных в традициях ушедшего времени. Она не способна эффективно обрабатывать запросы ни современной науки, ни отечественной инновационной системы, которым сегодня требуются очень молодые и по-современному подготовленные неофиты.

Следовательно, молодые люди, которым предстоит в ближайшем будущем профессионально заниматься производством знаний, должны учиться в школах по особым программам, выстроенным в русле исследовательской деятельности. В России же исследовательская подготовка школьников развивается по большей части в формах дополнительного образования. В традиционных представлениях нашей педагогики исследовательское обучение понимается как метод проектов, идущий от последователей Дж. Дьюи начала XX в. Однако минуло уже сто лет. Сегодня исследовательская подготовка есть не просто выполнение проектов, которые интегрируются в

той или иной мере в учебные курсы, но деятельность, направленная на обучение исследователей. Научные исследования начинают использоваться в качестве методик обучения. Оценивание становится генеративным, т.е. учитывающим то, что ученик выработал самостоятельно, а программы обучения — исследовательскими и трансформативными, иначе говоря, способными к преобразованию знания в поисковом ключе (Карпов, 2010, с. 619, 620).

Решение исследовательской задачи теперь является не частным «проектным» эпизодом, оно включается в русло проблемно-познавательной траектории личности. Творческая деятельность учащихся получает место своего приложения в научных институтах и в исследовательских лабораториях университетов. По образцу познавательных институций социума в учебных заведениях создаются локальные творческие пространства, которые позволяют исследовать мир «взрослыми» методами; в их ряду молодежные научные лаборатории и конструкторские бюро, школьные лесничества и агроплощадки, научные общества учащихся и студенческие инновационные предприятия.

Суть острых вопросов, стоящих в связи с этим перед нашей страной, заключается в том, что современный ученый в новых культурных условиях есть в первую очередь результат планомерного выращивания, которое начинается с периода его школьного ученичества; причем нижнюю границу этого возраста западная педагогическая практика отодвигает к рубежу 12 лет. В данном случае напрашивается аналогия с сегодняш-

ней спортивной ситуацией, когда корнем решения проблемы становится система раннего культивирования, включающая эффективную специализированную подготовку и целевую инфраструктуру, сфокусированную на нее.

Таким образом, в образовательном деле речь идет о смене педагогической парадигмы с формальной и универсальной на поисковую и когнитивно ориентированную, обеспечивающую психически комфортную для личности познавательную деятельность. Главный стратегический вопрос, который должны решить современные образовательные системы, состоит в постановке исследовательского обучения в качестве *основной* формы школьной и университетской подготовки. Речь, конечно, идет не о всех молодых людях, но об определенной группе перспективных с точки зрения работы с современным знанием. Постановка исследовательского обучения предполагает: 1) разработку особых, исследовательских программ обучения по профилированным предметам, что подразумевает и содержание, и методы, и определенную среду; 2) формирование группы перспективных учеников; 3) обеспечение материально-технической базы исследовательского творчества; 4) включение согласованных программ исследовательского обучения в учебный процесс разных ступеней общего и высшего образования.

Исследовательская подготовка той категории молодых людей, которым предстоит работа в сферах производства современного знания, должна иметь в виду перспективную целевую функцию и практическую

реализуемость возможных подходов, а не вообще гуманистическую задачу общественного развития. Такую перспективу может задать проблема инновационного развития страны. Задача ставится как создание оперативных инструментов и мобильных социальных структур, обеспечивающих выявление и воспитание молодой и амбициозной генерации создателей научных новшеств, современной техники и высоких технологий в приоритетных направлениях модернизации экономики. Следовательно, проблема звучит в сугубо прагматичном — социоэкономическом плане, вне гуманистических аллюзий, хотя, несомненно, гуманистические ценности должны присутствовать на уровне личностной системы выстраиваемых отношений.

Редукция необходима, чтобы четко обозначить ожидаемый результат, социальные ресурсы и инструментарий, способный пробиться сквозь систему массового образования, через массив культурных и семейных отношений, в которых неизбежно терпит неудачу любая «социально расплывчатая» реализация. Кроме того, решающую роль в выборе стратегии играют экономические возможности общества (и, естественно, государства). Последние в условиях масштабных реноваций диктуют необходимость жесткого учета средств и распределения их под углом зрения целевой эффективности. В таких условиях, чтобы быть эффективной, система исследовательского обучения должна быть управляемой, предсказуемой, понятной, компактной и обеспечивать: 1) выявление и отбор, 2) подготовку, 3) профессиональное распределение

своих воспитанников. Многолетний опыт показывает неудачу «размытых» стратегий и громоздких структур в условиях инновационного развития социума. Таким образом, речь идет о создании системы локальных точек роста, системы, способной решать задачи макросоциального уровня. Под таким углом зрения следует говорить не просто о поддержке интеллектуально одаренных, а о воспитании группы инновационного прорыва, т.е. группы особо перспективных для инновационной экономики молодых людей. Такая группа имеет абсолютную ценность сегодня и для Сколково, и для обеспечения кадрами наших инногородов.

Термин «одаренный» обладает большим количеством значений как в психологической науке, так и в социальном употреблении. Фокусировка термина необходима, чтобы четко обозначить ожидаемый результат, минимизировать влияние социального капитала, способного массово инкорпорировать в отборочные процедуры «одаренную» посредственность, вычленив в системе массового профессионального образования действительно элитную часть. Оценка одаренности, талантливости, способности есть вопрос психолого-педагогической диагностики уже внутри группы особо перспективных, и ее следует выполнять в отношении профессиональной деятельности, т.е. с ориентацией на исследовательскую, конструкторскую, технологическую, менеджерскую и т.п. ее части. Таким образом, это внутренняя проблема, относящаяся к психологическим и педагогическим аспектам работы с группой, к занятию будущих мест в системе

производства знаний, которая не имеет непосредственного отношения ни к созданию группы, ни к внешним формам ее организации.

Реальная задача отбора не может ставиться как создание инструментария, который позволит увидеть всех перспективных с точки зрения инновационной экономики молодых людей или некое их количество, близкое к понятию «все». В частности, тотальному решению проблемы препятствуют географическая протяженность страны, педагогическая неэффективность и организационные недостатки системы общего образования, равно как и массовость этой системы, а также культурные и социальные различия, которые детерминируют резкие дифференциации таких базовых, в нашем случае, понятий, как «социальная мотивация», «внутренняя ценность творчества», «цель образования», «профессиональный выбор», «карьерные интересы», «средства достижения социального успеха» и т.д.

Следовательно, речь может идти о директивно установленном количестве, которое должно быть определено как из экономических возможностей, так и из инновационной необходимости. В частности, следует наметить профессиональные направления инновационной подготовки и их «веса» в составе группы перспективных молодых людей. Отсюда будет производиться возрастная стратификация группы, где, с одной стороны, следует учесть процессы отсева, уменьшающие ее состав, а с другой — возможности добора, увеличивающие последний.

Таким образом, можно говорить об инструментарии, который позво-

лит увидеть кого-то из перспективных молодых людей и отобрать в количестве, достаточном для формирования и обеспечения полного жизненного цикла группы. При этом следует иметь в виду проблему максимизации качества отбора и минимизацию в перспективе случаев, подобных графену, когда элитные исследователи и актуальное научное направление не нашли поддержки даже на самом высоком уровне. Здесь снова мы имеем дело с прагматическим, а не гуманистическим измерением проблемы.

Вопрос «Как следует отбирать?» прежде всего обращен к культурным реалиям текущей ситуации.

Социальный капитал, необоснованные преференции, системы родства в наши дни составляют доминирующий инструмент академической мобильности в российском образовании. Захват когнитивного статуса и, как следствие, исследовательских ресурсов сегодня является нормой жизни отечественной науки (Карпов, 2007, с. 128–129). Отсюда развиваются процессы профанации профессионального образования и снижения исследовательской продуктивности. Налицо резко увеличивающаяся педагогическая нагрузка, связанная с низким интеллектуальным уровнем учащихся и неуспеваемостью; экономические потери, обусловленные массовым и растущим отчислением. Однако наиболее важно другое: посредственность крадет учебное время и педагогическое внимание у талантливых и одаренных. В таком случае одаренное меньшинство, говорит К. Ясперс, принуждаемо приспосабливаться к сообразительности и интересам

посредственностей (Ясперс, 2006). А ведь именно одаренные должны стать «визитной карточкой» инновационного общества. Кроме того, учитывая высокий уровень социальных издержек в системах управления образованием и наукой, трудно ожидать валидности отборочных процедур, использующих рекомендации высокостатусных фигур, должностные обязанности которых несовместимы с продуктивной научной деятельностью.

Оценка перспективности в деле создания знаний — это комплексная оценка, которая, с одной стороны, может быть получена из результатов личного творчества, а с другой стороны, определяется когнитивными требованиями к разным уровням исполнения работы по производству знаний, причем последние дифференцированы и в отношении разных профессиональных областей. В силу структурной сложности оценки перспективности дело отбора целесообразно выстраивать на основе профессиональных оценок контролируемого этапа творческой деятельности и ее результатов, которые должны дополняться психолого-педагогической диагностикой.

На макроуровне описания целесообразно выделить три периода «жизненного» цикла группы перспективных молодых людей.

Первый этап — отбор. Отбор полагается отнюдь не разовым актом, но протяженным во времени учебно-научным циклом, позволяющим увидеть индивида в творческом труде, оценить (и не раз) его результаты, провести психодиагностические измерения. Краткосрочная стратегия отбора может быть выстроена как

годовой цикл, включающий научные соревновательные процедуры, исследовательские стажировки, креативную практику. Долгосрочная стратегия отбора должна учитывать процессы индивидуального роста личности.

Второй этап — непосредственная подготовка. Он включает часть периода школьного ученичества и период профессионального образования. В школьный период должна предоставляться возможность обучения как в специализированных образовательных учреждениях, созданных для группы перспективных, так и в традиционных массовых школах. Последнее особо важно для детей, которые живут в небольших населенных пунктах (где не могут быть созданы специализированные учреждения) и которые не хотят расставаться с семьей или со своей старшей школой, и . Подобная «личностная» ситуация будет возникать и в крупных городах. Вопрос комфортной «жизненной» среды имеет первостепенное значение для когнитивного роста личности. В этом плане хороший учитель в массовой школе может значить гораздо больше, чем самое идеальное образовательное учреждение. Следует учесть также возможность пополнения группы даже на этапе непосредственной подготовки и, конечно же, неизбежные случаи изменения профессиональной ориентации или специализации.

Третий этап — вхождение в профессиональную среду. Он занимает часть студенческой жизни и определенный период жизни взрослой. Практическая ориентация на эффективно действующие профессиональные коллективы в сферах производства

знаний должна начинаться с первого курса обучения. Оценивая наше сегодняшнее профессиональное образование, следует иметь в виду, что современные формы вхождения студента в инновационную профессиональную практику во многом находятся еще на стадии обсуждения. Возможно, создание университета в Сколково позволит реализовать действительно прорывную модель в этом непростом деле.

Ориентировочно, временные пределы этих трех периодов работы с группой перспективных могут оцениваться следующими возрастными рамками: первый (отборочный) этап — с 9 лет до 14 лет, второй (учебный) этап — с 13 лет до 22 лет, третий (профессиональный) этап — с 18 лет до 28 лет.

Система управления подготовкой группы перспективных должна быть делом отдельной структуры, выделенной как из систем профессионального и общего образования, так и из системы чиновничьего управления наукой. Как инструмент особой государственной важности, эта система управления должна быть вне замкнутых на себя ведомственных, региональных, вузовских и школьных интересов. Она должна стать непосредственной заботой президентского и правительственного внимания. Аргументы с точки зрения социальной и экономической эффективности здесь достаточно очевидны.

Институциональной основой первого этапа являются творческие коллективы школьников и педагогические пары «учитель—ученик» или «наставник—ученик», вовлеченные в практическую исследовательскую

деятельность и исследовательское обучение на базе научных институтов (как это делается в США) или сертифицированных для этих целей предприятий, вузов и школ (последнее более характерно для Европы). Специализированные психодиагностические центры, опираясь на батарею релевантных методик, исключаящих подтасовку, способны реализовать широкий школьный отбор, обращаясь непосредственно к учительскому корпусу. В интересах государства и общества исключить в той степени, в которой это возможно, использование социального капитала, способного массово инкорпорировать посредственность в группу особо перспективных и тем самым фальсифицировать деятельность этой группы и результаты работы с ней. Ущерб воистину будет огромен, поскольку на кону стоит судьба страны. И этот факт делает действительно необходимым специальное обособление системы управления группой перспективных.

Второй этап институционально опирается на базовые структуры, которые в той или иной степени должны сопровождать работу с группой перспективных в течение последующей подготовки. Во-первых, это специализированные образовательные учреждения для школьников, подведомственные системе управления группой перспективных и обслуживающие только ее, а следовательно, государственные интересы. Во-вторых, это система дистанционного тьюторства для детей и молодых людей, включенных в группу, но обучающихся в массовой школе. В-третьих, это университеты, научные институты и предприятия,

сертифицированные и обеспечивающие профессиональную подготовку (здесь система управления группой должна иметь свои права, в частности, право «решающего голоса»). В-четвертых, структура, которая осуществляет научно-методическое обеспечение всей системы обучения, а также подготовку учителей и преподавателей, задействованных в работе с группой перспективных. Несомненно, реализация второго этапа создает простор для образовательных инноваций и просто полезных педагогических идей. Однако и здесь потребуются ограничения, чтобы не упустить из виду главное, поскольку цена вопроса очень велика.

Третий этап, который относится к профессиональной сфере, институционально продолжает второй. Однако главная его функциональная особенность — создание временных молодежных и творческих коллективов для решения актуальных в научном и инновационном плане задач. Такого рода эффективный инструмент инновационного развития давно используется западной наукой, которую делают очень молодые люди.

Имея в виду альтернативные возможности, проведем оценку иных подходов, культивируемых нашим педагогическим ведомством.

В настоящее время получили развитие новые образовательные инструменты работы со школьниками, а именно система вузовских олимпиад и программа «Наша новая школа». Однако и то и другое представляется неподходящей опорой для достижения реальных результатов в деле подготовки современных исследовательских кадров, и вот почему.

Олимпиады — очень познавательный узкий инструмент как в смысле способов оперирования со знанием, задействованных методов обучения, так и в возрастном плане. Олимпиады когнитивно комфортны далеко не каждой творческой личности; они в научном и исследовательском смысле формальны, так как исключают совместный со взрослыми познавательный поиск. В наше «исследовательское» время олимпиады, следует признать, не аутентичны образовательным требованиям, которые формулирует инновационная стезя общества. Опыт многих специалистов говорит о том, что в олимпиады практически невозможно эффективно встроить «исследовательскую» часть. К сожалению, сегодня олимпиадное движение дискредитировано вузовскими олимпиадами, которые видят в них только инструмент набора, но не развития творческой личности.

Относительно программы «Наша новая школа» необходимо иметь в виду, что она есть в первую очередь инструмент развития массовой школы, общий инструмент образования всех, т.е. очень гуманистический и нацеленный на каждого школьника инструмент. В то же время научное творчество — это прежде всего опора на специальные методики, специализированные учебные заведения и профессиональные институты общества; т.е. опора на особые способы работы со знанием и на специальные компетенции, причем опора с очень раннего возраста. Такое, кстати говоря, невозможно обеспечить и ни в каком «олимпиадном» движении.

Следует отметить, что образовательные технологии, разработанные

для талантливых, — это почти всегда образовательные технологии двойного назначения, поскольку возможна их редукция «для всех», конечно, в некотором методически ограниченном плане.

Изложенная здесь позиция относительно модели исследовательского обучения исходит из того, что, во-первых, это стратегически важная для нашего общества проблема; во-вторых,

она требует разработки новых образовательных методов и создания специализированных учебных заведений, готовящих перспективных с точки зрения науки и инновационной экономики молодых людей; и в-третьих, переводит работу с творческой молодежью вообще в плоскость хорошо просматриваемой системы практических действий, способных дать быстрый эффект для молодежи «научной».

Литература

Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 40–52.

Бакстер Р. Служение, в котором мы нуждаемся. СПб.: Мирт, 2005.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.

Кайпер А. Христианское мировоззрение: Лекции по кальвинизму. СПб.: Шандал, 2002.

Карпов А.О. Общество знаний: механизмы деконструкции // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 127–132.

Карпов А.О. Общество знаний: слабое звено // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 7. С. 616–622.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006.

Оуэн С.У. Жизнь Ричарда Бакстера // Бакстер Р. Служение, в котором мы нуждаемся. СПб.: Мирт, 2005. С. 77–126.

Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Шадриков В.Д. Введение в психологию: Способности человека. М.: Логос, 2002.

Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М.: Издательская корпорация «Логос», 1994.

Ясперс К. Идея университета // Топос. Минск: Центр исследований по философской антропологии Европейского гуманитарного университета, 2006. № 3. С. 8–25.

Barker P., Goldstein B.R. Theological foundations of kepler's astronomy // Science in theistic contexts. Chicago, IL: Osiris, 2001. Vol. 16. P. 88–113.

Doll W.E. A Post-modern perspective on curriculum. N.Y.; L.: Teacher College Press, Columbia University, 1993.

Mackenzie J. Science education after postmodernism // D. Carr (ed.). Education, knowledge and truth: Beyond the postmodern impasse. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 53–67.

Mathews S. Scientific management in the churches. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1912.

Rice J.M. Scientific management in the education. N.Y.: Arno Press, 1969.

Персонология

«ПРИНЦИП ОППОЗИЦИЙ» В ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.Н. ИСАЕВА

Исаева Анастасия Николаевна — магистр психологии, преподаватель кафедры психологии личности НИУ ВШЭ. Научные интересы — развитие психологии жизни и жизненных отношений личности, культурной психологии личности, современной персонологии, связанных с именами С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Петровского. Имеет 14 научных работ, посвященных теории и практике отношений личности к противоречиям жизни.

Контакты: aisaeva@hse.ru

Резюме

Статья посвящена принципу оппозиций как персонологическому способу познания личности, имманентному европейскому мышлению и концептуально обоснованному в философской диалектике, глубинной психологии и теории жизненных отношений личности Е.Б. Старовойтенко. Принцип оппозиций рассматривается в структуре общей персонологии в аспекте его потенциалов постановки и разработки новых проблем познания личности через различные формы синтеза теории, герменевтики и практики персонологии. Различаются онтологический, гносеологический и рефлексивно-феноменологический «модусы» существования оппозиций жизни личности. В работе представлены результаты герменевтического исследования отношения личности к оппозициям жизни. Описаны интуитивные приемы личности в обращении с оппозициями, реконструированные на материалах европейских и русских волшебных сказок. Обозначена проблематика Я как субъекта отношений к оппозициям жизни.

Ключевые слова: *персонология, оппозиции, противоречие, жизненные отношения личности, Я, волшебные сказки, интуиция, рефлексия.*

Одной из основополагающих задач персонологии является развитие интегральных парадигм, в которых может осуществляться синтез идей и знаний, представленных в различных теориях и концепциях личности, практико-ориентированных направлениях психологии, в философских текстах и культурных источниках (Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2010а).

Полагаем, что одним из решений этой задачи может выступать развитие в персонологии «принципа оппозиций» как такого подхода к пониманию личности, который, во-первых, предлагает способы диалектического познания личности (Старовойтенко, 2001, 2004; Юнг, 2001), во-вторых, обладает потенциалом интеграции существующего знания о личности через пронизывающий индивидуальную жизнь феномен «оппозиций» (и, соответственно, «коллизий», «противоречий», «конфликтов»), в-третьих, имплицитно реализуется в множестве консультативных и психотерапевтических практик (К. Юнг, А. Минделл, Ф. Фарелли, Э. Берн, К. Роджерс) и, в-четвертых, включает в себе потенциал построения интегральных моделей диалектического самопознания и развития личности в консультативном процессе.

Оппозиции — это противостоящие, асинхронные, несовпадающие или противоположные моменты индивидуальной жизни, отмеченные в своих отношениях индивидуальной значимостью. Оппозиции могут вступать в коллизии и конфликты, которые становятся объективными условиями индивидуальной жизни. В качестве познавательного «принципа» связи между оппозициями

были осмыслены в глубинной психологии (К. Юнг) и теории жизненных отношений личности (Е.Б. Старовойтенко). В теории К. Юнга взаимодействие оппозиций структуры личности получает название «энантиодромии» («противоположный бег») (Юнг, 2001), становится основополагающим принципом динамики индивидуальной души (там же) и имеет свой культурный эквивалент в символе Абраксаса (Jung, 2009). В теории жизненных отношений Е.Б. Старовойтенко оппозиции выступают объективным условием и динамическим контекстом реализации жизненных отношений личности, а способность личности вставать в отношение к ним — определяющим условием индивидуальной жизни (Старовойтенко, 2004).

Задачами данной работы являются осмысление «принципа оппозиций» в структуре общей персонологии (Петровский, Старовойтенко, 2012), попытка определения онтологического, гносеологического и «рефлексивно-феноменологического» (Е.Б. Старовойтенко) статусов «оппозиций» в жизни личности и описание путей построения персонологических моделей отношений личности к оппозициям жизни.

«Принцип оппозиций» в структуре общей персонологии

Общая персонология (Петровский, Старовойтенко, 2012) развивается во взаимосвязях фундаментальной, практической и культурной психологии личности. В.А. Петровский и Е.Б. Старовойтенко предлагают четыре проекта общей персонологии, возникающих на стыках этих на-

правлений: фундаментальная, консультативная, культурная персонология и персонология самополагания. В рамках первого проекта — фундаментальной персонологии — осуществляется синтез практической и культурной психологии личности с целью обогащения теоретического знания о личности. Второй проект — консультативная персонология — обращен к связям теории и герменевтики психологии личности в их психопрактических потенциалах. Третий проект — культурная персонология — развивается на основе интеграции фундаментального знания о личности и психологической практики. В четвертом проекте — персонологии самополагания — сходятся воедино теория, герменевтика и практика в аспекте их целостного влияния на жизнь самого персонолога.

Полагаем, что «принцип оппозиций» обладает потенциалами синтеза и развития персонологического знания о личности в рамках всех предложенных проектов. Наметим эти потенциалы, следуя логике В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко в изложении идеи персонологии.

В теоретической психологии личности оппозиции представлены в категориях противоречия (К. Юнг, А. Минделл, Э. Эриксон, Дж. Келли, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, Е.Б. Старовойтенко, Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко), коллизии (Е.Б. Старовойтенко), конфликта (З. Фрейд, К. Юнг, О. Фенихель), диссонанса (Л. Фестингер), дихотомии (Э. Фромм, С.Л. Рубинштейн). Также это категории, потенциально вмещающие оппозиции, теории противоречий и конфликтов, теории оппозиционных

структур личности и психологические теории, содержащие имплицитное знание о феномене асинхроний, рассогласований и противостояний различных содержаний психической жизни.

В практической психологии личности представляют интерес множество эмпирических оппозиций и коллизий индивидуальной жизни, игра оппозиций речи и языка, имплицитные оппозиции консультативного процесса (перенос и контрперенос, сопротивление и диалог, оппозиции границ и ответственности), оппозиционные структуры практико-ориентированных моделей личности, оппозиции в структуре консультативных техник («Техника второго стула» в гештальттерапии, «Парадоксальная интенция» в логотерапии, конфронтация в рожерианском подходе, провокации Ф. Фарелли и т.д.).

В культурной психологии личности оппозиции имеют существенное значение в герменевтике юмора, парадокса, сказки, мифа, исповеди, описания противоречий эго-героя.

Различные формы синтеза практического и герменевтического знания об оппозициях позволяют наметить новые перспективы персонологических исследований. Например, сопоставление индивидуальной «техники» нагнетания оппозиций Дж. Кардано (Исаева, 2011) с целью высвобождения творческого потенциала (герменевтика) и метода парадоксальной интенции, практикуемого для освобождения от навязчивых страхов (практика), ставит перед нами вопрос об общепсихологических механизмах раскрытия жизненных потенциалов личности через ее обращение

с оппозициями Я. Этот вопрос в контексте фундаментальной психологии личности может быть сформулирован как научная проблема, подлежащая экспериментальному исследованию. Также ранее созданные теории личности могут раскрываться как замысленные в «персонологической традиции». Так, например, синтез повторяющихся контуров жизненных коллизий клиентов и их культурных эквивалентов в мифе и сказке позволил К. Юнгу ввести в психологию категорию архетипа и предложить фундаментальную теорию личности, в основе которой лежит принцип противоположностей душевной жизни.

Фундаментальные теории противоречий и конфликтов личности содержат имплицитные основания и параметры для построения герменевтических процедур с целью изучения оппозиций жизни на материалах культуры. В свою очередь, герменевтика оппозиций личности в текстах культуры обладает потенциалом построения практик психологической работы с оппозициями жизни в рамках консультативной персонологии. Примером такого синтеза фундаментальной теории и герменевтики является практико-ориентированный «Метод самообобщения» Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, 2004), в основе которого лежат культурные способы обращения личности с этическими оппозициями жизни. В свою очередь, теоретические модели оппозиций познания и дуальных операций мышления (Старовойтенко, 2001) содержат потенциалы герменевтики как системы постижения оппозиций жизни в рефлексивных текстах (А. Августин, Н.А. Бердяев,

Л.Н. Толстой и др.). Подобного рода исследования позволяют эксплицировать из текстов самопознания, вошедших в «золотой фонд» культуры, нетривиальные способы отношений личности к своим противоречиям и элиминированные в культуре приемы и практики диалектического самопознания, — с целью их «возвращения» личности в консультативном процессе для развития ее зрелого и творческого отношения к себе и своей жизни (Исаева, 2011).

Синтез теоретических и практических моделей оппозиций познания и самопознания личности в герменевтике позволяет исследовать культурогенез оппозиций как феномена сознания и рефлексии личности, выявить постоянные и развиваемые в культуре характеристики отношения личности к жизненным коллизиям, найти психологические функции и определить роль «овладения» личностью оппозициями жизни, познания и рефлексии в формировании ее Я. Применение этих моделей в герменевтике мифов и волшебных сказок разных народов мира позволяет выявить кросс-культурную специфику отношения личности к проблемам жизни и реконструировать обращенные в персонологическую практику культурно-психологические модели отношений личности к присущим ей противоречиям (Исаева, 2010).

Исследования в русле культурной персонологии способны восполнить дефициты фундаментального и практического знания о личности в аспекте ее отношений к противоречиям жизни. Примером синтеза персонологического знания о личности посредством «принципа оппозиций» является

модель гендерной типизации личности Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, 2007), выполненная на основе психологических, философских и культурных источников и выстроенная по принципу бинарности культурно-психологических содержаний. В данной модели реконструированы закрепленные в культуре бинарные параметры гендерной идентичности и самоидентичности личности.

В персонологии самополагания сходятся воедино теория, герменевтика и практика оппозиций — в аспекте их целостного освоения персонологом. В рамках данного проекта «принцип оппозиций» может стать инструментом мышления персонолога в его «практике жизни» и «практике себя» (Старовойтенко, 2010б), творческим приемом его академического, практического, рефлексивного поиска знания о личности и интегрирующим центром этого знания.

Онтология, познание и индивидуальное проживание оппозиций

Проблематика оппозиций обширно представлена в гуманитарном знании и активно разрабатывается в рамках фундаментальной теории. Однако анализ философских и психологических текстов выявляет «многомодусный» взгляд исследователей на оппозиции, и перед нами вырисовывается методологическая проблема определения источников порождения оппозиций — индивидуально-личностного, когнитивного или жизненного.

В трудах З. Фрейда, К. Юнга, М.Л. Франц рассматриваются оп-

позиции сознательно-бессознательной жизни личности; Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко рассматривают оппозиции личности и Я-позиций; Э. Фромм выделяет оппозиции базовых дихотомий человеческой жизни; Е.Б. Старовойтенко предлагает онтопсихологическую модель оппозиций жизненных отношений личности. В вышеозначенных подходах оппозиции рассматриваются как образующие структуры личности или ее бытия, что указывает на онтологический «модус» существования оппозиций. В трудах Ю.М. Лотмана, В.В. Иванова, Т.Н. Непшекуевой бинарные противоположности имманентны человеческому мышлению и опосредуют процессы индивидуального познания мира; в традиции диалектической логики (Г. Гегель, Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков) способность индивидуальной мысли оперировать оппозициями определяет ее познавательные возможности; Е.Б. Старовойтенко предлагает модель дуальных операций мышления, обращенных к противоположностям в объекте познания и определяющих способность личности создавать новое знание о мире. В данном случае оппозиции рассматриваются как имплицитные структуры мышления и представлены в гносеологическом «модусе». Согласно концепции когнитивного диссонанса Л. Фестингера, личность сталкивается с необходимостью выбора между двумя оппозициями жизни, представленными в ее сознании и опосредованными ее потребностями и мотивами; в периодизации жизни личности Э. Эриксона каждый возрастной кризис завершается «глубинным выбором» личности между двумя

противоположными Я-позициями, представленными определенными «жизнесостояниями» (Старовойтенко, 2001); в трудах школы С.Л. Рубинштейна (Абульханова-Славская, 1983; Рубинштейн, 2012; Старовойтенко, 2010а, 2004; Старовойтенко, Исаева, 2010) рассматриваются оппозиции жизни и жизненных отношений как непосредственно проживаемые личностью в качестве противоречий, порождающих рефлексивную и деятельно-практическую активность личности. В данном случае оппозиции представлены в рефлексивно-феноменологическом «модусе» (Старовойтенко, 2011) существования.

Здесь возникает проблема корректного соотношения онтологического, гносеологического и рефлексивно-феноменологического «модусов» существования и изучения оппозиций. Решение данной проблемы мы находим в текстах С.Л. Рубинштейна, утверждавшего онтологический статус сознания и деятельности (Абульханова, 2011). Кроме того, в разрешении этой проблемы можно наметить контуры отношений личности к оппозициям в структуре ее жизненных отношений.

1. Познавательному отношению личности к миру предшествует чувственное восприятие действительности, возникающее за счет столкновения практической активности человека и сопротивления объектов практики. Личность встает в оппозицию миру (или встречает оппозиционность мира себе), прежде чем начинает познавать его.

2. В существующей оппозиции «Я—Другое» зарождается познавательная активность личности, опосредованная индивидуальными по-

требностями и мотивами. «Исходное утверждение бытия <...> — это взаимоотношение человека с тем, что ему противостоит, во что он “упирается”, с чем он сталкивается как с препятствием, что он находит как материал и т.д.» (Рубинштейн, 2012, с. 22).

3. Индивидуальное сознание различает в объекте, данном ему как «другое», чувственные оппозиции в категориях «большое-маленькое», «светлое-темное», «легкое-тяжелое», «приятное-неприятное», «полезное-вредное» и т.д. Уже на данном этапе устраняется разрыв между сознанием и объектом сознания: «явление на самом деле выступает не как завеса, а как обнаружение сущего — его внешний план — первое в сущем, что открывается познанию (“поверхность” явлений)» (там же, с. 50); в свою очередь, «воспринять — значит, по существу, онтологизироваться» (там же, с. 29). Т.е. различаемые оппозиции одновременно принадлежат и объекту, и индивидуальному сознанию — они являются и характеристикой объекта, и имплицитной моделью познания.

4. Оппозиции, данные непосредственному чувственному восприятию личности, представляют собой «суммарный результат» скрытой динамики объекта. Эта «эксплицитная поверхность явления» становится основой для индивидуального познания и мысленного установления скрытых от чувственного восприятия связей и отношений между оппозициями объекта. Данные отношения означиваются в логико-понятийную форму и представляют собой существенные характеристики и свойства объекта, в которых, в свою очередь, мышление может улавли-

вать новые оппозиции и, устанавливая отношения между ними, продвигаться в своем раскрытии имплицитного бытия объекта.

Таким образом, оппозиции могут выступать одновременно и «инструментом» познания жизни, и онтологическим свойством индивидуальной жизни.

5. Оппозиции, различимые индивидуальным Я в объектах и процессах мира, непосредственно проживаются им как жизненная реальность. Различимые посредством функций восприятия, ощущения, переживания, мышления, интуиции, оппозиции внешнего мира опосредуются индивидуальными значимостями, потребностями, мотивами личности через их соотнесение с Я.

6. Переживаемые индивидуальным Я оппозиции «значимого-незначимого», «влекущего-отталкивающего», «побуждающего-фрустрирующего», «моего-чужеродного» и т.д. становятся основой формирования устойчивых внутренних объектов, «принадлежащих Я». А способность личности к рефлексии внутренних объектов в координатах множества бинарных противоположностей определяет дифференцированность и многомерность феноменологического плана жизни. Феноменологически проживаемые оппозиции, тем не менее, сохраняют свой онтологический статус: «Мыслимое бытие — это тоже бытие, а не мысль, и это — бытие не только в качестве мыслимого; осознаваемое бытие — это также бытие, а не только сознание» (там же, с. 6).

7. Индивидуальное Я обретает способность к различению оппозиций «моих значимостей», «моих отношений», «моей жизни» и экс-

пликации реальных противоречий индивидуальной жизни, ставших условиями реализации жизненных отношений личности. Данная активность Я направлена на оппозиции рефлексивно-феноменологического плана жизни.

Поскольку «Я и для самого себя, и объективно выступает первично не как абстрактный субъект познания, а как конкретная реальность человека» (там же, с. 7), рефлексивно-феноменологический модус существования оппозиций также входит в онтологию человеческой жизни. Более того, именно рефлексивно-феноменологическое обращение личности с оппозициями заключает в себе потенциал ее действия и поступка, направленных на воссоздание и конструктивные изменения индивидуальной жизни.

Таким образом, в обращении личности с оппозициями три «модуса» их существования оказываются вложенными друг в друга. И в их пересечениях (в «модальных превращениях» оппозиций) обнаруживаются связи индивидуального сознания с культурой и его онтологическая укорененность в бытии. Выявляется личность в ее «связях с жизнью» (Е.Б. Старовойтенко) — как проживающая свою жизнь в оппозициях, порождающая оппозиции жизни и воссоздающая жизнь через индивидуальное отношение к оппозициям. Во взаимодействиях онтологических, гносеологических и рефлексивно-феноменологических оппозиций личность выявляется как источник диалектического познания, проблематизации жизни и значимых изменений бытия.

Оппозиции в онтологическом «модусе» — это оппозиции мира и

бытия, объективные оппозиции жизни и жизненных отношений личности, оппозиции структурных образующих личности (выявляемых в коллизиях ее отношений). В гносеологическом «модусе» — это освоенное индивидуальным мышлением (через язык, культуру, других) множество бинарных противоположностей мира и жизни, ставшее моделью познания и самопознания личности. Оппозиции в рефлексивно-феноменологическом «модусе» существования — это пронизанные значимостью оппозиции индивидуальной жизни, соотнесенные с Я и «преображенные» индивидуальным Я во внутреннем плане жизни.

Так, например, бинарные противоположности гендера в онтологическом «модусе» существуют как «мужское» и «женское» в личности, в гносеологическом — как различие и поиск соотношений «мужского» и «женского» в личности, в рефлексивно-феноменологическом «модусе» — «мое мужское» и «мое женское».

Это определение трех «модусов» существования оппозиций в рамках теоретической персонологии необходимо для различения оппозиций как образующих моделей познания личности и реальных свойств личности, содержаний индивидуальной жизни, к которым обращены эти модели. В консультативной персонологии — для различения индивидуально проживаемых клиентом жизненных противоречий и объективно существующих оппозиций его жизни, которые доступны взгляду консультанта и становятся доступными клиенту в диалоге с ним и в диалектическом самопознании. В культурной персо-

нологии — для различения оппозиций, имманентных культурному канону обращения личности к себе, и запечатленных в текстах культуры отношений личности к реальным оппозициям и проблемам жизни. В персонологии самополагания — для различения приемов познания мира в оппозициях и укорененных в культуре бинарных параметров самоидентичности личности и т.д.

Персонологические модели отношения личности к оппозициям жизни

Данный раздел посвящен описанию результатов проведенного нами исследования в рамках персонологического проекта В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Культурная персонология». Как уже было отмечено ранее, одной из перспектив «принципа оппозиций» в русле культурной персонологии является разработка культурно-психологических моделей отношений личности к своим противоречиям. В данном разделе представлены культурно-психологические модели интуитивного обращения личности с оппозициями жизни, реконструированные на материалах волшебных сказок. Аналитическим материалом выступили сказки народов Греции, Италии, Франции, Испании, Португалии, Англии, России.

Волшебная сказка — это текст об изменениях Я, которые стали результатом его собственной активности, направленной на вставшие перед Я значимые оппозиции жизни. Герой волшебной сказки олицетворяет «личное начало» человека, его действительность в «сюжете жизни», он может рассматриваться одновременно

как активное Эго в глубинных включениях, как субъект отношений к оппозициям и проблемам жизни и как культурный герой, выражающий в своих отношениях специфические черты своей культуры.

Экспликация оппозиций жизни, их динамики и культурной специфики отношений личности к ним осуществляется при тонком сочетании глубинных и рациональных методов. Используются идеи фундаментальной психологии о противоречиях и конфликтах личности (З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Л. Фестингер, С.Л. Рубинштейн, Е.Б. Старовойтенко), приемы аналитической работы с символическими текстами (К. Юнг, М.Л. Франц, К.П. Эстес), метод анализа волшебных сказок (В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский), метод сгущения паттернов оппозиций (Е.Б. Старовойтенко), модели герменевтики текстов культуры (Е.Б. Старовойтенко).

Герменевтическая модель анализа текста содержит следующие шаги.

1. Определение структурных единиц сюжета, вступающих в контрастные отношения — находящихся в отношениях противостояния, противоборства, подавления одного другим, препятствования-преодоления, избегания-настигания, обращений одного в другое, обнаружений одного в другом и т.д.; извлечение процессуально-динамической специфики взаимодействия этих оппозиций.

2. Определение действенных противоположностей сюжета: мужского-женского, доброго-злого, богатого-бедного, сильного-слабого, величественного-посредственного и роли их взаимодействий в разрешении ключевой проблемы сюжета.

3. Определение символического значения оппозиций сюжета.

4. Определение ключевых оппозиций, формирующих проблему Эго-героя и вовлекаемых в ее развитие.

5. Реконструкция динамики отношений между этими оппозициями.

6. Реконструкция специфики активности личности, определяющей динамику отношений между оппозициями.

7. Реконструкция психологического контура ситуации обращения личности с оппозициями жизни.

8. Экспликация динамики Эго-героя в его обращении с оппозициями сюжета и символическое значение этих трансформаций в обращении личности с оппозициями.

9. Определение способа достижения героем гармонии исходных оппозиций сюжета — разделение противоположностей и их автономное развитие, разрушение одной оппозиции другой, воссоединение и достижение новой целостности и т.д.

10. Определение характерных способов разрешения противоречий и экспликация конкретных отношений личности к оппозициям и проблемам жизни.

Далее в статье представлены модели интуитивного отношения личности к своим оппозициям, эксплицированные из европейских и русских народных сказок.

Личности европейской культуры имманентно спонтанное, свободное, мастерски вариативное обращение с оппозициями. В европейских сказках непрерывно сменяют друг друга череда жизнесостояний героев, ситуаций и обстоятельств. Для этих сказок характерны обращения объектов в

свои противоположности и обретение ими новых оппозиций, решение проблемы через зарождение и обнаружение в объектах альтернативных свойств, еще бóльшая контрастность противоположностей в объектах через попытки уравнивать их, сплочение конфликтующих оппозиций в достижении единой цели, встречная активность оппозиций, динамика которой протекает в континууме отделения — развития — противоборства — гармоничного взаимодействия — воссоединения на более высоком уровне. Героем европейской сказки становится тот, кто способен различать оппозиции и обращаться с ними, — ему предстоит выдерживать противоречия и разрешать их, развивая до конфликта, вовлекать в противоречие других, вызывая их на развивающие поступки, доверять критической напряженности оппозиций и овладеть искусством парадокса. Активность действующих оппозиций настолько сильна, что роль Эго в одном сюжете может переходить от героя к герою, разбивая его линию на несколько восходящих к инициации героических путей. Европейская культура — это культура радио, подпитываемого мощной интуицией. Европейская интуиция, запечатленная в народных сказках, обладает неисчерпаемым потенциалом всевозможных форм обращения с оппозициями жизни. В сказках народов Европы оппозиции динамично сменяют друг друга: богатые облачаются в бедняков, девушки одеваются в мужское платье, дочери уходят на войну вместо отцов, юноши забывают возлюбленных в материнских объятиях, провоцируя спонтанную женственность брошенной невесты,

вселяющие ужас создания бросаются на помощь людям, и ради простого крестьянина солнце взойдет с севера, если так распорядится его судьба.

Распространенным «мотивом» европейских сказок становится активность Эго, направленная на различение противоположного, гармонизацию оппозиций и достижение единой целостности через их обоюдное развитие. Характерными приемами европейской личности в интуитивном обращении с оппозициями жизни являются:

- найти в тождестве начала оппозиций и различить противоположности через их автономное развитие;

- выдерживать до последнего оппозицию известного и тайного, позволив скрытому свободно проявить себя;

- активно стимулировать нарождающиеся оппозиции и развивать их до открытой конфронтации;

- удерживать критическую интенсивность конфликта до прорыва и высвобождения скрытых жизненных потенциалов оппозиций;

- определять вновь возникающие тождества и противоположности в динамично становящихся оппозициях;

- идти от подавления и взаимоисключения оппозиций к их продуктивному взаимодействию;

- установить между развитыми дуалами новые отношения, потенцирующие возникновение новых оппозиций и противоречий жизни.

Наиболее близка к европейской русская культура, однако ей присуща своя специфика отношений личности к жизненным оппозициям. Основное отношение между оппозициями —

это конкуренция, противоборство, противостояние, конфликт. Для русских народных сказок характерно извлечение самого богатого потенциала из самых слабых и не подающих надежд оппозиций, которым противостоят более сильные, могущественные герои, существа, предметы. Проявлять свою силу «слабые» оппозиции начинают в отношениях борьбы и, как правило, в критических ситуациях. Героями этих сказок часто становятся девки-чернавки, нелюбимые падчерицы, дураки, заморыши, младшие братья; им предстоит различать доброе и злое, ресурсное и разрушительное, покрытое флером величия и обладающее тайной силой, способное к служению и опасное предательством. И если в европейских мифологических текстах все исходные оппозиции проходят свой путь развития и становятся единым целым, оказываясь созданными друг для друга, то в русской сказке настоящим героем может стать только один, остальные будут изгнаны, погибнут или останутся ни с чем. Русский герой постоянно противостоит внешним обстоятельствам, пребывает в непрерывной борьбе за право инициации, и на этом пути руководящими принципами для него становятся позиции добра, истины, служения, справедливость и авторство подвига.

Русский герой — это Эго, овладевающее искусством обращения с сознательно-бессознательной оппозицией жизни. Он отправляется в глубинное путешествие, в котором ему предстоит встретиться с могучей первозданной природой — хранительницей тайны жизни и смерти, скрытых жизненных ритмов — Ба-

бой-ягой. Герой европейских сказок спасает из дома ведьмы братьев, сестер, жену и бежит сам, и только русский герой живет у Бабы-яги, служит ей и выведывает ее тайны. Во взаимодействии с бессознательными силами личности помогает интуиция, требующая активных вкладов сознания. Она представлена в символах говорящего коня или волка в «мужском» сюжете и куколки, оставленной матерью, — в «женском».

Таким образом, в русских народных сказках проступает яркая культурно-специфичная оппозиция сильных бессознательных связей личности с жизнью и активного социально ориентированного радио, баланс которой достигается овладевшим интуицией и бесстрашно рефлексирующим Эго. Динамика сознательно-бессознательных оппозиций личности русской культуры имеет следующую специфику.

– Глубинная динамика личности вовлекается в конфликтные отношения с сознанием в случаях возрастных кризисов, заброшенных социальных функций личности, нивелирования личностью роли глубинной жизни, обостренных внутренних и социальных конфликтов.

– Ресурсы бессознательного открываются в одиночестве и страхе, в «темной ночи души», при интуитивном доверии личности к своей глубинной природе.

– Интуиция нуждается в непрерывных вкладах индивидуального сознания и в кризисных ситуациях оказывается продуктивнее рационального осмысления проблемы.

– Нечуткость личности к противоречиям рациональной мысли и интуитивного чувствования в конечном

итоге приводит Эго к деструктивным влияниям бессознательного.

– Гармонизированные рациональные связи личности с жизнью активно подпитываются ее иррациональными формами.

– Агрессивная рефлексия разрушает творческие связи личности с бессознательным, и они приобретают латентную форму.

Для русской культуры характерна провоцирующая оппозиции личностная активность — часто импульсивная или чрезмерная, несоразмерная объективным условиям жизни или опережающая время внутренних процессов личности. Героям русских сказок часто бывает трудно выдерживать напряжение оппозиций, и они сами порождают новые противоречия своим нетерпением, любопытством или желанием обладать. Например, в сказке «Царевна-лягушка» акт сожжения лягушачьей кожи символизирует вторжение сознания в таинство глубинных процессов — от нетерпения, и невеста героя — анима, создающая символические формы жизни, — отправляется за тридевять земель (Франц, 2007). В европейской культуре (у народов Италии) есть аналог этой сказки — «Обезьяний дворец». В этом сюжете герой терпеливо ждет превращения в принцессу своей невесты-обезьяны. И если Эго европейской личности проходит путь выдерживания, принятия, познания и интеграции, то в русском варианте этого сюжета Эго возвращает себе творческую часть души через глубинное путешествие.

Для интуитивного отношения, запечатленного в русских волшебных сказках, характерна парадок-

сальная динамика обращений личности с оппозициями жизни:

– различить в тождестве те оппозиции, где активная оппозиция подавляет более слабую, внешне ригидную;

– установить отношения конкуренции и противоборства между оппозициями, развивая активную оппозицию и обнаруживая еще больший регресс слабой;

– довести расхождение развития-регресса оппозиций до критического уровня, чтобы слабая оппозиция проявила скрытые потенциалы, как правило, в причудливых и самобытных формах;

– облечь проявления слабой оппозиции в социально-продуктивную форму, чтобы она превзошла другую в своем развитии и стала новой творческой формой воссоздания личности жизни;

– различить в себе оппозиции запущенных глубинных потенциалов и рационально поддерживаемых жизненных форм;

– инициировать критически деструктивную ситуацию, запрашивающую глубинной активности. В ней полностью отмирает рациональная оппозиция личности, а глубинная перерождается в новом Эго-сознании;

– разрушить невыносимую оппозицию известного и тайного активной экспансией мышления и рефлексии;

– для регресса оппозиций Я рационально имитировать глубинные формы активности;

– ликвидировать оппозицию своему Я через поиск, различение и разрушение в ней противоположности ее определяющему качеству.

С точки зрения глубинной психологии, текст волшебной сказки повествует о Герое — Эго-сознании, разворачивая в каждом событии сюжета архетипику его пути, ведущего к индивидуации. Выявленные культурно-специфические приемы обращения личности с оппозициями, запечатленные в символах сказки, позволяют герою разрешить значимую проблему его жизни и обрести новую идентичность.

Эти приемы обретают свое прагматическое значение при рассмотрении их в контексте эмпирической реальности индивидуальной жизни. И если в «архетипической истории души» речь идет об обращении Эго-героя с оппозициями, то в контексте рассмотрения противоречий и проблем индивидуальной жизни встает вопрос об отношении (Старовойтенко, 2004, 2010а, б) личности к оппозициям жизни. Действительным «героем» этого отношения становится индивидуальное Я как источник, «эпицентр» и субъект отношений личности к жизни (Рубинштейн, 2012; Старовойтенко, 2004, 2010б, 2011). Перспективами дальнейших исследований могут стать проблемы динамики Я в отношении личности к оппозициям жизни. Например, представляет интерес следующий континуум: Я, вовлеченное в оппозиции жизни, — Я, вставшее в отношение к оппозициям жизни, — Я, разрешившее конфликт значимых оппозиций жизни. В результате этих трансформаций Я обращается в свою противоположность — становится состоявшимся Я по отношению к тому Я, к потенциа-

лам которого обращены вовлекающие его значимые оппозиции жизни.

Также представляют интерес проблемы свойств и качеств Я — или «способностей Я (Рикер, 2008; Старовойтенко, 2010б), необходимых для развития отношения личности к оппозициям жизни. Речь идет о следующих «способностях»:

– способности Я к различению, переживанию, интуиции, рефлексии оппозиций жизни и его способность к самоопределению в оппозициях;

– способность Я выдерживать напряжение судьбоносных конфликтов жизни и удерживать собственную целостность в критически расходящихся значимых оппозициях жизни;

– способность Я сохранять и выдерживать направленную на оппозиции активность, в том числе парадоксальную;

– способность Я осуществлять переход через «жизненные границы» (В.А. Петровский) с целью его самовоплощения в качестве обновленного Я.

Принцип оппозиций в персонологии может выступать интегрирующим принципом, который позволяет через разные формы персонологического синтеза фундаментальной, культурной и практической психологии личности обнаруживать и формулировать новые проблемы познания личности. Принцип оппозиций располагает методологическими и инструментальными способами разработки этих проблем, которые позволяют получать знание о личности, обращенное в консультативную персонологическую практику и практику самополагания персонолога.

Литература

Абульханова К.А. Онтологический подход С.Л. Рубинштейна в методологии изучения личности и субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 62–80.

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.

Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963.

Иванов В.В. К семантической типологии производных от числительного «два» // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 101–111.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.

Исаева А.Н. Герменевтика отношения личности к оппозициям жизни // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 133–143.

Исаева А.Н. Культурно-психологические модели отношений личности к противоречиям жизни // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики: Сборник докладов IV Международной научной заочной конференции (Липецк, 21 августа 2010 г.) / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Типография «Липецк»; Издательский центр «Дефакто», 2010. С. 139–146.

Лотман М.Ю. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб.: Искусство СПб, 1998.

Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. 1991. № 10. [Электронный

ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Article/melet2.php

Нетишекуева Т.С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен: Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2003. С. 20–30.

Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21–39

Протт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009.

Рикер П. Я — сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 62–75.

Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.

Старовойтенко Е.Б. Модель персонологии в парадигме жизни // Мир психологии. 2010а. № 1. С. 157–172.

Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная транспектива // Мир психологии. 2010б. № 4. С. 13–25.

Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект, 2004.

Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект, 2001.

Старовойтенко Е.Б., Исаева А.Н. Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. 2010. № 2. С. 23–24.

Франц М.Л. Толкование волшебных сказок. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://jungland.ru/node/1996>.

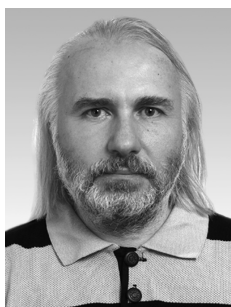
Юнг К. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.

Jung C.G. The Red Book: Liber Novus. Philemon Series & W.W. Norton & Co, 2009.

Интердисциплинарные исследования

КРИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ: СОЦИЕТАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

А.Б. ОРЛОВ, Н.А. ОРЛОВА

Орлов Александр Борисович — профессор кафедры психологии личности факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, руководитель магистерской программы «Исследование, консультирование и психотерапия личности».
Контакты: aorlov@hse.ru

Орлова Наталия Александровна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии факультета гуманитарных наук МФТИ, старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО.
Контакты: n.orlova@newmail.ru

Резюме

В статье представлен вариант психолого-социологической проекции предмета критической психологии, которым видится не человек как данность, но человек как процесс становления. Драма целостной субъектности человека рассмотрена в логике развития мира деятельности в материальном производстве. Задана исходная оппозиция в решении проблемы личности и деятельности.

Традиционный психологический подход к этой проблеме противопоставлен деятельностному подходу, который, однако, реализуется в статье не в привычной логике фило- или онтогенеза психики человека, но в логике ее социогенеза, предполагающей рассмотрение процесса становления современного мира деятельностей. Обсуждается противоположность статического и динамического (исторического) анализа мира деятельностей, рассматриваемого в качестве важнейшей детерминанты процессов развития и формирования личности. Представлены основные этапы становления материального производства: ремесло, мануфактура, машинное и автоматизированное производство. Показано, что данная эволюция материального производства неразрывно связана с распадом целостной трудовой деятельности человека, отчуждением человека от этой деятельности и расщеплением его жизнедеятельности на сферу труда и сферу досуга. Намечены основные тенденции в развитии мира деятельностей: генез труда и вытеснение человека из этого труда. Рассмотрены также две различные формы реализации этих противоречивых тенденций в современном мире: отчуждение труда и преодоление отчуждения труда как различные психолого-социологические условия личностного развития. Будущее мира деятельностей видится в сокращении рабочего времени в материальном производстве, в предоставлении людям возможностей для аутентичной реализации и интеграции их целостной субъектности в сфере свободного времени и тем самым намечается экзистенциальный и социальный выход из «кризиса» противостояния двух идеологических парадигм XX в.: «бесконечного тупика» капитализма или бесконечного возрождения «тупикового» социализма.

Ключевые слова: критическая психология, личность, деятельность, субъектность, деятельностный подход, мир профессий, отчуждение труда, свободное время, средний класс.

«Кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству, и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения».

Карл Маркс

«Наша наука не могла и не может развиваться в старом обществе. Владеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом».

Лев Выготский

Два аспекта проблемы соотношения личности и деятельности

Для традиционной психологической науки процесс становления

(развития, формирования) личности человека имеет психолого-педагогическую природу и целиком относится к сфере духовного производства. В свое время А.Н. Леонтьев отмечал, что «традиционный психолог» остается

в пределах «психологического», даже изучение промышленной деятельности при этом сводится к исследованию «психических способностей», при этом упускается из виду, что «промышленная деятельность неотделима от порождаемых ее развитием общественных отношений людей» (Леонтьев, 1983, с. 318). Указанный разрыв между «интрапсихической» и «экстрапсихической» сферами изучения человека во многом сохраняется до настоящего времени (см., например: Dafermos, Marvakis, 2006).

Главный недостаток такой односторонней формулировки проблемы развития личности заключается в том, что личность рассматривается стоящей один на один с миром деятельностей и социальной средой, в которой она, по образному выражению Б.Ф. Ломова, как бы «прорывает свой собственный туннель» (Ломов, 1981, с. 5). Причиной этой робинзоны, на наш взгляд, является не столько доминировавший в советской психологии деятельностный подход к проблеме развития личности, сколько его недостаточно последовательное проведение: деятельностный анализ развития потреб-

ностных состояний на полюсе субъекта (личности) (см., например: Орлов, 1981) должен быть дополнен деятельностным анализом развития мира профессий на полюсе объекта. Эта же мысль отчетливо прослеживается в таком направлении современной психологии, как критическая психология¹, которая во многом черпает свои базовые теоретические и методологические ориентиры в немецкой классической философии и трудах К. Маркса (см., например, о развитии критической психологии в США и Канаде: Sloan et al., 2006).

В современных критических исследованиях особо подчеркивается, что именно социальный контекст определяет интерпретации и самоинтерпретации человека, даже в случае таких, казалось бы, предельно субъективных явлений, как эмоции (Parker, 2006, p. 92), тем более это относится к такой социальной сфере, как область профессиональных деятельностей, профессий.

Поэтому задача данной статьи — показать, что рассмотрение развития мира профессий² позволяет выявить важнейшие тенденции процесса становления личности. Наш исходный

¹ На наш взгляд, этот главный тренд критической психологии удачно резюмирован высказыванием L. Bird «Contemporary critical work has begun to move away from the intense focus on the individual, acknowledging that such a focus misses not only the interactions amongst people in a group, but the complexities of lived culture and language» (Bird, 1999, p. 23).

² Мы рассматриваем понятия «мир профессий», «мир деятельностей», «мир трудовой деятельности» и «мир производства» как тождественные. При этом особое внимание мы уделяем (вслед за К. Марксом) развитию материального производства как наиболее стремительно меняющегося в последнее время. Важно отметить, что, хотя современный мир называется уже даже не «постиндустриальным», а «информационным», доля материального производства в сфере общего производства даже в развитых (а тем более в развивающихся) странах продолжает оставаться весьма значительной.

тезис заключается в том, что становление аутентичной личности, личностный рост или же, напротив, дезинтеграция и деградация целостности человека не сводятся исключительно к субъективным, внутренним процессам, но имеют отношение к внешнему миру, миру деятельности и социальных отношений.

Действительно, помимо того значения, который мир деятельности имеет для личности, он обладает рядом объективных характеристик, существующих независимо от тех психологических особенностей, которые в него привносит личность. И хотя творческое отношение возможно к любой деятельности, не каждая деятельность сама по себе является творческой (Кон, 1967, с. 301). В качестве примера такого несовпадения сути деятельности и отношения к ней можно привести описанный Николаем Гоголем образ титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина, главной чертой которого была склонность к переписыванию казенных бумаг: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнобразный и приятный мир» (Гоголь, 1975, с. 119).

На наш взгляд, этот пример хорошо иллюстрирует тезис о двух аспектах (субъективном и объективном) личностного развития. Данные аспекты представлены отношениями «личность — субъектность (субъективность)» и «личность — деятельность (объективность)». Эти два аспекта развития личности можно

показать и иначе, рассмотрев структуру мотивационного отношения, которое в логике теории деятельности (Леонтьев, 1983) характеризуется не только потребностным (субъективным) состоянием, но и тем мотивом (объективным содержанием деятельности), в котором данная потребность опредмечена; в психологическую характеристику потребности с необходимостью входит содержание ее предмета, мотива.

Следовательно, психологический анализ развития личности предполагает изучение содержания различных форм деятельности как потенциальных мотивов, в которых могут опредмечиваться потребности личности. Пластичность потребностей человека очень велика, поэтому парадоксальным образом за человеческим отношением к деятельности может скрываться деятельность, содержание которой лишено всего человеческого.

Итак, наряду с изучением собственно психологических (интрапсихических) условий личностного развития, необходим также анализ условий экстрапсихических и, прежде всего, того мира деятельности, который окружает человека всю его жизнь. Нельзя забывать, что когда человек овладевает содержанием деятельности, это содержание в свою очередь овладевает человеком. Поэтому столь важным представляется рассмотрение процессов интеграции/дезинтеграции личности внутри мира деятельности. Это и есть тот новый аспект проблемы личностного развития и роста, который, как правило, ускользает из поля зрения традиционного, догматического психолога, но который может быть разработан в

русле критической традиции, наследующей марксистский подход к пониманию сущностных сил человека (Асмолов, 1990, с. 40–42).

Мы позволим себе привести цитату из К. Маркса, чтобы акцентировать ту важность, которую он придавал развитию производства и его сущностной связи с судьбой человеческой субъектности: «...история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, — двигаясь в рамках отчуждения, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность только во всеобщем бытии человека, в религии, или даже в истории, в ее абстрактно-вещных формах политики, искусства, литературы и т.д. ...В обыкновенной, материальной промышленности (...вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т.е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения, опреде-

ченные — сущностные силы человека. Такая психология, для которой эта книга, т.е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой. Что вообще думать о такой науке, которая высокомерно абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином “потребность”, “обыденная потребность”?» (Маркс, Энгельс, 1974, с. 123).

Итак, если в подавляющем большинстве традиционных психологических исследований ставится задача выявить, как развитие личности (ее потребностей, мотивов, целей и смыслов) определяет выбор и развитие той или иной деятельности, то наша задача состоит в том, чтобы, подвергнув эту логику критике, обратить ее вспять и показать, как выбор и развитие той или иной деятельности определяют развитие личности³.

Мир деятельностей в статике и динамике

Современное материальное производство невозможно без разделения труда, предполагающего существование относительно обособленных

³ В данном отношении мы согласны с еще одним положением критической психологии: «A higher form of critique of Psychology is, thus, the promotion of the theoretical analysis of Psychology as a science beyond the limits of bourgeois society. Initially, the exploration of the theoretical armoury in a new, wider theoretical and methodological framework might serve as a starting point. A dialectical “sublation”, a transgression of Psychology’s (scientific and theoretical) categories and laws consists of the supreme kind of critical exploration of Psychology as a science» (Dafermos, Marvakis, 2006, p. 16).

и самостоятельных трудовых занятий — профессий (специальностей, рабочих постов и т.д.). Сегодняшний мир профессий — это более 40 000 обособленных видов труда. Эта пестрая картина мира труда постоянно обновляется. Так, по подсчетам социологов, во второй половине XX в. за десятилетие возникало более 5000 новых видов труда и исчезало почти столько же старых (Титма, 1975, с. 28).

Подобная динамика в пределах существующего мира профессий не меняет его в целом статичной картины, но исподволь накапливает изменения, приводящие к его действительным перестройкам. Мир профессий — это та совокупность видов труда, которую застаёт каждое очередное поколение людей, это тот набор профессий, из которого человек может (в принципе) сделать выбор. Мир профессий — это зеркальное отражение существующего в обществе разделения труда.

В такой статичной форме мир профессий является предметом особой науки о профессиях — профессиоведения, представляющего собой одну из составных частей традиционной профессиональной ориентации.

Родоначалник современной профессиональной ориентации американский филантроп профессор Ф. Парсонс, открывший в Бостоне в 1908 г. первое «Бюро по бесплатной подаче советов по части выбора профессии», был озабочен судьбами безработных подростков. Им стали подыскивать работу с учетом индивидуальных особенностей: знаний, вкусов, желаний, предпочтений и т.п. Чтобы выявить эти особенности, Ф. Пар-

сонс разработал анкету, содержащую более ста вопросов самого различного плана: от вопросов о содержании прочитанных книг до вопросов об особенностях зрения, слуха, осязания и т.п.

Цели традиционной профессиональной ориентации с предельной ясностью сформулировал О. Липман: «...подбор профессий [должен обслуживать интересы]: 1) ...всего народного хозяйства, содействуя привлечению рабочей силы к тем областям труда, в которых имеется недостаток в рабочих руках, и, наоборот, содействуя отвлечению рабочей силы от тех областей, в которых предложение труда превышает спрос. 2) ...работодателей, содействуя привлечению необходимой для их предприятий рабочей силы в требуемом количестве и требуемого качества. 3) ...трудящихся, содействуя выбору для них таких занятий, при которых они могли бы достигнуть возможно большего успеха» (Липман, 1923, с. 4).

В соответствии с такими целями смысл профориентационной работы сводится к манипуляции рабочей силой для воссоздания существующего типа производства и стоящей за ним социальной системы. При этом задачи развития личности оказываются объективно соподчиненными по отношению к задачам воспроизводства мира профессий. «Поставить подходящего человека на подходящее место — вот основа профориентации», — писал Э. Клапаред (Клапаред, 1925, с. 30).

Манипулятивная функция профориентации подчинила себе филантропические устремления отдельных исследователей и стала доминировать

уже в самых первых практических исследованиях в этой области. Целостность субъектности человека не интересовала работодателей и, в силу этого, специалистов по профориентации: главное внимание уделялось изучению таких частичных функций, как глазомер, внимание, кинестетические (тактильные и пр.) ощущения, утомляемость и т.п. Для измерения каждой из этих элементарных психических функций разрабатывались разнообразные технические устройства. Ф. Баумгартен, завершая большой обзор различных методик, выявляющих профпригодность, в свое время писала: «...психотехника, изучая способности людей, до сих пор совершенно упускает из виду сложный вопрос о любви к делу, интерес к работе» (Баумгартен, 1926, с. 145). Однако это упущение объясняется не столько сложностью данного вопроса, сколько отсутствием интереса к нему со стороны предпринимателей.

Итак, статичная картина мира профессий — это элемент традиционной профориентационной теории, созданной в своих основных чертах в начале XX в. Изменились ли основные положения этой теории? На этот вопрос, к сожалению, приходится ответить отрицательно. Вот что писала по этому поводу Ю.В. Укке: «...классическая модель Парсонса почти не изменилась по сей день. Консультанты-практики при планировании карьеры продолжают следовать трехступенчатой схеме: изучение консультируемого (или самоизучение), изучение профессий и понимание соотношения этих двух областей» (Укке, 1971, с. 172).

Даже в условиях возникшего еще в середине прошлого века интереса

психологов к личностным факторам профессионального самоопределения (теории Э. Гинзберга, Д. Сьюпера и др.) профориентация продолжает оставаться сличением человека и производства. Выступая против безличного психотехнического подхода традиционной профориентации и делая основной акцент на изучении «стадий профессиональной зрелости» личности человека, психологи сохраняют постулат о статичном характере производства. Так, в работах одного из видных представителей личностного направления в профориентации Д. Сьюпера используется утилитарная психотехническая методология, в которой человек является объектом манипулирования, адаптации и рационализации (Михайлов, 1975, с. 119).

Возможен ли иной подход к производству в его связи с процессами развития личности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть производство в динамике.

Статичной картине мира профессий можно противопоставить только процесс развития. Здесь важно, однако, определить, что мы будем подразумевать под таким развитием. Очевидно, что не всякое изменение в мире профессий следует понимать как развитие. Профессии могут возникать, изменяться, исчезать, но общий способ производства при этом может оставаться тем же самым, практически неизменным. Известно, что способ производства определяется в первую очередь особенностями технического и социального разделения труда. Иначе говоря, исторически сложившиеся отношения людей к продуктам и средствам труда, а также взаимоотношения людей в процессе

труда обуславливают качественную специфику способа производства и, следовательно, облик соответствующего этому способу мира профессий. Таким образом, процесс развития производства представляет собой череду переходов от одного способа производства к другому и проявляется как смена относительно стабильных, статичных картин мира профессий.

Динамический, или исторический, подход позволяет снять ограничения статичного подхода, показать прошлое и будущее мира профессий, понять основные тенденции в настоящем. Историческая заслуга выработки такого подхода к производству принадлежит К. Марксу. Именно он, анализируя историю развития капиталистического промышленного производства в первом томе «Капитала», дал в руки психологам «раскрытую книгу человеческих сущностных сил». Одна из центральных линий анализа в «Капитале» – рассмотрение сменяющих друг друга способов производства и, в частности, анализ содержания соответствующих этим способам профессиональных деятельностей.

Динамический подход к миру профессий дает возможность не только по-другому посмотреть на

этот мир, но и рассмотреть в исторической перспективе процесс развития личности (а также профессиональное самоопределение как его важнейший аспект). Более того, динамический подход ориентирован на изменение основных целей традиционной профессиональной ориентации, так как его последовательная реализация отодвигает на второй план проблему воспроизводства наличного способа производства и формирования адекватного этому производству «человеческого фактора». Напротив, на первый план выдвигается проблема расширенного воспроизводства наиболее прогрессивных элементов этой картины, тех «ростков нового», развитие которых обеспечивает со временем переход к новому способу производства и, следовательно, к новому способу развития личности человека.

Такое изменение целей традиционной (адаптивной) профориентации «трудовых ресурсов» может привести к преобразованию данной периферийной и прикладной (если не сказать утилитарной) отрасли психологии личности в важную область научного психологического знания, способную обозначить социальную перспективу⁴.

⁴ Более общая постановка данного вопроса может быть сформулирована следующим образом: «We should work towards a different kind of psychology. If psychology and psychologisation, in their present form, are processes of regulation and administration of the constituted power and depoliticisation of resistance, the task is, then, to take it on and work for a kind of psychology that de-psychologises itself and aligns with radical politics. This will not be an alternative psychology, nor will it be a new radical discipline; on the contrary, it will be revolutionary psychology as a process, as a radical repertoire of action that aims at the disappearance of psychology in its present form. Where such effort is going to lead is impossible to say» (Mentitis, 2010, p. 234).

Становление современного мира деятельностей

Ремесло и мануфактура

Как известно, современному миру профессий и разделению труда предшествовал мир ремесел. Ремесленное производство представляло собой мир «независимых работ» (К. Маркс), основываясь на таком разделении труда, при котором каждый работник производил определенный товар от начала и до конца, потребляя, продавая или обменивая его на другой товар. Такой способ производства предполагал целостную трудовую деятельность и целостного работника.

Вместе с тем, сохраняя целостной отдельную профессиональную деятельность (кожевника, пекаря, золотых дел мастера и др.), мир ремесел предполагал крайнюю степень обособленности каждой профессии. В силу многих причин переход человека из одной профессии в другую был практически невозможен. Прежде всего, профессиональная подготовка (ученичество) начиналась очень рано, и в ходе нее человек постепенно все более и более «вращался» в определенную профессиональную деятельность, овладевал секретами своего ремесла, которые к тому же ревностно оберегались законами цеха. Недаром, как отмечал К. Маркс, «...вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались... тайнами, в глубины которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 497). Второй причиной чрезвычайной обособленности отдельных ремесел, также коренящейся в особенностях самой трудовой дея-

тельности ремесленника, была личная собственность на средства производства: инструмент, материал, различные технические приспособления, сама мастерская были собственностью ремесленника, который «срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной» (там же, с. 377). И наконец, вырастающие на основе способа производства сословия и соответствующие морально-юридические нормы также прикрепляли ремесленника к определенной профессии, подчас независимо от его личных желаний, интересов и склонностей. Таким образом, целостная профессиональная деятельность ремесленника, с одной стороны, формировала целостного работника и давала определенный простор его инициативе и творчеству, с другой – создавала для него очень ограниченную сферу жизни: «Сапожник, знай свои колодки!» — это изречение К. Маркс называл вершиной ремесленной мудрости. Поэтому образ жизни ремесленника был, по словам Ф. Энгельса, «романтичным и уютным, но все же недостойным человека» (Маркс, Энгельс, 1955а, с. 345).

Развитие ремесел в условиях товарно-денежных отношений привело к возникновению нового способа производства — мануфактуры. Однако мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Все принципы, на которых основывалась мануфактура (неограниченное число работников в одной мастерской, переход средств производства в частную собственность владельца мануфактуры и т.п.), находились в прямом противоречии с уставами ремесленных цехов. Более того,

мануфактурное производство поразило основной «жизненный нерв» ремесленного производства — целостность деятельности ремесленника, оно расщепило ее на отдельные составные элементы и приковало рабочего к выполнению одной частичной операции. Мир ремесел, который можно назвать миром целостных «независимых работ», сменился миром частичных операций, «целостный» работник уступил место «частичному» работнику.

Расщепление профессиональной деятельности ремесленника на отдельные операции достигло со временем невиданного размаха. Работа, которую ранее выполнял подчас всего один человек, распределилась между десятками рабочих. Так, в мануфактуре по производству иглол «проволока проходит через руки 72 или даже 92 специфических частичных рабочих» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 356). Такое разделение труда представляло собой распад профессиональных деятельностей (професий), в результате которого возникли обособленные трудовые операции (специальности), закреплявшиеся за отдельными рабочими. Это давало возможность значительно повысить производительность труда, выдерживать конкуренцию с ремеслами и, в конечном счете, обеспечить победу нового, капиталистического способа производства.

Лишая рабочего непосредственного участия в создании целостного продукта труда (товара), капиталистический способ производства порождает отчужденный или наемный труд — «последнюю рабскую форму» человеческой деятельности (Маркс, Энгельс, 1969, с. 263). При

этом трудовая деятельность как жизнедеятельность рабочего превращается только в средство к существованию. Специализация в сочетании с отчужденным характером труда образует питательную почву для телесной и духовной «промышленной патологии» в среде рабочих.

Наряду с этими психологическими последствиями, связанными с изменением отношения рабочего к средствам, продукту и процессу труда и вызванными переходом от мира ремесел к миру специализированных трудовых действий и операций, мануфактура вырабатывает важные технологические предпосылки промышленного переворота. Мануфактурное производство, которое можно назвать вивисекцией *in vivo* целостной профессиональной деятельности ремесленника, совлекает с ремесел покров таинственности, освещая ярким светом мельчайшие трудовые операции и соответствующие им инструменты, материалы и приспособления, раскрывая секреты ремесел. Усиливающаяся специализация труда приводит к такому упрощению трудовых операций и вместе с тем к такому развитию орудий труда, которое становится исходной предпосылкой для создания различных машин и, следовательно, для перехода к новому способу производства.

Фабричное (машинное) производство

С началом применения машин рабочий утрачивает власть над важным моментом трудовой деятельности — над орудием труда. Функции, которые в машинном производстве

выполняет рабочий (контроль, предохранение машин от поломок и т.п.), очень просты, но вместе с тем очень бедны по своему содержанию. Таким образом, становление машинного производства освобождает не рабочего от труда, но его труд от всякого содержания. Это приводит к дальнейшему распаду целостной профессиональной деятельности: мир ремесел, преобразовавшийся в мир частичных трудовых операций, с внедрением машин превращается в мир рабочей силы.

Действительно, использование машин, лишаящее труд всякой самостоятельности и привлекательности, упрощает труд и подготовку к труду до такой степени, что дает возможность промышленникам добиваться повышения производительности труда путем широкого использования неквалифицированного (естественно, малооплачиваемого) женского и детского труда. Тем самым рабочий все более и более низводится до рабочей силы, не обремененной ни знаниями, ни умениями, ни квалификацией, ни индивидуальным искусством и т.п.

Использование неквалифицированного труда и сокращение издержек на обучение рабочих значительно удешевляют рабочую силу (этот единственный товар, который может продавать рабочий), приводя первоначально к безудержному удлинению рабочего дня, усилению эксплуатации. Только в результате сначала стихийных, а затем и организованных выступлений рабочих, а также вследствие осознания предпринимателями «оптимальных» пределов эксплуатации труда, не ведущей к окончательной деградации рабочих и

их семей и, соответственно, к резкому падению их работоспособности, появляются законодательные ограничения продолжительности рабочего дня. В условиях этих ограничений все энергичнее начинает применяться новое средство эксплуатации «живых автоматов» — интенсификация труда, которая достигается двумя способами: увеличением быстроедействия, скорости машин и увеличением количества машин, которые находятся под контролем рабочего. Интенсивные формы труда с лихвой компенсируют сокращение рабочего дня и затраты на модификацию машин, а эксплуатация рабочих при этом увеличивается.

Фабричное производство не только превращает рабочих в «одаренные сознанием орудия производства» (К. Маркс), но и лишает всякой цены малопродуктивный труд ремесленника и мануфактурного рабочего. Ускоряющаяся пролетаризация мира труда превращает все новые и новые массы трудящихся в «простую, однородную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков... труд становится трудом, доступным для всех» (Маркс, Энгельс, 1957, с. 458).

Логика развития машинного производства приводит к дальнейшему отчуждению рабочего от трудовой деятельности. Новый качественный этап на этом пути составляет автоматизированное производство.

Автоматизированное производство

Тенденция к переходу от машинного производства к автоматизированному

в наиболее развитых промышленных странах наметилась уже во второй половине прошлого века: «когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин...» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 392).

Потребность в создании таких автоматических систем обусловлена природой самого машинного производства, которую можно представить как трудовую деятельность, распределенную между быстродействующей и не знающей усталости машиной и преисполненным различными человеческими слабостями рабочим. Однако такой неравноправный союз оказывается обременительным для обеих сторон и начинает тормозить дальнейшее развитие техники (Волков, 1963, с. 178).

Единственный способ разрешения создавшегося противоречия — увеличение степени автоматизации машинного производства, в ходе которой системе машин передаются все новые и новые трудовые функции рабочего. В результате рабочий оказывается не столько «внутри» производства, сколько «рядом» с ним как «контролер и регулировщик» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 213).

Автоматизация производства, ставящая рабочего «рядом» с процессом производства, превращающая его в наблюдателя, контролера и регулировщика, имеет чрезвычайно важное, историческое значение, высвобождая рабочего из тотальной «встроенности» в производственный процесс. Однако одновременно с

этим процесс автоматизированного производства перестает подчиняться непосредственному мастерству рабочего, выступая как технологическое применение науки, а наука остается чуждой рабочему.

Именно это скрывается за тезисом о том, что наука становится производительной силой. С усложнением машин, с превращением их в сложные автоматические системы отчужденность рабочего от средств труда все более усиливается. Относительно простой станок, устройство которого рабочий (при условии достаточно высокой квалификации!) знал, мог отремонтировать и при необходимости как-то модифицировать, все более и более становится достоянием прошлого: «не только рабочий, обслуживающий автоматы, но и цеховой инженер не может здесь что-либо существенно изменить. Судьбы технологического процесса решаются теперь не в самом производстве, а в научной лаборатории» (Кон, 1967, с. 306).

Тот факт, что в сфере современного материального производства неуклонно сокращается доля тяжелого физического, ручного и неквалифицированного труда, может вызвать иллюзию усиливающейся тенденции к стиранию граней между физическим и умственным трудом, иллюзию «побеления синих воротничков». И в самом деле, разве можно увидеть в наладчике автоматизированных линий, в операторе химического автоматизированного производства или операторе современного прокатного стана того жалкого, доведенного жестокой эксплуатацией до почти нечеловеческого существования рабочего-текстильщика

английских ткацких фабрик середины XIX в., о котором писал Ф. Энгельс, или не менее жалкого рабочего-сборщика начала XX в., выжатого как лимон тейлоровской системой НОТ на конвейере автомобильных заводов Г. Форда? Разве не становится труд рабочих более интеллигентным и не исчезает ли сам пролетариат, растворяясь по мере автоматизации производства в среде технической интеллигенции?

Однако факты свидетельствуют о несостоятельности этого предположения, о его иллюзорности. Как ни парадоксально для здравого смысла, факты говорят о прямо противоположном социальном процессе — «посинении белых воротничков», пролетаризации все новых и новых групп работников «интеллигентного труда»: «интеллигенция попала теперь в прямую и более жесткую зависимость от экономической и функциональной оценки содержания и типа продуктов своей деятельности (которая все шире и чаще отливается в формы наемного труда)» (Мамардашвили и др., 1981, с. 377).

Наемный характер труда интеллигенции проступает при этом все более отчетливо в отношении к средствам труда, в снижении уровня жизни, в утрате былого социального престижа их профессий и, наконец, в субъективном отношении к своим профессиям. Общее число лиц наемного труда повсеместно растет, а число представителей так называемых «свободных профессий» столь же неуклонно сокращается. Так, по данным Американской исследовательской ассоциации по проблемам труда, общее число лиц наемного

труда, т.е. лиц с нормированным рабочим днем, получающих заработную плату за определенное количество рабочего времени, увеличилось с 75 до 82% самодеятельного населения в период с 1940 по 1956 г. (Волков, 1963, с. 182), т.е. в годы вызванного войной промышленного бума, повсеместной интенсификации и автоматизации производства. Таким образом, «интеллектуализация труда» пролетариев маскирует пролетаризацию труда интеллигентов.

Развитие автоматизированного производства само по себе не гарантирует ни подлинного освобождения людей от ига труда в производстве, ни овладения ими подлинной наукой и культурой. Более того, вслед за пролетаризацией машинным производством всех слоев общества, занятых физическим трудом, автоматизированное (даже самое современное, полностью автоматизированное) производство способствует пролетаризации работников умственного труда. Вследствие этого все большее число людей, вовлеченных в процесс материального производства, оказывается в положении наемных рабочих, отчужденных от своей трудовой деятельности. Мир профессий как мир рабочей силы расширяет свои границы.

Основные тенденции в развитии мира деятельностей и его будущее

Если бы мы отказались от исторического анализа мира профессий и рассматривали его в статике, то перед нами предстала бы только видимость его развития: процессы

специализации и дифференциации различных видов труда, возникновение новых специальностей и исчезновение старых. Однако общие тенденции развития мира профессий остались бы скрытыми от нас этим пестрым калейдоскопом изменений. Такие тенденции позволяют выявить только исторический (генетический) анализ. В чем же они состоят?

Как мы пытались показать, постепенная смена способов производства приводит к преобразованию целостной трудовой профессиональной деятельности (ремесла) в труд, первоначально представляющий собой последовательность изолированных и закрепленных за отдельными индивидами специализированных операций, а затем — квазиинтеллектуальные функции контроля. Мастер-ремесленник уступает место «частичному» рабочему, который в свою очередь заменяется рабочим-оператором.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить две взаимосвязанные тенденции в развитии мира профессий.

Первая из них состоит в том, что человек вытесняется из сферы материального производства в силу объективной логики развития самого этого производства. Эту тенденцию отмечал еще К. Маркс, когда писал, что рабочий «становится рядом» с процессом производства.

Вторая тенденция заключается в усиливающемся распаде, расщеплении и дегуманизации профессиональных деятельностей и в передаче все большего числа ее отдельных компонентов (операций, функций) различным энергетическим, рабочим и информационным машинам.

Эти тенденции образуют определенное единство, выступая одновременно и как причины, и как следствия развития материального производства. Они объективно присущи его развитию и реализуются в любых социально-экономических условиях. Но те формы, в которых они реализуются в условиях капитализма и социализма, должны были быть диаметрально противоположны.

Если в условиях капитализма указанные тенденции проявляются как отчуждение труда, то при социализме формой проявления тех же тенденций должно было бы стать уничтожение труда (Маркс, Энгельс, 1955б, с. 65–70, 78, 192; 1974, с. 90–91, 242; 1969, с. 110). Отчуждению труда в материальном производстве при капитализме соответствуют сокращение необходимого рабочего времени и увеличение избыточного рабочего времени. Уничтожению труда при социализме должно было бы соответствовать сокращение рабочего времени в целом.

Конечно, речь идет не о каком-то исчезновении или, тем более, об «уничтожении» труда как такового, а лишь об исчезновении определенных деятельностных форм, поэтому корректнее было бы говорить не об «уничтожении», а о «трансформации» труда.

В связи с этим следует выяснить, что представляет собой «труд». Очень часто понятие труда отождествляется с понятием трудовой деятельности, при этом совершенно не принимается во внимание продемонстрированное К. Марксом их принципиальное различие. Философские и политэкономические исследования К. Маркса хорошо показывают, что

понятие труда может приобрести два противоположных значения: «труд как отчужденное средство заработать на жизнь» и, напротив, «труд как свободное самовыражение индивида» (Кон, 1967, с. 310; Сэв, 1972, с. 465). Для К. Маркса сокращение рабочего времени является основным условием перехода от «царства необходимости» к «царству свободы» (коммунизму) (Маркс, Энгельс, 1962, с. 386–387).

Таким образом, трансформация труда — это объективная социальная потребность, которая вызревает в процессе развития самого материального производства. В условиях капитализма данная потребность обнаруживается в борьбе пролетариата за сокращение рабочего дня, при социализме же реализуется через уничтожение частной собственности на средства производства, при этом в качестве цели общества декларируется всестороннее развитие человека.

В России подобные намерения были декларированы сразу же после Октябрьского переворота: правительственный декрет «О восьмичасовом рабочем дне» был подписан на четвертый (!) день существования советской власти. Во второй программе коммунистической партии, принятой на VIII съезде в 1919 г., были намечены дальнейшие рубежи уничтожения труда: «...РКП должна поставить себе задачей установить... в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения

за труд...» (КПСС в резолюциях..., 1954, ч. 1, с. 429).

Однако этим планам не суждено было реализоваться. Лишь в 1960 г. в СССР была установлена 41-часовая рабочая неделя⁵. В программе компартии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г., был вновь намечен переход к 6- и 5-часовому рабочему дню и установлению в СССР самого короткого в мире и в то же время самого производительного и наиболее высокооплачиваемого рабочего дня (Программа КПСС, 1976, с. 65, 95). Однако дело опять не пошло дальше деклараций. Очевидно, постепенное и целенаправленное уничтожение труда, а также связанное с этим сокращение времени на труд в материальном производстве привели бы к значительному увеличению свободного времени у огромного числа людей. Все это сначала перевернуло бы существовавшее до настоящего времени соотношение труда и досуга — этих современных (отчужденных) форм трудовой деятельности и свободного времени, а затем преобразовало и сами эти сферы жизни. На основе увеличения свободного времени труд как средство к жизни должен был трансформироваться в трудовую деятельность как творческое самовыражение. Досуг как время, свободное от труда, должен был превратиться во время для свободной трудовой деятельности, которое постепенно распространилось бы на все время жизни людей. Поэтому с уничтожением труда должен был

⁵ Для сравнения: продолжительность рабочей недели в России в 1913 г. составляла 58,5 часа, в 1955 г. — 47,8 часа; продолжительность рабочей недели в США в 1901 г. — 58,4 часа, в начале 1920-х гг. — 50 часов, в 30-е гг. и до настоящего времени — 40 часов (Дубсон, 1980, с. 24–26).

исчезнуть и досуг, и «понедельник стал бы начинаться в субботу» (А. и Б. Стругацкие).

Следует отметить, что именно в таком сокращении и преобразовании сферы труда гуманисты всех времен видели залог действительной свободы человека. Так, в Утопии Т. Мора для труда отводятся только шесть часов в день, а в Городе Солнца Т. Кампанеллы — всего четыре часа; остальное время отдано наукам и искусствам, развитию умственных и телесных способностей. Вспомним, что и Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» преобразует мастерскую Веры Павловны в «лицей всевозможных знаний» за счет сокращения продолжительности рабочего дня, постепенного перехода от материального производства к производству духовному, к образованию и культуре.

Однако в условиях реального социализма основные тенденции развития материального производства были реализованы (так же как и при капитализме) в форме дальнейшего отчуждения труда. Автоматизация материального производства, все более широкое применение достижений науки в сочетании с фиксированной продолжительностью рабочей недели постепенно превращали это производство не только в более эффективное, но и более однородное. Последнее связано с тем, что существующее в настоящее время материальное производство все еще является «многоукладным». Этот ленинский термин вполне применим к современному миру профессий, поскольку сам этот мир возник в результате длительного и неравномерного развития. Разные профессии и разные группы профессий проходи-

ли стадии распада целостной профессиональной деятельности не одновременно, поэтому одни профессии сохраняют в значительной степени характер ремесел, другие обнаруживают черты мануфактурного труда, а третьи — особенности машинного и автоматизированного труда. Это и создает многоукладность материального производства, которая преодолевается путем приближения неразвитых видов труда к наиболее развитым (и, следовательно, наиболее отчужденным!), ремесел — к автоматизированному труду. Отметим, что в СССР собственно автоматизированным трудом даже в такой развитой отрасли материального производства, как машиностроение, в 70-е гг. прошлого века было занято менее 20% рабочих (Антонов, 1977, с. 75).

Итак, развитие современного мира деятельностей до сих пор происходит за счет преодоления его многоукладности, интенсификации самих деятельностей (Сиземская, 1981), что приводит к дальнейшему отчуждению труда и увеличению избыточного рабочего времени.

Когда в свете вышесказанного мы обращаемся к вопросу о выборе профессии, то становится очевидным, что свобода выбора зависит от особенностей труда, от этапа развития мира профессий.

Соотношение личности и деятельности в исторической перспективе

Склонность и отсутствие свободы выбора

Как уже отмечалось выше, мир ремесел являл собой мир четко

разграниченных и обособленных профессиональных деятельностей, в котором профессионализация начиналась очень рано, а переход от одной профессиональной деятельности к другой был практически невозможен. В силу существовавших на основе такого жесткого разделения труда различных морально-юридических норм и предписаний не только социальная, но и профессиональная принадлежность человека была неотъемлемым качеством его индивидуальности. Более того, сила традиций в мире ремесел была так велика, что профессиональная принадлежность родителей автоматически переходила к их детям. Семейное воспитание было чрезвычайно насыщено элементами очень ранней профессиональной ориентации. Ребенок с самых ранних лет не только видел, как и что делают его родители, но и в меру своих возможностей приобщался к их профессиональной трудовой деятельности. Если же родители решали нарушить семейную традицию и дать своему ребенку другую профессию, то они должны были отдать его в ученики. Как правило, ученик с ранних лет жил отдельно от родителей в доме мастера.

Поскольку процесс вхождения ребенка в определенную профессию начинался очень рано, то почти одновременно с осознанием своего Я человек осознавал себя представителем того или иного ремесла, а выбор профессии не становился проблемой, которую индивид должен был решать самостоятельно. Ее решение оказывалось случайным, поскольку оно принималось другими людьми без ведома и согласия индивида под давлением различных обстоятельств.

По свидетельству Б. Паскаля, «сила обычая такова, что рожденные просто людьми сразу превращаются в людей, обреченных какому-нибудь ремеслу: в одной местности все поголовно каменщики, в другой — солдаты и так далее» (Паскаль, 1974, с. 132).

Второй характерной особенностью был «выбор» целостной профессиональной трудовой деятельности, которая часто становилась ведущим, основным источником развития личности. Повышая уровень мастерства, совершенствуясь в рамках своей профессии, ремесленник не превращался в «частичного» рабочего, а постоянно развивал себя как личность. Такие условия благоприятствовали превращению отношения человека к профессии из желания стать мастером и т.д. в интерес к содержанию и различным профессиональным секретам трудовой деятельности, а затем и в склонность к своей профессии. Этот внутренний процесс личностного развития нашел отражение в высокохудожественных произведениях, впитавших в себя кропотливую деятельность ремесленников Антверпена и Роттердама, Флоренции и Венеции, Брюгге и Лувена, Нюрнберга и Кельна, Толедо и Барселоны. Только на основе подлинной склонности, самоотверженной любви к своей профессии, превращавшейся подчас в истинное призвание, ремесленник мог создавать подлинные шедевры, преисполненные тонкого художественного вкуса и исключительного мастерства. Иногда личность в своем развитии достигала таких высот человеческого духа, что ей становились тесными узкие рамки какой-либо

одной профессии и, сокрушая профессиональные и сословные барьеры, личность обнаруживала свою многосторонность. Эпоха Возрождения стала тем временем, когда мир ремесел достиг своего наивысшего расцвета и подарил мировой культуре таких универсальных личностей, как А. Дюрер, Т. Кампанелла, У. Шекспир, Б. Челлини, Леонардо, Ф. Меланхтон. Очень многие люди такого уровня были выходцами из семей ремесленников: А. Дюрер был сыном золотых дел мастера, Т. Кампанелла — сыном сапожника, Ф. Меланхтон — сыном оружейника.

Итак, выбор профессии в мире ремесел отличался, с одной стороны, отсутствием подлинной свободы выбора, а с другой — возможностью формирования склонности к таким образом «выбранной» профессии, склонности, которая возникала, однако, *post factum* и которая поэтому не могла стать внутренней психологической основой подлинного (т.е. свободного) профессионального самоопределения личности.

Отсутствие склонности и «свобода» выбора

Капиталистическое преобразование мира ремесел первоначально в мир изолированных трудовых операций, а затем в мир рабочей силы и отдельных трудовых функций обуславливает существенные изменения процесса профессионального самоопределения. Эти изменения затронули как выбор профессии, так и отношение к ней человека.

Процесс распада ремесел как целостных профессиональных деятельностей в ходе возникновения и

развития мануфактурных производств привел к появлению «свободного» рабочего на рынке труда (Маркс, Энгельс, 1955в, с. 152), однако эта возможность (свобода) выбора наиболее привлекательной специальности оказывается лишь теоретической, практически же возможности ограничены классовым, имущественным положением и другими факторами (Кон, 1967, с. 214). В «Капитале» К. Маркс пишет, что капиталистический рабочий свободен в двояком смысле: с одной стороны, он свободен располагать «своей рабочей силой как товаром», но, с другой стороны, он «свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 179).

При машинном производстве такая «свобода» выбора профессии предоставляется не только взрослым, но и детям. Если рабочий мануфактуры продавал свою рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность, то фабричный рабочий продает не только себя, но и своих детей. «В Бентал-Грине, печально известном районе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на котором дети обоого пола с 9-летнего возраста сами отдают себя в наем...» (там же, с. 408).

В мире рабочей силы человек свободнее, чем в мире ремесел, следовательно, и его дети свободны от той связанности с определенной профессией, которая создавалась всем строем жизни ремесленника, всеми морально-юридическими нормами сословного общества. Они имеют формальное право на самоопределение в мире труда, но оно в действительности

оказывается правом самопродажи. Возможность выбора профессии оказывается возможностью дороже продать свою рабочую силу. А.Н. Леонтьев писал, что если человеку в капиталистическом обществе «предоставится возможность выбирать работу, то он окажется вынужденным выбирать не между прядением и тканьем, а прежде всего между более высоким или более низким, более надежным или менее надежным заработком» (Леонтьев, 1983, с. 318). Рынок труда, спрос и предложение на рабочую силу, а не желания и склонности определяют, в конечном счете, выбор труда при капитализме для подавляющего большинства людей.

Действительная свобода рабочего при капитализме — это свобода от подлинной трудовой деятельности, свобода служить объектом эксплуатации.

Отношение к профессиональному труду как лишь к средству существования не может измениться и в процессе труда. Такому изменению препятствует отчуждение целей, продуктов, материалов, средств, а следовательно, и самого процесса труда от рабочего.

В таких условиях возникновение склонностного отношения к профессиональному труду оказывается пресеченным в самом корне. Если же на рынке труда появляется индивид, у которого сформированы устойчивые интересы к определенной сфере труда или склонность к ней, то он, как правило, попадает либо в число

безработных (а именно тех из них, кто не желает менять любимую специальность и поэтому предпочитает жить на пособие по безработице), либо в число неудовлетворенных трудом в профессии, которой он вынужден заниматься, но которую он не любит.

По мере расширения образования трудящихся, к которому капитализм вынуждает современный научно-технический прогресс, число таких «неприспособленных» индивидов увеличивается. Как отмечает Л. Сэв, любовь к своей профессии является определяющим условием сопротивления человека отчуждению труда и в условиях капитализма обычно побуждает человека к жизни-борьбе, направленной на преобразование существующих общественных отношений (Сэв, 1972, с. 528). Фрустрированная любовь к профессии неизбежно вынуждает личность заниматься подлинной деятельностью в мире отчуждения, которой может быть только революционная деятельность (т.е. борьба с отчуждением труда) в ее самых разных формах⁶.

Итак, в мире рабочей силы выбор профессии отличается, с одной стороны, формальной свободой выбора, а с другой, практическим отсутствием возможности реализовать склонность к определенной профессиональной деятельности, а также развить эту склонность в отчужденном труде. Спекуляции разного рода идеологов, выдающих увеличение формальной свободы личности за увеличение ее реальной свободы,

⁶ Принципиальное различие классовой борьбы и революционной деятельности, особенно значимое для современной, посткапиталистической эпохи, см. в: Newman, Holzman, 2003, p. 9–11.

лишь еще больше закрепощают людей, ибо, как писал В. Гете: «Верх рабства — не обладая свободой, считать себя свободным» (Гете, 1978, с. 354).

*Склонность и подлинная свобода
выбора как нереализованная
возможность*

Социалистические революции XX в., ликвидировавшие частную собственность на средства производства, создали определенные объективные условия для уничтожения труда. В этих условиях сужение сферы труда в материальном производстве и расширение сферы трудовой деятельности (основное условие — сокращение рабочего времени) должны были постепенно преобразовать не только мир профессий, но и процесс профессионального самоопределения. Однако главное изменение в условиях реального социализма состояло в увеличении не просто свободного времени, а времени на образование подрастающих поколений, благодаря чему окончательный выбор профессии постепенно отодвигался на более зрелые (юношеские) годы. Примером такого увеличения времени на образование является переход к всеобщему среднему образованию. В СССР данное изменение было неразрывно связано с потребностью молодежи в высшем образовании. В частности, социологами было подсчитано, что в 1970-е гг. о высшем образовании мечтали 70–80% выпускников средних школ больших городов, т.е. почти вся наиболее развитая молодежь страны (Руткевич, 1977). Между тем лишь 10% этих выпускников могли реаль-

но продолжить свое образование в вузах (Титма, 1974, с. 111). В свое время эта проблема решалась за счет значительных конкурсов при поступлении в вузы. Но вот каким представлял ее единственно верное решение академик П.Л. Капица: «Государство, очевидно, должно будет предоставить всему населению возможность получать высшее образование независимо от того, нужно это для профессии или нет» (Капица, 1971, с. 21).

Увеличение времени на образование, как и свободного времени в целом, должно было способствовать созданию благоприятных субъективных условий для развития разнообразных склонностей к различным видам труда как в материальном, так и в духовном производстве. Становление склонностей до и вне всякой необходимости ранней профессионализации молодежи могло бы гарантировать не только потенциальную, но и реальную свободу выбора профессии. Тем самым было бы реализовано предсказание Ф. Энгельса: в процессе построения коммунистического общества разделение труда исчезнет, «воспитание даст молодым людям возможность переходить от одной отрасли производства к другой в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей» (Маркс, Энгельс, 1955в, с. 335–336).

Развитые склонности и призвания людей, в отличие от неразвитых влечений и потребностей, не могут противоречить интересам общества, поскольку они сами являются единственным способом существования так называемых общественных интересов. Действительные интересы

общества не могут быть ничем иным, кроме как интересами людей. Это отчетливо понимал К. Маркс, когда, еще будучи гимназистом, писал в своем сочинении о выборе профессии, что «человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 4–5).

К сожалению, в СССР труд в разных своих формах продолжал оставаться отчужденным. Со стороны государства процесс сокращения сферы труда был не только остановлен (что прямо противоречило партийным декларациям), но и повернут вспять. Архипелаг ГУЛАГ сделал именно отчужденный труд единственным средством жизни миллионов людей, восстановил и культивировал наиболее рабские, нечеловеческие формы этой отчужденной деятельности. Примечательно, что в краткий период хрущевской «оттепели» (1956–1964) тема сокращения рабочего времени в материальном производстве возникает вновь. Однако дальнейшая общая стагнация в эпоху застоя и последовавшая затем перестроечная легализация капитализма закрыли эту тему окончательно. Весьма симптоматично в данной связи, что в «Империи зла», совершившей свою полную капиталистическую «перезагрузку», гораздо более важными темами оказываются вопросы увеличения продолжительности рабочего дня и рабочей недели, увеличения пенсионного возраста, а слова классиков о том, что «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой

потребностью жизни» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 20), оказываются забытыми.

Тема отчужденного труда в СССР и его влияния на психическую организацию человека еще ждет своих внимательных исследователей, однако можно сказать, что эти отношения не были однозначно простыми и прозрачными. «Трудящиеся» и «труд» находились в сложных, порой драматических и даже эпических отношениях: например, энтузиазм комсомольских строек, освоение целины, восстановление городов и производства после Второй Мировой войны свидетельствуют о том, что смыслополагающие структуры труда, позволяющие «присваивать» его на разных уровнях мотивационных психологических структур человека, даже отчужденный по своей сути труд могут «переинтерпретировать» и встроить в иную смысловую конфигурацию.

Важно отметить, что советское государство во все периоды своего существования очень широко и активно пользовалось разного рода «нематериальным» стимулированием, поощряя разного рода «социалистические соревнования», практикуя награждения почетными грамотами, «красными знаменами» и «орденами за трудовые заслуги», вывешивая фотографии передовых рабочих на «досках почета» и т.д. Эти нематериальные социальные формы мотивирования трудящихся порождали особую форму отношения к труду — труд ради почета, социального признания и престижа. Если рабочие и служащие капиталистического строя в своей массе были мотивированы улучшением личного уровня жизни

и рассматривали труд как средство его достижения, то для советских рабочих и служащих труд был средством получения социального уважения и избегания социального остракизма, которому подвергались «тунеядцы». Слом советского режима привел к тому, что огромная масса трудового населения оказалась не только в психологически чуждой, но и объективно прямо противоположной парадигме отношения к труду.

Если в социальной парадигме трудящийся гарантированно получал возможность участвовать в трудовой деятельности и за этим следили государственные органы на местах в лице ячеек разного уровня, имел стандартную заработную плату и жестко нормированный рабочий день, гарантированную пенсию и определенный срок выхода на пенсию и все эти параметры большинством участников трудового процесса оценивались положительно и рассматривались как показатели стабильности и социальной защищенности, то в капиталистических условиях каждый параметр изменился на прямо противоположный. Другое дело, что и в первом и во втором случае труд для большинства оставался отчужденным в каждом пункте трудового процесса: трудящиеся были отчуждены от средств производства, продукта, получаемой прибыли, возможности влиять на стратегические решения развития предприятия и т.д.

Склонность к труду всегда жила и продолжает жить в человеке. Более того, органическая потребность в труде являлась мощным фактором антропогенеза и даже «на заре человечества была присуща почти в равной

степени всем людям» (Чангли, 1973, с. 76). Лишь в условиях действительно социалистического развития люди могли получить шанс реализовать в масштабах общества понимание того, «что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения» (Маркс, Энгельс, 1974, с. 98). Подлинный социализм — это социальный строй, который призван дать широким массам трудящихся возможность выработать действительное коммунистическое отношение к труду, прямо противоположное «великому почину» (В.И. Ленин) и состоящее в том, чтобы на практике упразднить отчужденный труд посредством планомерного сокращения рабочего времени в материальном производстве. Возможность эта была упущена.

В данной статье мы наметили важное жизненное противоречие, от успешного разрешения которого зависят психологическое благополучие, личностный рост каждого человека в современном мире. Это противоречие складывается из двух разнонаправленных, противоположных тенденций в развитии жизнедеятельности каждого человека.

Одна из них состоит в прогрессивном развитии «высших уровней человеческой жизни» (С.Л. Рубинштейн). Данная тенденция проявляется в становлении внутренней мотивации, интеграции личности и деятельности, развитии целостной субъектности и, следовательно, в очеловечивании человека.

Другая тенденция состоит в регрессивном развитии самих профессиональных деятельностей в материальном (а отчасти и в духовном) производстве, в превращении трудовых деятельностей в отчужденный труд. Основой такого регресса является дезинтеграция человеческой деятельности, в результате которой целостная субъектность человека вытесняется из сферы материального производства, заменяется все более и более развитыми (мощными, быстродействующими и т.д.) орудиями труда, обеспечивающими небывалый рост производительности труда и производства в целом.

Каждый человек и каждое общество вынуждены так или иначе решать это противоречие. В классовых обществах оно решается фактически в сфере «социального бессознательного», самой расстановкой классовых сил, автоматически обеспечивающей «выбор», результатом которого для подавляющего большинства людей становятся дезинтеграция их деятельности и личностная деградация. Социализм как переход к бесклассовому обществу был призван впервые в истории привести к тому, чтобы решение этого противоречия стало сознательным делом каждой отдельной личности. Оказавшись в ситуации отчетливо осознанного противоречия, реальной жизненной альтернативы: либо расширенное производство вещных богатств, «корыта потребления», либо расширенное производство свободы, свободного от отчужденного труда и отданного трудовой деятельности времени, — каждый человек и каждое общество в целом сделали бы свой выбор. Но ни условие свободы, ни

условие осознанности соблюдены не были. «Труд свободы» (Мамардашвили, 1990, с. 63) не состоялся. Исторический переход к социальному строю, построенному на основе производства свободного времени, «пространства человеческого развития» (К. Маркс), той «ткани», из которой соткана жизнь целостной субъектности человека, все еще остается открытым социальным проектом, однако, на наш взгляд, такой социальный строй является альтернативой реальным капитализму и социализму, чьи исторические перспективы представляются весьма сомнительными.

«Кризис» капитализма является сейчас наживейшей темой в социальных науках, и авторы расходятся только в том, является ли нынешний кризис глобализованного капитализма конечной стадией его развития, за которой последует исчезновение с социально-экономической сцены этой формации как таковой (М. Хазин), или же это всего лишь очередной кризис, за которым бесконечно будут следовать другие, однако сама капиталистическая формация — это единственная жизнеспособная форма (Ф. Фукуяма). При этом создается впечатление, что не существует никакой осмысленной третьей альтернативы двум классическим противоборствующим формациям — капитализму и социализму.

На наш взгляд, вопрос о перспективах дальнейшего исторического развития можно задать иначе: существует ли сейчас и будет ли существовать в дальнейшем тот социальный субъект (класс), который реально заинтересован в переходе от обслуживания своим отчужденным трудом

расширяющейся сферы материального потребления к внутренне мотивированной трудовой деятельности? Такой класс существует, его принято называть «средним классом».

Именно этот класс является генератором новых «точек роста» глобализованного сообщества, именно он обладает достаточным самосознанием и самоорганизацией, чтобы противостоять отчуждению на всех его уровнях. Поэтому вопрос о преодолении отчуждения – это вопрос о жизнеспособности «среднего класса», представители которого все меньше хотят быть наемными рабочими, а все больше хотят быть собственниками – и не только материальных благ, но и своих политических и гражданских прав, культурных и духовных сил.

В настоящее время глобальный мир переживает очень важный и очень опасный период: будет ли «средний класс» утвержден в нем как субъект свободы или же он по-прежнему будет распадаться на две фракции – торгующих своим трудом и присваивающих чужой труд, на капиталистов и наемных рабочих как вечных антагонистов. Иными словами, «средний класс» со временем будет либо истощен новой поляризацией, либо из «среднего» станет «центральным», в виде гражданского общества, члены которого будут связаны между собой «горизонтальными» свободными трудовыми деятельностями. Становление этого класса неизбежно ведет к распаду привычного иерархически организованного мира «труда и капитала», поляризованного, неравноправного и по сути своей антагонистического.

Можно по-разному относиться к возникшей сейчас в разных странах волне революционных и протестных движений, однако бесспорно, что их важной психологической движущей силой является борьба молодых представителей «среднего класса» за «присвоение» своих отчужденных политических, гражданских, экономических, культурных прав и свобод.

Еще одним проявлением данной тенденции, еще одной «точкой роста» «нового среднего класса» является, на наш взгляд, дауншифтинг, постепенно становящийся из эпизодического явления массовым движением. Сокращение рабочего времени в сфере отчужденного труда в советском государстве так и осталось пустой декларацией партийной номенклатуры. Сокращение рабочего времени в сфере отчужденного труда в современных наиболее развитых капиталистических странах выступает как дауншифтинг, когда сами люди, имеющие хорошее образование, высокий социальный и экономический статус, обладающие высоким уровнем самоорганизации и активности, реализуют в своей индивидуальной жизни новую социальную перспективу. Метафорически говоря, если повышение уровня жизни можно рассматривать как действие «социального лифта» (П. Сорокин), то дауншифтинг можно рассматривать как своего рода «социальное колесо», которое формирует «новый средний класс». Оно перемещает находящихся на относительно более высоких социальных уровнях людей на относительно более низкие уровни без потери ими своего психологического статуса образованных и успешных людей (т.е. без маргинализации, психопатизации,

аутизации, ухода в разного рода разрушающие наркотические зависимости и т.п.). Одновременно оно пополняет новыми людьми «старый средний класс». Начавшиеся исследования в этой области (Бутонова, 2009; Мащенко, 2010; Chhetri et al., 2009; Chhetri et al., 2009; Craig-Lees, Hill, 2002; Drake, 2000; Elgin, 1998; Gandolfi, 2005; Gandolfi, Cherrier, 2008; Ghazi, Jones, 2004; Hamilton, 2003; Hamilton, Breakspear, 2004; Hamilton, Mail, 2003; Juniu, 2000; Salt, 2001; Saltzman, 1991; Schor, 1998; Tan, 2000; Turns in the road,

2001) показывают: дауншифтинг как набирающее силы массовое социальное движение может уже в ближайшем будущем привести к образованию принципиально нового социального класса, являющегося реальной альтернативой как капиталистам, так и наемным рабочим.

Описанный нами открытый социальный проект может стать ориентиром для развития критической психологии — новой психологической дисциплины, занимающейся инновационными социально-психологическими конфигурациями.

Литература

Антонов Н.А. К вопросу о сущности современной профессиональной ориентации молодежи // Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР. Таллинн: АН ЭССР, 1977.

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Баумгартен Ф. Психотехника. М.: Гостехиздат, 1926.

Бутонова Н.В. Дауншифтинг: новое правило — отказ от всяческих правил // Новые традиции: Коллективная монография. СПб.: Петрополис, 2009. С. 169–176.

Волков Г. Эра роботов или эра человека? // Новый мир. 1963. № 2. С. 178–188.

Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6: Романы и повести. М.: Художественная литература, 1978.

Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. М.: Художественная литература, 1975. (Библиотека всемирной литературы; Т. 75).

Грушин Б. Свободное время. М.: Мысль, 1967.

Дубсон Б.И. Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1980.

Капица П.Л. Некоторые принципы творческого воспитания и образования современной молодежи // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 16–24.

Кларед Э. Профессиональная ориентация, ее проблемы и методы. М.: Вопросы труда, 1925.

Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1954. 4.1.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.

Липман О. Выбор профессии. М.: Вся Россия, 1923.

Ломов Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1990.

Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Самосознание мыслителя в классической и современной буржуазной философии // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1955а.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955б.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955в.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1957.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. М.: Политиздат, 1962.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат, 1969.

Мащенко О.А. От стресса и денег... к чему? // Управление человеческим потенциалом. 2010. Т. 3. № 23. С. 254–259.

Михайлов И.В. Проблема профессиональной зрелости в трудах Д.Е. Сьюпера // Вопросы психологии. 1975. № 5.

Орлов А.Б. Склонность и профессия. М.: Знание, 1981.

Паскаль Б. Мысли // Ларошфуко Ф. Максимумы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. (Библиотека всемирной литературы.; Т. 42).

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1976.

Руткевич М.Н. Роль социально-профессиональной ориентации молодого поколения в изменении социальной структуры советского общества // Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР. Таллинн: АН ЭССР. 1977.

Сиземская И.Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М.: Политиздат, 1981.

Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.

Титма М.Х. Социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1974.

Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975.

Укке Ю.В. Разработка психологических проблем профессиональной ориентации в США // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 170–179.

Чангли И.И. Труд. М.: Наука. 1973.

Bird L. Towards a more critical educational psychology // Annual Review of Critical Psychology. 1999. 1. 21–33.

Chhetri P., Khan A., Stimson R., Western J. Why bother to «downshift»? The characteristics and satisfaction of downshifters in the Brisbane-South East Queensland region, Australia // Journal of Population Research. 2009. 26. 51–72.

Chhetri P., Stimson R., Western J. Understanding the downshifting phenomenon: a case of South East Queensland, Australia // Australian Journal of Social Issues. 2009. 44. 4. 343–360.

Craig-Lees M., Hill C. Understanding voluntary simplifiers // Psychology and Marketing. 2002. 19. 2. 187–210.

Dafermos M., Marvakis A. Critiques in psychology — Critical psychology // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 1–20.

Drake J.D. Downshifting: How to work less and enjoy more. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2000.

Elgin D. Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich. N.Y.: William Morrow Books, 1998.

Gandolfi F. Downshifting: Quitting the rat race // Human Resources Magazine. November, 2005. P. 20–21.

Gandolfi F., Cherrier H. Downshifting: A theoretical and practical approach to live a simplified life. Hyderabad: The ICFAI University Press, 2008.

Ghazi P., Jones J. Downshifting: the best selling guide to happier, simpler living. L: Hodder Mobius, 2004.

Hamilton C. Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper № 58. Canberra: The Australia Institute, 2003.

Hamilton C., Breakspear C. Getting a life: Understanding the downshifting phenomenon in Australia. Discussion paper № 62. Canberra: The Australia Institute, 2004.

Hamilton C., Mail E. Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper № 50. Canberra: The Australia Institute, 2003.

Juniu S. Downshifting: regaining the essence of leisure // Journal of Leisure Research. 2000. 32. 1. 69–73.

Mentitis M. Rebel pathologies: From politics to psychologisation... and back // Annual Review of Critical Psychology. 2010. 8. 217–236.

Newman F., Holzman L. All Power to the Developing! // Annual Review of Critical Psychology. 2003. 3. 8–23.

Parker I. Critical psychology and critical practice in Britain // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 89–100.

Salt B. The big shift: welcome to the third Australian culture. Sydney: Hardie Grant Books, 2001.

Saltzman A. Downshifting: Reinventing success on a slower track. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1991.

Schor J.B. The overspent American: Upscaling, downshifting and the new consumer. N.Y.: Basic Books, 1998.

Sloan T., Austin S., Warner D.N. Critical psychology in the belly of the beast – Notes from North America // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 42–51.

Tan P. Leaving the rat race to get a life: A study of midlife career downshifting: Doctoral thesis. Melbourne: Swinburne University of Technology, 2000.

Turns in the road: Narrative studies of lives in transition / D.P. McAdams, R. Josselson, A. Lieblich (eds). Washington, DC: American Psychological Association, 2001.

Обзоры и рецензии

Р. Линн, Т. Ванханен. Интеллект: связующий конструкт для социальных наук. Л.: Ольстерский институт социальных исследований, 2012

R. Lynn, T. Vanhanen. Intelligence: A unifying explanatory construct for the social sciences. L.: Ulster Institute for Social Research, 2012

В книге «Интеллект: связующий конструкт для социальных наук» Ричард Линн и Тату Ванханен представляют дополненные и уточненные данные о национальных IQ всех стран, впервые опубликованные в 2002 г., и продолжают разработку своей теории, согласно которой интеллект играет роль в объяснении того, почему одни страны являются богатыми, а другие остаются бедными. Их инновационная работа получила широкое признание как основополагающая новую пограничную дисциплину, которую Б. Песта с соавт. (Pesta et al., 2012) назвали дифференциальной эпидемиологией.

Основной мыслью новой книги Р. Линна и Т. Ванханена является то, что различия в интеллекте объясняют значительную долю вариации между индивидами во многих важных социальных переменных, в том числе в образовательных достижениях, доходе, бедности, здоровье, продолжительности жизни, либерализме и счастье, а также в рождаемо-

сти, преступности и религиозности. Большая часть книги посвящена демонстрации того, что национальные различия в интеллекте сходным образом объясняют значительную часть вариации между нациями в тех же областях. Они утверждают, что это вполне предсказуемо, потому что нации являются совокупностями индивидов и, следовательно, законы, которые были установлены в психологии для индивидов, должны быть распространены на социальные явления.

Р. Линн и Т. Ванханен заканчивают книгу обсуждением эволюционной психологии национальных различий в интеллекте. Они приводят данные, согласно которым эти различия значимо связаны с климатом и географической широтой: национальный IQ выше в популяциях, которые эволюционировали в более холодном климате. Как они полагают, объяснение этому состоит в том, что выживание в более холодной окружающей среде налагает

больше когнитивных требований и оказывает давление отбора в пользу более высокого интеллекта как генетической адаптации.

Книга представляет новый этап развития их работы, вскрывающей объяснительную ценность национальных различий в интеллекте для большого числа экономических, образовательных, когнитивных, политических, демографических, социологических и эпидемиологических явлений. Исходя из этого, они пола-

гают, что интеллект должен рассматриваться как связующий объяснительный конструкт для социальных наук, подобный таким конструктам, как энергия, масса и т.д., которые являются связующими для естественных наук. Так же как физику иногда называли королевой естественных наук, психологию следует считать королевой социальных наук.

Перевод А.А. Григорьева

Литература

Pesta B.J., Bertsch S., McDaniel M.A., Mahoney C.B., Poznanski P.J. Differential epidemiology: IQ, neuroticism, and chronic disease by 50 U.S. states // *Intelligence*. 2012. 40. 107–114.

Сатоши Каназава (Satoshi Kanazawa) — PhD, Лондонская школа экономики (London School of Economics)

Контакты: s.kanazawa@lse.as.uk

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Methodology, Thinking, Communication

The author gives a response to the critique of contemporary methodology, aiming to demonstrate the increasing need for methodology and the absence of its alternatives. A number of characteristics of contemporary methodology are presented, such as its commitment to reconstruction of unsatisfactory forms and ways of thinking, as well as creation of new ones, the control over the methodological thinking as such, its basis in the techniques of thinking and the knowledge of the nature of thinking, close association with philosophy, and differentiation between general and specific methodology. In the light of a contemporary communication crisis, criteria for correct methodological work and thought are discussed.

Keywords: methodology, thinking, communication, correctness, effectiveness, conceptions, realization, program.

Special Theme of the Issue. New methods of psychological assessment

G.M. Breslav. Elaboration of Frequency Index of Sexual Satisfaction (FISS) in Marital Relationships Assessment

Despite the crucial significance of sexual satisfaction in marital relationships, this phenomenon is under-investigated. Scales or subscales of sexual satisfaction used in research and psychotherapeutic practice are based on disorders of sexual relationships only. This work's goal is a new scale of sexual satisfaction elaboration based on the concept of long-life and normal rela-

tionships. As distinct from previous clinical and sexology scales and subscales, this scale is aimed not at the assessment of disorders in the field, but at the assessment of full-fledged sexual marital relationships. In the process of multi-stage verification of 126 statements on sexual relationships' features utilized in vocabularies and previous scales 16 positive statements were selected and modified. They were provided with the continuous scale of frequency estimation «never – ever». The first studies using this scale have shown its good construct validity and high reliability by inner consistency.

Keywords: Sexual satisfaction, sexual interaction, sexual relationships, marital relationships, pleasure, assessment scale of feelings, frequency of sexual feelings.

E.A. Orel, T.E. Khavenson. Attitudes towards Statistics in Social Science Students: Operationalization and Measurement

The paper presents a study aimed to develop a Russian-language instrument measuring attitudes towards Statistics in students specializing in social sciences. The SATS-36 scale (Schau, 2003) was used as a basis. All the stages of questionnaire adaptation are described in detail. The sample was comprised by 253 students from three departments of Higher School of Economics. Factorial structure of the questionnaire was demonstrated using confirmatory factor analysis. The factorial structure of the new Russian-language questionnaire was somewhat different from that of the original instrument, in line with the specific features of Russian-language educational environment. The data on reliability and validity of resulting sca-

les are presented. The paper also includes a theoretical review tracing the history of the notion of attitudes towards statistics and of their measurement.

Keywords: attitudes towards statistics, SATS-34, instrument adaptation, questionnaire development, teaching statistics in higher education, statistics in social sciences.

E.N. Osin, D.A. Leontiev. Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: Structure and Properties

An original instrument, Multidimensional Inventory of Loneliness Experience (MILE) is presented. The inventory is based on the authors' theoretical model of personal attitude towards loneliness. According to this model, acceptance of loneliness as an existential given opens a possibility to appreciate situations of solitude and to use their resources in a productive way that leads to deeper self-awareness and personal growth. Conversely, non-acceptance or fear of loneliness leads to avoidance of solitude by continuous search for social contacts which turns into avoidance of self-encounter and becomes an obstacle for personal growth. MILE contains 40 statements (a shorter version of 24 statements is also presented) grouped into 3 scales measuring the intensity of experienced loneliness and two attitudes towards loneliness, namely, positive solitude and dependence on communication. Three online samples were used, with over 2,500 respondents overall. The structural validity of the instrument was demonstrated using structural equation modeling, and the resulting

scales were reliable (α in the 0.81–0.90 range). Convergent and discriminant validity was supported by predictable associations with measures of subjective well-being, life meaning, extraversion, affiliation motivation, and alienation. Using person-oriented approach methodology and cluster analysis, 4 distinct patterns of perceived loneliness were described.

Keywords: loneliness, solitude, positive psychology, subjective well-being.

E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva, E.N. Osin. Coping Strategies in the Structure of Activity and Self-Regulation: Psychometric Properties and Applications of the COPE Inventory

The paper summarizes the principal trends and outcomes of coping research in psychology and presents the results of 3 studies (N=590) aimed at Russian-language adaptation of the COPE inventory (Carver, Scheier, Weintraub, 1989). The results indicate the reliability and structural, convergent, and discriminant validity of the inventory. The structure of the test was supported by confirmatory factor analysis. Coping strategies showed predictable associations with subjective well-being, self-regulation, and personality resource indicators. Gender and age differences in self-reported coping strategy use are presented. Specific coping strategies were associated with academic performance, self-regulation effectiveness, and psychological well-being in people with disabilities.

Keywords: coping strategies, subjective well-being, personality resources, setting goals, reaching goals.

Psychology of education

A.O. Karpov. Sociocognitive Foundations and a Model of Research Learning

The paper analyses the specific aspects of cognitive attitude associated with the stage of social development when science becomes a cultural dominant defining economic and social structures. The notion of dynamic competence is introduced, its basic instrumental components are defined, and a mechanism of cognition-based social mobility is shown. A historic example from the Reformation era is used to demonstrate the power of the cultural context that transforms epistemic communities. A model of research learning under scientific giftedness conditions is presented.

Keywords: dynamic competence, cognitive growth, research learning, social mobility, cognitive attitude, knowledge-based society.

Personology

A.N. Isaeva. The «Opposition Principle» in Personological Cognition

The paper discusses the principle of opposition as a way of understanding personality that is peculiar to European thought. This principle finds its conceptual foundations in dialectic philosophy, depth psychology, and in the theory of vital relationships of personality developed by E.B. Starovoitenko. The opposition principle is considered within the context of general personology, and the possibilities of its application to state and develop new problems of personality research by means of synthesizing theory, hermeneutics, and

practices of personology. The author describes the ontological, gnoseological, and reflexive phenomenological 'modes' of existence of oppositions in personality life. Results of a qualitative hermeneutic study of personality attitudes to the oppositions of life are presented. Intuitive ways of dealing with oppositions are reconstructed on the basis of European and Russian fairy-tales and described. The problem of the «I» as a subject of attitude to oppositions in life is stated.

Keywords: personology, opposition, contradiction, vital relationships of personality, «I», fairy-tales, intuition, reflection.

Interdisciplinary Research

A.B. Orlov, N.A. Orlova. Critical Psychology in Action: A Societal Perspective

The presents a psychological and sociological projection of the object of critical psychology as a discipline that views a human being as a process of becoming, rather than a given, facticity. The drama of integral human subjectivity is seen from within the logic of development of the world of activities, material production. A starting opposition that is needed to solve the problem of personality and activity is set. The traditional psychological approach to this problem is opposed to the activity approach that is not realized within the traditional logic of phylogenesis or ontogenesis of the human mind, but in the logic of its social genesis that reveals the process of emergence of the contemporary world of activities. The authors discuss an opposition between static and dynamic (historical) analysis of the world of activities, which is seen as

the principal determinant of the processes of personality development and formation. The main stages of material production, such as craftsmanship, manufacture, machinery, and automatic production, are presented. This evolution of material production is associated with disintegration of integral labour activity of a human being, his/her alienation from this activity, and a subsequent split of his/her life into labour and leisure activities. The two principal tendencies seen in the development of the world of activities are: the genesis of labour and exclusion of human from this labour. Two different forms in which these contradictory tendencies

may be realized in contemporary society are: alienation of labour and overcoming of labour alienation, seen as different psychological and social conditions for personality development. The future of the world of activities seems to lie in the reduction of worktime in material production, increase in the possibilities for authentic self-realization of humans and integration of their subjectivity in the leisure sphere. This promises an existential and social resolution of the critical opposition between two opposing ideological paradigms of the 20th century: the «unending deadlock» of capitalism and unending rebirth of «deadlock» socialism.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-52557 от 25 января 2013 года зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11.5